

По слову Блистательного Дома

Эльберд Гаглоев

По слову Блистательного Дома

«Лениздат»

2006

Гаглов Э.

По слову Блистательного Дома / Э. Гаглов — «Лениздат»,
2006 — (По слову Блистательного Дома)

Грандиозные битвы народов и стремительные схватки виртуозных бойцов, состязание разумов и столкновение чар. И, конечно, герой, который, даже приобретя небывалую мощь, помнит о близких и, тоскуя о них в разлуке, больше всего хочет вернуться домой. А если для этого придется спасти мир — ну что ж, так тому и быть...

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	37
ГЛАВА 6	40
ГЛАВА 7	49
ГЛАВА 8	53
ГЛАВА 9	60
ГЛАВА 10	64
ГЛАВА 11	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Эльберд Гаглоев

По слову Блистательного Дома

Пролог

Солнце тяжело светило в глаза.

«Убрать, что ли, – вязко шевельнулась мысль. – Лень».

И мужчина нехотя отодвинул голову, тяжелую, как валун, в спасительную тень.

Мощная волосатая рука протянулась, цепко ухватила прозрачный кувшин, и в высокий бокал, позвякивая в густом соке, посыпались кубики льда. Напиток сладким, мятно-пряным потоком мазнул по нёбу. Скользнул дальше.

«Хорошо».

По широким плитам груди вязко ползли сквозь густую черную поросль капли воды, накапливаясь в лохматом полотенце, наброшенном на чресла, собирались лужицами, просочившись меж жестких кудряшек на мощных мускулистых ногах тяжелоатлета.

«Бассейн – суррогат. На море хочу. А вот и поеду. Сегодня же. С делами решу. И поеду, – уже живее ворохнулось. – А то дурь какая. Пять километров в бассейне. А до моря... живого моря – час лета».

– Господин!

У входа на огромную белую веранду, нависшую над бездонной пропастью, склонился в поклоне мажордом.

«И не жарко ему?» – привычно удивился, глянув на фигуру борца, туго облитую темным френчем, ворот которого впился в начавшую жиреть шею. В галифе, в сапогах. Какой пень придумал? Да сам же и придумал. Не должно подчиненному быть удобно в присутствии господина.

– Говори, – разрешил.

– Магас просит принять его. – На безукоризненно набриолиненной голове мажордома сыграл солнечный зайчик.

– Хочешь посмотреть мне в глаза? – лениво.

– Не смею, господин, – не нарушая поклона.

– Не глуп. Зови.

Беззвучно пятясь, тот исчез.

Под вал палящего солнца шагнул другой. Такой же высокий. Но тощий. Нет. Перевитый жилами. Алое трико подчеркивает ломкую красоту умелого тела. Склонился в поклоне.

– Садись. Ах, да. Позволяю приблизиться.

Гибко выпрямился. Подошел, сел, не поднимая глаз. Верхнюю губу обрамили жемчужинки пота.

Тяжелыми ноздрями голый втянул аромат страха. «Бойтся? Или жарко?». Ноздри еще раз дрогнули. Довольно. Бойтся.

– Позволю себе доложить. У нашей группы все готово. Подготовительные мероприятия проведены в полном объеме. Можем начинать.

– Детали.

– Арфаны получили Камни и начали переброску. Берсы надавили на улаганов. Те приняли серебро.

– Сколько?

– Шестнадцать возов.

– Дай вдвое.

– Да, господин. Позволь продолжить.

Тяжелая голова качнулась. Слегка.

– Их идет двенадцать клунгов.

– Мало.

– Изменим, господин.

– Не менее двадцати.

– Тогда они откроют крепости берсам. Могут не согласиться.

Гольй повернул голову. Тяжелым взглядом вмял в кресло.

– Пускай успеют. Не вымрут, если что. В клунгах достаточно девок. Злее будут.

– Еще идут хорвары. Они идут дешевле.

– Сгодятся. Сколько?

– Пятьдесят сотен.

– А как там этот, – щелкнул пальцами, – премьер-резидент?

– Проведена операция по выводу из Столицы. Реализуется стадия нейтрализации и замены.

– Я доволен. Отведай с моего стола.

– Не смею, господин.

– Боишься?

Алый быстро кивнул.

Гольй привстал в кресле. Тяжеленная лапа мелькнула над кувшином.

– Теперь пей.

Он любил такие невинные шутки. Не для низших его питье. И горе тому, кто забудет. И смерть. Долгая и страшная. Непростое питье.

Жилистый наполнил бокал. Со страхом поднял к губам. Отпил. Подержал во рту, прислушиваясь к ощущениям. Быстро дернулся кадык. Незаметно облегченно вздохнул. Думал, что незаметно.

– Пей. Пей.

Гольй встал. Упало полотенце. Гибко, незаметно поднял. Укрыл чресла. Так, стоя, он был еще огромнее. Фигура атлета.

Подошел к балюстраде, искрящейся на солнце белым камнем. Укрепился локтями. Глянул туда, где далеко внизу, полускрытая облаками, веселым серебром неслась в изломах ущелья блестящая нить реки.

– Подойди, – велел.

Алый подошел.

Великан глянул в лицо. Красиво очерченные губы, тонкий породистый нос.

«Красив, как девка. Но подл. Редкостно подл. И умен».

Сквозь густые ресницы мелькнул... Взгляд?

Узкие, как шрам, губы великана тронула улыбка.

«Нет, не умен. Смел».

Мощные шерстистые лапы змеями ухватили жилистую шею, перекинули тело через перила и замерли, удерживая над бездной.

Алый в ужасе попытался было оторвать страшные руки. Воздуха хотелось. Воздуха. Но глаза, вырываясь из орбит, цапнули бездну под ногами, и руки его, умелые руки убийцы, опустились.

– Господин, – просительно прохрипел.

В башке колотили молотами, в глазах темнело, темнело. И вдруг он почувствовал, что его повлекли и бросили. Тело сжалось в ощущении полета. Но удар о полированный мрамор веранды.

– Убирайся, – громыхнуло.

– Прости, господин, прости, – хрипел он, воздев себя на колени, не смея взглянуть на повелителя, никогда-никогда, и пятась, пятась.

– И скажи, пусть мне подадут мясо.

Великан стоял, даже не повернувшись. Он обонял. Он обонял этот волнительный аромат ужаса, к сожалению так скоро уносимый непослушным горным ветерком.

– Твое мясо, господин, – шелестнуло звоном сосудов.

Обернулся, цепко глянул на стол.

На серебряном блюде, кто скажет, что я нечисть, шесть плит слегка обугленного мяса уже выпустили красноватый сок. Яростный аромат наполнил рот слюной, сцепил капкан челюстей, а зверь желудка заорал: «Я здесь, я здесь».

Шагнул к столу, не желая видеть ничего по сторонам, рука цапнула кусок, сок водопадом ринулся в рот, проливаясь на подбородок, сорвался, потек по груди, обжигая, и первый, самый сладкий кусок, уже обвалился в утробу, когда сквозь запахи, вбитые умелыми поварами в мясо, ноздрей коснулся сладкий аромат. Аромат страха.

Взгляд зацепился за широкие хрупкие плечи, ломко отброшенные назад, удерживающие спелую грудь, едва прикрытую прозрачной спелой повязкой. С интересом прошелся по поджарому животу, со сладкой продольной впадиной, волком пронесся по длинным стройным ногам и вернулся туда, к заветному, что выдавало себя черным треугольником за завесой мягко облежавшей длинную стройную талию кисеи. Барсом скакнул к лицу.

Слегка скуластое лицо, сочные алые губы, нервные крылья изящного носа, брови вразлет, спрятавшиеся за густыми ресницами длинные глаза, идеальная форма гладко выбритого черепа. И запах. Свежей женщины. И страха. Одурающе.

Рука разжалась. Кусок мяса хлопнулся на мрамор пола, рассерженно разбросав брызги, что повисли на густой шерсти ноги. Скатываясь.

Извозганный в соке палец зацепил на груди повязку. Потянул. Тонкая ткань подалась и лопнула, не в силах удержать совместных усилий нахального пальца и вырвавшихся наконец идеальных полушарий, что заколебались, наслаждаясь свободой. А поросшие черным пальцы уже вобрали сладость одной, другая рука легла на кажущееся хрупким плечо, неожиданно оказавшееся ненамного ниже плеча великана. Прижала, наслаждаясь гибкостью тела. Резко развернула, отчего кисея послушно поплыла по длинным бедрам.

А в уже широко открытых глазах женщины полыхал ужас, смешанный с облегчением.

А онпил аромат кошмара, упивался им.

Великан любил, как пахнет страх.

ГЛАВА 1

Кто-то из классиков сообщил потомкам, что прекрасен Днепр при ясной погоде. Парк культуры и отдыха имени Коста Левановича Хетагурова просто прекрасен. В дождь, когда в парке никого нет и аллеи парка засыпает мелкая изморось; в снег, когда среди придавленных снегом деревьев глохнут, как в вате, все звуки и лишь философствующие вороны перекаркиваются о чем-то своем; в яркие солнечные дни, когда энергичные владикавказцы с сытой гордостью поглядывают за своими отпрысками. А те носятся по утоптаным еще папашами аллеям под излазанными и испрыганными не только ими, но и их дедушками и некоторыми бабушками деревьями.

Но лучше всего в парке рано утром в ясную погоду осенью. Тихо, прозрачно, как бывает только перед тем, как, наигравшись в бабьем лете, погода дарит еще несколько дней ясного неба перед длинными обложными дождями. Лишь близкий негромкий шум Терека оттеняет покойность утренней природы. Еще не бороздят дорожки беспокойные стайки тинейджеров, не обнимаются у парапета парочки, не бродят по закоулкам пенсионеры с гвардейской выправкой, не истаивают напряженностью обвешанные оружием мальчишки из России, посланные в «горячую точку», а попавшие на курорт. И молодые мамы не катят коляски, преисполненные гордости за свои спящие чада, а те, убаюканные ласковым рокотом реки, гордо сопят и активно вентилируют свои маленькие легкие чистым горным воздухом. Тишина. Покой. Прохлада. Нега.

И что, спрашивается, я здесь делаю в такую рань? Вчера мы славно отхлебнули в «Саянах», и, по идее, мне надлежит лежать в кровати под одеялом, чуткими с похмелья ноздрями улавливать аромат разогреваемого богоданной супругой мясного супчика. Вместо этого на расвете я нахожусь в парке. Да. В парке. Утром. Прекрасно помню, как я, истинный сын гор, терпеть не могу эти закутки, обложенные кафелем, мне нужен простор, голубая даль, приметил себе капитальную, прошлого века, стену и все. Дальше не помню. Не так уж много я и выпил. Мы, осетины, генетически крепки к выпивке. У нас только официальных тостов сорок девять. А потом неофициальщина. Но это мы уже у казаков набрались. Ну не мог я досидеть лишь до половины застолья и прекратить воспринимать окружающую меня действительность, тем более что до нашего десерта, до фыдчинов, дело еще не дошло.

Но факт остается фактом. Очнулся я в парке. Голова... Голова не болит. Очень странно. Несмотря на свою устойчивость к алкоголю, пить я в общем-то не люблю именно из-за праздничных утренних ощущений. Но голова не болит, организм не мутит, хотя стесненность в ощущениях присутствует. Сфокусировав взгляд на коленях своих, я обнаружил и причину стесненности. Она была вульгарна до неприличия. Это были джинсы, узкие кожаные джинсы, заправленные в высокие кожаные сапоги, из голенищ которых торчало по две рукояти ножей, украшенные в торце большими синими стекляшками. (Давно не ношу ножи открыто. Тем более так ярко украшенные.)

А где же мои штанишки из мягкой шерсти цвета кофе с молоком, мои славные туфельки, мои хорошенькие черненькие носочки. Мысль о том, что носочки могут оказаться под сапогами, вдруг притупила ярость, могущую плавно перетечь в панику. И кроме того, мальчишка, живущий в каждом мужчине, украдкой протянул руку и вытащил один из ножей.

И мальчишка, и я, видевший на своем веку не одну сотню ножей, восхищенно замерли. Прекрасно. Идеально. Удивительно законченное оружие. Недлинный, в полторы ладони, черненый клинок в форме сильно вытянутого, слегка закругленного треугольника с односторонней заточкой, небольшая гарда с ловушками на обе стороны. Перекрестье украшено гладкой синей стекляшкой. Слегка рифленая рукоять, непонятно из чего. Покрутил. И драться,

и кидать. Песенка, а не нож. Если бы не эти дурацкие стекляшки... Такие же, по размеру побольше, украшали и перстни, унижавшие все мои пальцы.

Я никогда не носил колец и перстней, к обручалке привыкал полгода. Я поднес руки к глазам. Руки, конечно, были мои, я узнал их, что наполнило меня гордостью, но вот перстни меня смущали. Роскошные, варварски роскошные болты так яростно разбрасывались бликами, что украшающие пальцы наших местных крутых и братков на их фоне показались бы дешевой бижутерией. Запястья были прикрыты манжетами из толстой мягкой кожи с каким-то металлическим шитьем, а манжеты переходили в рукава, а весь я был одетый в какую-то кожаную кавалерийскую шинель с пелериной, украшенную тем же шитьем, что и манжеты, и синими стекляшками, такими как в рукоятках ножей. И сидел я на берегу пруда в парке родного города, а рядом стояла, прислоненная к скамейке толстая палка с опять же синим камнем в торце, и я весело сходил с ума. Судя по всему.

Всегда и везде вечная слава воде. И с размаху я сунул голову в мутные голубые воды. Освежения не получил, но попал мордой в плодородный ил и слегка успокоился. Зашел чуть глубже и смыл с фейса последствия истерики. Проезжая мимо вашей станции, милостивый государь... Попытка протереть лысину не увенчалась успехом, так как там, где раньше ладонь проносилась, слегка покалываемая коротеньким ежиком, теперь она въехала в какое-то металлическое сооружение, сидящее на очень густых волосах. Рывок за оные убедил меня, что парик я по-прежнему не ношу. Волосы росли из меня, а с головы я снял широкий обруч белого металла с очередной синей стекляшкой. Круги на воде разошлись, и с глади водной на меня посмотрел как всегда двухметровый я, но с волосами и с диадемой в руках а-ля Румата Эсторский, в плаще а ля граф Дракула. Плюнув в этого красавца, я повернул к берегу и понял, что толстая палка, прислоненная к скамейке, не что иное как меч в ножнах. Если следовать Стругацким, а-ля барон Пампа дон Бау.

Отсюда надо было выбираться. Милиция в столь ранний час парк не посещала, но представители разного рода спецназов, квартирующих в нашем городе, по слухам, любили утренние прогулки в этом райском уголке. Привыкшие к экстравагантности жителей нашего города, которые резко залюбили национальную одежду, она ведь дает возможность обвешиваться разного рода холодным оружием, меня в таком виде они за местного джигита все же вряд ли бы приняли. Выйти в город и тормознуть машину я тоже не мог. Рокеров и панков у нас отродясь не водилось, сексуальные меньшинства, по слухам, тоже любящие кожу, в нашей патриархальной республике вели себя скромно. Так что вопрос «Кто ты такой?» прозвучал бы абсолютно однозначно. Мои соплеменники, задав вопрос, очень последовательно пытаются получить ответ. А мне оно надо?

Пойду-ка я обратно в «Саяны», и пусть Эдичка меня отправляет домой, потому как денег у меня, похоже, нет, как, впрочем, и карманов.

Я зарегистрировал очередную победу разума над страстями и эмоциями, подхватил палку, не пропадать же добру, и бодро двинул к обшарпанному двухэтажному строению, видневшемуся за деревьями на другой стороне пруда. Это строение было известно узкому кругу ограниченных людей как «Саяны». Милейшее место, всегда открыто для своих, всегда закрыто для чужих, и никаких безобразий. Престарелые гангстеры курируют сию заводь, так что бедокурить там – себе дороже.

В парке было тихо и, в связи с ранностью времени, совершенно пусто. Не было даже мучимых бессонницей спортсменов. Всю жизнь не мог понять две категории людей – утренних бегунов и альпинистов. Первых – так как не мог понять прелестей раннего вставания с целью последующего растрясания организма, а вторых – как потомственный горец, ну это как дегустатору на кондитерской фабрике предложили бы съесть килограмм пять трюфелей.

По дороге я увидел лишь одного почтенного старца, сидящего на лавочке. Он сидел, выпрямившись, развернув плечи, на которые было наброшено легкое пальто, и задумчиво кру-

тил в руках какую-то изогнутую железяку. Рядом с ним стояла трость с навершием в форме секиры. Я вежливо пожелал ему доброго утра, у нас еще не изжила себя традиция здороваться со старшими. Дед поднял голову, кивнул мне и не торопясь потянулся за своей палкой. «Надышался, наверное», – подумалось мне, и тут же громкий металлический щелчок заставил меня развернуться. Зрелище впечатляло. Почтенный старец каким-то образом всунул кривую железяку в подобие секиры и теперь текучим, отнюдь не старческим шагом, направлялся ко мне, постепенно раскручивая свое оружие. Честно говоря, сначала я обернулся в надежде, что агрессия деятельного пенсионера направлена не в мой адрес, но с сожалением вынужден был констатировать, что именно меня жаждет тюкнуть в темя воинственный ровесник века.

Не доходя нескольких шагов, старик взвился в воздух, занося секиру с явным желанием развалить вашего покорного слугу минимум на две половины. Против всех своих инстинктов, оравших мне в оба уха, что пора бежать, я прыгнул ему навстречу и ударил плечом в грудь. Старикан был широкоплеч и сухощав, во мне же сто тридцать килограммов весьма-таки жесткого мяса. Молодость и масса победили. Престарелый агрессор отлетел назад, но вместо того чтобы навзничь грохнуться наземь, он, перекатившись воспрял на ноги и начал пластать воздух своим топориком с явным намерением порубить меня в нежный мясной фарш. До сего момента я знал два метода борьбы с человеком, машущим топором – бежать или стрелять. Стрелять мне было не из чего, но и бежать я не спешил, так как откуда-то совершенно точно знал, что и как надо делать. Делая какие-то малопонятные движения, я, к своему огромному удивлению, умудрялся уклоняться от секиры, которую буквально со всех сторон на меня обрушивал неугомонный старец. Несколько раз секира полоснула по шинельке, но не оставила на гладкой коже даже царапины. В какой-то миг моя правая рука что-то тронула на палке, лезвие легко вышло из ножен, щелкнула, открываясь, гарда из двух поперечных коротеньких клинков, блик солнца ударил агрессору в лицо, секира ушла чуть дальше, чем нужно. Пинком в грудь я подбросил деда и с разворота ударил по его старчески желтой жилистой шее. Рукоять слегка прянула в ладони, и на землю злодей упал уже фрагментами. Я глянул на клинок и увидел, как немногие капли крови буквально растворились в его синеватом чешуйчатом теле.

Враг в это время повел себя странно. Он зашипел, дымнул и за пару секунд исчез. Как и не было. Вернее, серый костюмчик, туфли и ловкая секира остались, а тело – пшик и нетути. Я подобрал топорик и опять пошел в «Саляны».

Мне стало очень интересно, где это я так научился биться. У меня есть, и немалый, опыт боев с вооруженными и невооруженными врагами, но спокойствие и просчитанность действий во время схватки указывали на опыт боев с противником, вооруженным длинным оружием, холодным оружием. А вот его то у меня как раз быть и не должно. Неоткуда. Кроме того, кровь на клинке. По словам бабушки, чем меньше ее на клинке, тем чище удар. А откуда у меня может взяться чистый удар, если я шашкой вживую рубил один раз в жизни и то вусмерть пьяный, причем барана, которого держали человек шесть. Башку то я ему отвалил, но кисть болела еще недельку. А у злыдня шея была потолще, и на месте он не стоял. Летал. Парил, можно сказать. Все мои знакомые старики говорили, что чистого удара без крови на клинке можно добиться лишь размахивая оным целыми днями и не один год. Судя по количеству крови, тем мечом, что был у меня в руках, размахивал я не один десяток лет, а это был именно меч, не палаш, не сабля, не шашка – меч. Наиболее сложное для использования длинноклинковое холодное оружие. Китайцы считали, что мечом можно научиться владеть за шесть лет, европейские рыцари учили своих потомков владению этим символом рыцарской чести с пеленок, мои предки давали меч трехлетнему мальчишке, с каждым годом увеличивая его вес и лишь достигнув зрелости – семнадцати лет – мужчина получал право обнажить его в бою. Я никогда не учился владеть мечом, шашкой. А тем не менее срубил дедка, который явно многие годы, да что там годы, похоже, всю жизнь, совершенствовал свое смертоносное умение.

За этими веселыми мыслями я незаметно добрел до обшарпанного кирпичного забора, в котором ржавой заплатой торчала железная дверь, в которую я и постучал. Не многие знают, что за ней скрывается одно из наиболее приятных мест в нашем славном городе. По причине ли раннего времени или по каким еще, дверь мне не открывали. Настроение, в связи с утренними событиями, было, скажем, так себе, и я врезал по двери обухом прихваченной секирки. Пригодилась вещичка.

– Не надо ломать дверь, я уже иду. Что случилось? Кто там?

– Я.

– Кто я? Вы знаете, сколько здесь всех ходит, а вдруг вы маньяк?

– Эдичка, открой дверь.

– Кому Эдичка, а кому Эдуард Борисович и...

– Эдвард! Или ты откроешь дверь...

– Брат мой! А что с голосом? Ах, что я говорю. Ты нашелся! Сейчас я всем позвоню, все приедут, будут рады, – меланхолично ликовал мой собеседник, вяло позвякивая засовами.

– Открой дверь.

– Все, уже открыл.

Врата распахнулись, и передо мной предстал Эдичка. Среднего роста пузатенький мужичок, в темных очках, с эспаньолкой на смугловатой круглой физиономии, в остроносых туфлях, черных брючках, плотно охватывающем животик кожаном жилете и неизменно белоснежной рубашке. С бейсбольной битой в левой руке. Биту он, впрочем, сразу спрятал за спину и уронил от греха подальше. Этакий представитель медельинского картеля, правда, местного разлива.

Я шагнул в мощный мрамором двор и почувствовал себя более спокойно.

– А что за прикид, брат? – Эдичка снял очки и, надо полагать, все-таки разглядел меня. – Пойдем лучше в бар. А то что-то ты очень... Продвинутый больно, – нашел определение.

Внутри очень уютно. Атмосфера старого духана, много дерева, кувшинов, только новомодная стойка с подсвеченным разноцветьем бутылок выпадает из общего стиля.

Эдичка подслеповат, но носит темные очки без диоптрий. Считает, что это круто. Вероятно, вид мой так шокировал парня, что он перешел на арго, которым пользоваться обычно стеснялся. Да, стеснялся, пожалуй. И после матюков сообщил:

– У тебя очень оригинальный костюм. Такое шитье, такие камни.

– Какое шитье, какие камни, – перегнулся я через стойку, – рюмку водки, стакан чаю, бутерброд с черной икрой. Бегом! – Я перевел дух. – Все за твой счет. Или в долг. Денег все равно нет.

– Ильхан, какие деньги? – взмахнул коротенькими руками Эдичка.

Я плохо на него посмотрел, и все искомое, как по мановению волшебной палочки, появилось передо мной. Ледяная водка склизко провалилась в желудок, ее вкус перебил аромат хорошо заваренного «Черного принца», вдогонку я затащился сигаретой и внезапно понял, что всего этого, водки, чая и сигарет, в моей жизни очень давно не было.

– Эдвард, когда я у тебя был последний раз?

Эдичка сразу понял, что уже можно общаться. Он у нас немного психолог. Немного психолог, немного философ, немного жмот, немного жулик. Пижон редкий. В общем, обычный бармен.

– Вчера. С женой, детьми, двумя Андрями. Деток увезли часов в восемь, а вы остались. Новый стол накрыли. Потом ты вышел и пропал. Что было! Ты не представляешь. Андрюха поднял своих, Андрей своих. Весь парк на уши поставили. Из Галки только искры не сыпались. Я ее прямо испугался. Тебе лучше домой поехать. А то твои здесь такое учинят. Да и семья переживает. Наверно. Слушай, – без перехода спросил он, – это у тебя что, парик?

– Грива конверсионная, – буркнул я, – *на* вот, лучше посмотри, что это за стекляшка, – потянул с головы обруч и расстегнул шинель.

Как всякий приличный бармен, Эдичка разбирается в камнях и золоте. У нас народ увлекающийся, так что в качестве платы чего только не оставляют.

Эдичка быстренько ухватил поданный ему головной убор. Глянул на свет, потер, еще глянул, стрельнул в меня взором. Протянул мне обратно и преувеличенно спокойным голосом сообщил:

– Это – сапфир. Похоже, не искусственный. Но натуральных камней таких размеров не бывает.

– Точно не бывает?

– Быть не может, – помолчал минутку. – У нас в городе точно. Может, у шейхов каких-нибудь. В Арабистане. А у нас нет.

Вдруг меня осенила нехорошая мысль.

– Постой-ка, Эдичка, не мельтеши. Вы что, и родне сообщили?

– Ну не то чтобы сообщили, но ребята звонили твоим двоюродным... – Тут Эдичка осекся и медленно сказал: – Сообщили.

Это было не плохо. Это было отвратительно. Мне срочно надо было восставать из небытия, потому что если семья решит, что я пропал, то в городе уже сегодня будет жуть как весело. Мне пришлось наступить на много мозолей, прежде чем здесь воцарилось это хотя и шаткое, но подобие порядка, и, соответственно, недоброжелателями я обзавелся. Имена их, в общем-то, широко известны, и если фамилия решит, что кто-то нам задолжал кровь, то найдется масса охотников этот самый долг истребовать. У нас в семье восемьсот мужчин, у которых есть взрослые сыновья, у нас есть две братские фамилии, с которыми мы не обмениваемся невестами, и еще шесть близких. Их предки всегда становились рядом с нашими, когда возникала необходимость, а зная нравы наших земляков, можно предположить, что необходимость такая возникала нередко. В исторической ретроспективе. Дело в том, что мои пращурсы отличались очень предприимчивым нравом, но были при этом весьма, я бы даже сказал, излишне, прямолинейны. И если им приходило в голову, что в их самых лучших на свете горах чего-то не хватает, они седлали коней и отправлялись устанавливать социальную справедливость на бессовестно цветущие равнины. А когда зажавшиеся жители цветущих долин возмущались и пытались восстановить социальную справедливость, но уже в своем понимании, вот тогда и возникала необходимость поподдерживать друг друга. Так вот, если семья решит, что кому-то из ее членов пришлось солоно, то безобразия Чикаго 30-х годов или Москвы 80-х покажутся детскими забавами по сравнению с тем, что могут учинить эти гордые дети гор. Сейчас принято посмеиваться над тем, что вроде как горец на оскорбление отвечает ударом кинжала, но уверяю вас, это отнюдь не метафора, а оскорбление – понятие очень широкое.

– Эдичка, зови такси. Быстрее зови.

Эдуард стал очень важен. Легким движением руки он снял с пояса еще один штришок в портрете колумбийского гангстера – мобильный телефон. Одной рукой набрал номер.

– Алло. Фирма «Ролла»? Здравствуйте, двенадцатая. Да. Эдуард. К «Саянам» машинку бы нам. побыстрее. Устроит. Ехать? На Костанаева.

Выключил. Повесил на пояс. Победительно на меня глянул. Ну любит Эдичка понтануться. Половину, наверное, своих левых доходов тратит на переговоры. Ну как не пустить в глаза ближнему хорошую порцию свежей пыли.

– Дай, пожалуйста, телефон.

Эдичка – тонкий человек, сразу понимает, когда заканчивается романтика и начинаются суровые будни. Безмолвно он поставил на стойку роскошный телефон, трубка которого была реанимирована скотчем, бутылку минеральной воды, стакан и гордо удалился на кухню.

Последующие пятнадцать минут я активно проявлялся, умиротворял агрессоров. Утешал душевателей и гладил по головке ниспровергателей.

– Машина приехала, – высунулась из кухни голова Эдички.

– Очень хорошо.

И подхватив свой колюще-рубящий арсенал, я двинул к выходу. Эдичка с верной битой отправился меня провожать.

Зябкая прохлада раннего утра успела смениться нежным теплом наступающего дня. Метрах в десяти от входа в ресторан стояла машина с длинной антенной на крыше. Фирма «Ролла», друг всех загулявших и опаздывающих. Верный, но платный друг. Осталось дойти до нее, сесть и уехать.

– Эй, ты, лохматый. Стоять. Документы есть?

Гораздо ближе, чем машина, метрах в пяти, но с другой стороны, стояло очаровательное трио. Наш гордый селянин, одетый в милицейскую форму, в нелепо сидящем поверх прекрасно пошитого конвейерным способом кителя бронежилете, в каске, с автоматом и дубинкой. Этаким столбиком правопорядка. И парочка поджарых здоровяков в армейской одежке. По хорошо подогнанной сбруе было видно, что эти ребята явно не обыкновенные деревенские пацаны, наскоро сунутые в камуфляж. Оба лет под тридцать. Форма как вторая кожа сидит. Забыл пояснить. Город наш – почти горячая точка. У нас тут зона вялотекущего конфликта с восточными соседями на религиозно-территориальной почве. Большие дяденьки из Москвы как развели нас в свое время, так теперь все пытаются умиротворить и присылают ребят, абсолютно далеких от всех наших узкоместных конфликтов. Ребята здесь, правда, неплохо навариваются. И если их не посылают дальше в Чечню, никак не могут понять суть нашей маленькой войны, которая не прекращается ни на один день уже черт знает сколько веков. Ни мы, ни наши соседи друг у друга в доме хлеб не едим и, следовательно, мириться не собираемся, но умники из Столицы регулярно присылают разные спецназы, которые в основном, ну правда это то, что мы знаем, патрулируют совместно с нашими милицистами. Приезжие – ребята крутые, и, наверное, поэтому их начальство выдает им только палки. С какими только дубинками не прогуливались по улицам бывшего форпоста России на Кавказе дети нашей великой Отчизны. Одни под мышкой таскали метровые дубины из дерева, другие носили очень красивые резиновые дубиночки у пояса, третьи на кисти крутили складные пружинные кистенечки. Местные милицейские начальники пытались не отставать от гостей и обряжали своих воинов практически во все, что было у них в арсеналах. Но поскольку и у начальников семьи, то носили наши brave защитники правопорядка, как правило, что-то явно не от оружейного Кардена.

– Документы есть? – С этими словами грозно амунированный селянин наставил мне в живот ствол потертого «калашника».

– Какие документы, Казик? – влез в беседу Эдичка. – Это же Хан.

– Какой на фиг Хан! Что я Хана не знаю? Это опять бешеный кришна какой-то. Такие козлы недавно у нас в Цее святилище сожгли. Опять какой-нибудь твой долбаный меньшевик из Москвы.

Казик не мог простить Эдичке того, как один его богемический знакомый из столицы представился ему представителем сексменьшинств. Высокообразованный сын гор решил, что тот представитель партии меньшевиков и, как приличный осетин, весь вечер поднимал бокалы в честь гостя, не забывая спаивать его. Коварный Эдичка, за что-то сердитый на Казика, не стал растолковывать ему, к какой именно партии принадлежит жалующийся на притеснения со всех сторон гость. Сентиментальный милиционер, решивший, что его новый знакомый вульгарно находится в бегах, предложил ему укрыться на время у него в селе. Разомлевший от тостов, заверений в вечной дружбе и любви гость, похоже, кроме всего прочего, очарованный усатой физиономией Казика, обманутый поцелуями в губы (а у южан это достаточно широко распространенное выражение симпатии, не имеющее к содомии никакого отношения), со всей широтой своей гомосексуальной души предложил «прекрасному горцу» свою любовь. Предложил громко, вслух, прилюдно... Мораль. Пить надо меньше и не верить коварно-гостепри-

имным кавказцам. У нас, в отличие от некоторых соседей, к проблеме меньшинств относятся без понимания.

И сейчас Казик совершенно не хотел понимать Эдичку. Впрочем, меня действительно было сложно узнать. Но это все лирика. Интереснее было смотреть на поджарых. При слове «Хан» они переглянулись, вскинули правые руки к торчащим из-за правых же плеч длинным дубинкам и одновременно начали движение. Стоящий справа от Казика врезал ему по физиономии и на развороте рубанул меня длинным клинком. Второй пинком впечатал Эдичку в дверь подсобки и повел мечом на уровне моей груди. Спасло меня много всего сразу. Во-первых, я поскользнулся и больно упал на левое колено; руки, естественно, пошли наверх, и удар первого скользнул по зажатой в левой руке дубине с мечом внутри, царапнул по шинельке, не прорубив ее, а правая с топором злого пенсионера, прикрывая голову, оказалась на пути второго клинка, который, вырвав оный топор, швырнул его в первого злодея. Пока злодей, прогнувшись назад, спасался от этого неожиданного подарка судьбы, я перекувыркнулся вперед и, выхватив меч, рубанул отбирателя сувениров по ногам. Он подпрыгнул, решил меня долбануть с лету, но наткнулся на острие моего меча. Своим же весом поджарый распорол себе грудину. А вот его клинок несильно полоснул меня по спине. Верная шинелька не подвела. Оставшийся в живых поджарый ошалело глянул на вспоротый труп своего соратника и пошел крестить меня мечом. Клинки пару раз гулко звякнули, моя левая рука скользнула под шинель и на уровне пояса без удивления нащупала очередную знакомую рукоятку. Я чуть придержал его клинок гардой и воткнул слева кинжал. Прямо под ухо. Капитан Фракас какой-то. Местного разлива.

Я огляделся. Для начала надо было определиться со своими соратниками. Эдичка потихоньку отскребся от дверей подсобки и с моей помощью принял вертикальное положение. Его здорово качнуло, и я от греха подальше усадил его на скамейку, стоящую у входа в кабачок. Обычно он сам усаживал на нее перегулявших клиентов. Наконец и сам удосужился посидеть.

– Эдичка, ты меня слышишь?

Он неуверенно кивнул.

– Сильно и резко вдохни.

Он послушно выполнил требуемое, зашелся кашлем, перегнулся и попытался облевать мои сапоги. Я отскочил.

Продышавшись, он поинтересовался:

– Чем это он меня? – поморщившись, потер грудь. Охнул. – Ощущение, как будто лошадь лягнула.

– Ребра сломаны?

Эдичка покрутил торсом.

– Да вроде нет. А как там Казик?

– Эй, вам помощь нужна?

Оглянувшись, я увидел доброго самаритянина армянской национальности из фирма «Ролла». С разводным ключом в руках. Женя. Водитель. Спасатель всех напившихся. Отвозитель потерявших ориентацию в пространстве. Приноситель мужей к женам. Никто лучше его никогда не мог объяснить загулявшему пассажиру неразумность идей по продолжению гуляния. Женя не раз был замечен в бесплатной доставке пропившихся до дому. Долги у нас, как правило, не забывают, и в накладе самаритянин не оставался.

Сейчас он был, пожалуй, напуган, но разводной ключ в руках говорил о серьезности его намерений в сфере обеспечения нашей защиты.

– Круто ты их, Хан. Как МакЛауд. Я как увидел, что они на тебя поперли, сразу сюда рванул, но ты их так шустро почикал...

В этот момент враги повели себя так же, как и дед из парка. Завоняли и исчезли. Но имущество оставили. Женя глянул на эти метаморфозы, побледнел и тихонько присел рядом с Эдичкой на лавку. Я давно заметил, что работники сферы обслуживания чем-то неуловимо

похожи друг на друга. И эти сидели как два братика, оба бледненькие, толстенькие, напуганные, но решительные. Один с пиратской бородой, другой – без. И подпирали друг дружку плечами.

– Вы тут посидите, а я гляну, что с Казиком.

А с ним было не так плохо, как мне показалось сначала. Скорее всего, злодей не планировал его убивать и просто вырубил ударом в нос. Нос был перебит. Владелец носа хотя и пребывал в эйфории, но еще при моем приближении начал подавать признаки жизни. По окончании же осмотра утвердился на пятой точке и грозно поинтересовался:

– Где этот... – По идее, как истый горец в представлении русского человека, он должен был бы выдать что-либо мощное типа «сын собаки» или «сын падшей женщины», но обогащенный знакомством с великим и могучим Казбек обошелся более емкой фразой и, воздев себя на ноги, грозно шелкнул затвором автомата. Взгляд его упал на окровавленные вещички, и он осекся.

– Казбек, брат мой, – обратился я к нему, – а где ты взял вообще этих двоих?

Лик его отобразил непривычную работу интеллекта.

– Как где? В отделе. С дежурства пришли. Напарник отошел. Тут эти двое подходят. Пойдем, говорят, в парк сходим.

– Ну и зачем ты пошел?

– Хрен его знает, – растерянно отвечивал он. – Не знаю.

Это было неприятно, но факт. Мои неведомые недоброжелатели могли не только сами проявлять ко мне свою неприязнь, но и убеждать других в том, что я плохой человек. И вообще владели способностью воздействовать на людей.

Философски пожав плечами, я привычно отправился собирать трофеи. Топор отлетел недалеко, а мечи... Мечи были просто шикарными. Прямые односторонние клинки по форме напоминали катаны. Сталь их, с глубоким многослойным узором, притягивала взгляд. Простая ровная деревянная рукоять без узоров и украшений. Простые деревянные же ножны. Обладив ими клинки, я получил обычные палочки с еле заметными полосками. И если мой меч доставал где-то до солнечного сплетения, то эти едва доставали до пояса и вполне могли сойти за трость.

– Зачем тебе столько? – Казик с завистью смотрел на мои приобретения.

– Ты себе лучше шмотки заberi.

– Да там все в крови.

– Ничего, женщины отстирают. Да и броники кевларовые.

Казик деловито поднял разрубленный доспех.

– Правда кевлар. А как же ты его разрубил?

– Сам не знаю.

– Да ты знаешь сколько такой клинок стоит?! – В глазах его разгоралось зарево глупой жадности, ствол автомата стал покачиваться.

– Я знаю, сколько стоит твоя глупая голова.

Зарево потухло.

– Извини.

Кто ж его знает, захотели бы злодеи, расправившись со мной, оставлять в живых его и Эдичку. Я не знал ответа на этот вопрос. Да и он тоже.

– Женечка! Женечка! – Тот вскинул голову. – Багажник открой.

– Багажник открой, – раздумчиво покачивая головой, таксер бросил в открытый багажник ключ и уселся за руль. Я загрузил туда же свои трофеи, сел на заднее сиденье, меч пристроил себе на колени. За прошедший час с небольшим его присутствие дважды спасало мою жизнь. И проверять, как долго я протяну без него, в мои планы не входило.

Мы уехали, а Эдичка с Казиком остались убирать и мародерствовать на поле битвы. И почему-то мне показалось, что Эдичка в дележке преуспееет. Как Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке».

ГЛАВА 2

– Женечка, подожди пару минут. Деньги вынесу.

– Не беспокойся, Эдик за счет заведения такси заказал.

– Ну спасибо вам. Уважили. Давай. Счастливо тебе.

– И тебе счастливо.

– На, возьми вот на память. – Я сорвал с пояса какую-то блестяшку и сунул Женечке в ладонь.

– Оставь, а, – возразил было он.

– Молчи давай.

Я вышел из машины. Рано совсем. Восьми нет. Дом спал. Гнездо, так сказать.

– Эй, приехал я! Открывайте, – заколотил в двери, которые против всех правил оказались заперты.

Калитка отворилась, и на пороге показалась фигура высокого худощавого мужчины с цыганистым лицом в спортивном костюме. Левая рука покоится в кармане куртки, а карман вопреки всем законам физики не висит, а торчит. Причем торчит в мою сторону. Складывается ощущение, что вести себя таким антинаучным способом его заставляет рука, всунутая в упомянутый карман. Только вот размер кисти был совершенно уж гипертрофирован.

– Заходи, раз приехал, – проговорил Андрий, колюче разглядывая меня, и ствол при этом внимательно так смотрел мне в живот.

Зная привычку этого бендеровца палить через одежду, я решил не оставлять его приглашение без внимания. Перешагнул порог. Вошел. Какая радостная торжественная встреча!

– Ты, гость дорогой, секиряку и палки свои брось. А грабки подними, да повыше.

У меня стало складываться четкое убеждение, что мой украинский друг на перелом челюсти уже навыпендривался.

Открылась дверь, и на крыльце появилось сонное небесное видение.

Забранные на затылке длинные волосы, огромные каре-зеленые глаза, взлетевшие в вечном изумлении брови, припухлые в детской обиде губы, багирин подбородок, нежная, женственная фигура, пленительных очертаний которой не мог скрыть ни мой нерастянутый свитер (по ночам у нас и весной прохладно, горы), ни домашние джинсы. Половина моя богоданная. Три года не видел. Какие три года? – ворохнулось. Сутки, не больше. Три года – тяжким камнем подтвердило в душе. Я стоял, как соляной столб, и не мог насмотреться, наестся этим зрелищем, которого так долго был лишен. А в голове колоколом било. Три года. Три года...

– Кто там, Андрий? – сонно спросила. Глянула на меня. – Вам кого? – Сонливость в глазах потаяла. Спросила неверяще: – Илька?! – И вдруг громко: – Илька!

И еще не успел упасть на землю отброшенный плед, как в грудь мне ударила соломенная молния, и высокий лоб скользнул по ключице, и две гибкие руки охватили затылок, и в лицо ткнулись соленые от слез губы. А потом меня били и называли дураком, а я хохотал от счастья, целуя слезы в огромных глазах, и любимый курносый нос, и нежные щеки, и невесомые тонкие волосы, и сладкую шею, и тонкие ключицы. А меня отталкивали и, смущенно оглядываясь, опять называли дураком, но уже с очаровательными чертиками в глазах, которые выгнали совсем чужие здесь облака грусти. А потом гулко завопили «Папочка!», и в ногу, едва не сбивая, ударила старшенькая, крепкая и тяжелая, как камешек. И опять. «Илька, дурак, хоть бы позвонил». Это уже жуткий человек – теща с выражением немалого облегчения на добром лице. И с прошибающим перепонки писком по мне карабкалась младшенькая, и радостно кудахтали родственницы, и колотил по плечу Андрий с воплем «Ты иде був, бисов сын», и сквозь толпу встречающих рвался казачий сын Андруха, похожий на белогвардейского офи-

пера. Он свирепо топорщил короткую щеточку усов и орал: «Пустите меня к нему, щас я ему вмажу».

Мне были рады.

Наконец встречающие слегка успокоились, организовались и стали целенаправленно подталкивать меня в сторону дома.

На лежанке, стоящей под навесом, приподнялся сухощавый старик. Сократ.

– Кто это? А, Ильхан. Я же говорил вам, что он вернется. А вы переживали. Мужчины нашего рода всегда возвращаются. – В осетино-индейской манере поприветствовал он блудного меня и улегся обратно. Принципы не позволяли ему вставать раньше девяти.

А я, руководимый странным инстинктом, опять подобрал меч.

– Есть хочу, – порадовал я дамскую половину народонаселения.

– Пойдем-пойдем, – обрадовался народ.

Не понимаю я женщин. Что хорошего в зрелище много и долго едящего мужчины. А им нравится. Так что, возможно, хохлы и правы, когда заявляют: «Спасибо тому, кто съел, приготовить каждый может».

Кормили меня долго и тщательно. И я мел с пугающим аппетитом. Почему с пугающим? Несколько лет назад мне проткнули живот и, дабы не увеличивать число жителей Царства Мертвых, врачи вырезали у меня кусок кишок. А возможно, просто на колбасу. С тех пор ел я весьма диетично и сугубо сдержанно, потому как каждый лишний кусок был воистину лишним. Брюхо начинало сильно болеть, и приходилось пить множество лекарств. Сейчас же я ел, как лесной пожар, и даже тяжести в организме не ощущал. А есть хотелось.

При этом мне приходилось отвечать на множество вопросов. О своем кожаном туалете – теще, о перстнях на пальцах – родственницам, о мече – Андрюхе, о волосах – детям. Выяснив, что это теперь мои волосы, дамы сразу начали меня причесывать. Потрясающие, доложу я вам, ощущения. А солнышко мое сидело, смотрело на меня, обжору, и молчало, подперев любимое лицо узкой кистью. А все было непередаваемо вкусным. И складывалось ощущение, что я очень давно не ел этой обычной, в общем-то, пищи. У меня в доме кухня простая, но сытная. Деликатесами ведь не наешься, как, впрочем, и набившими оскомину из телевизора йогуртами и легкими творожками. И ем я то, что здесь готовят изо дня в день. Однако обычные ленивые голубцы под сметаной вызывали у меня абсолютно зверское слюноотделение и странное чувство ностальгии. С некоторыми эмоциями я вообще не мог разобраться. Слезы радости кипели в глазах. От счастья перехватывало горло. Но улыбался. Отвечал. Шутил. И не мог понять, почему во мне росло убеждение, что давно, очень давно не видел я эти милые близкие лица. Ведь я делся куда-то всего день назад. День. И успели отрасти до лопаток жесткие космы волос. И костяшки пальцев покрывал белесый налет наростов. И зубы легко перемальвали крепкие бараньи кости. И каждый посторонний звук бросал ладонь то к неподвижно лежащей трости, спрятавшей в себе меч, то к украшавшим жилет ножам. И не было жарко в тугой кожаной одежде. Напротив. Привычно.

И в голове, с уже привычной истеричностью, ворочался вопрос: «Где я был?». Ведь в памяти не осталось ничего из того, что произошло за сутки, пока я отсутствовал. Ничего.

Наконец насытился. С удивлением оглядел груды опустошенных тарелок, мисок, банок. Жить стало легче. На сытый желудок действительность воспринимается приятнее.

– Ну спасибо. Теперь я могу разговаривать. Пойдем в дом.

Расположились мы в зале.

– Ты где был, Илька? – сурово поинтересовалась уже успокоившаяся половина. – Мы чуть с ума не сошли. Вышел на улицу – и нет тебя, и нет. Андрюха вышел за тобой, потом прибежал. Андрия позвал. Возвращаются – пропал, говорят. Я так испугалась. Ребят вызвонили, весь парк прочесали. Нет. Нигде нет. Я уже что только не подумала.

– Удивил ты нас – что говорить, – сообщил Андрий. – Хорошо хоть, вернулся. А я ведь не узнал тебя. Да и сейчас не совсем узнаю. Другой ты какой-то стал. Оброс. Пузо куда дел?

– Да что ты говоришь? Не узнаю. Я его сразу узнала.

– Тебе виднее.

– Только, Илька, что с тобой, правда? Волосы, одежда какая-то странная, украшения. Ты где был?

– Не помню я ничего. Совсем не помню. Где был? Как был? Что делал? Не помню, – стянул я с головы венец, бросил его на столик. Глухо задребезжало.

– Крутая штука, – подхватил украшение Андрюха.

Вот кому было все равно – где, как, когда. Главное, здесь уже. Вернее друга, чем этот казачий сын, у меня не было, нет, да и не будет никогда.

– Что пристали к человеку? Не видите – не в себе он. Разберется – сам скажет. Ты вообще хоть что-нибудь помнишь?

– Как из «Салян» вышел – помню. И как утром в парке проснулся, помню. Уже вот в таком виде, – развел я руками. – Да, Андрий, позови еще пару ребят. В дом чужих не пускать.

– Сделаю.

– Не сиди. Делай.

Он недовольно нахмурился. Хороший человек Андрий. Строптивный только.

– В доме и так четверо. – И предусмотрительный. Добавил: – Андриюхины. Муха без спроса не пролетит.

– Андрюха, дай посмотреть, – не сдержала любопытства половина, протягивая руку к странному украшению.

– Пстой. На вот лучше тебе.

И я поволок из-за пазухи предусмотрительно упрятанное туда ожерелье. А вот с венцом странная штука получилась. В машине я его снял. Когда надел? Наверно, когда из багажника трофеи доставал. Да так и оставил. Странно. Мне вообще-то и шапка мешает. А тут на такую тяжесть и внимания не обратил. И дети не тронули.

От размышлений оторвала тишина, воцарившаяся в помещении. Все, не отрываясь, смотрели на добытое из-за пазухи сокровище. А мне вот почему-то потребовалось усилие, чтобы осознать это ожерелье чем-то иным, чем украшение. А ведь действительно, похоже, хороших денег стоит. Весьма хороших. Увесистая такая вещица. Не по виду. Золото, серебро, камней многоцветье.

– Как красиво, – протянула супруга. Приняла. Тонкую руку утащила вниз тяжесть украшения. – Ой, тяжелое. Это что, золото? Как много. Пойду, примерю.

Встала, ушла в спальню. Из-за двери раздался громкий вздох.

– Ильхан, ты бы сначала оценил его. А то вдруг такое дорогое окажется, что с головой снимут, – присоветовал Андрий.

Странный он, этот добродий со Львовщины. Во многих вещах не хуже профессора разбирается. Вот и сейчас. Я только начал калькулировать, а он, похоже, уже и оценил, и взвесил, и продал. Во тьме его прошлое. Никто о нем ничего не знает. Пять уже лет как со мной рядом стоит, а кто он, откуда – ничегошеньки не знаю. Но верю этому человеку. Сильно верю.

Познакомились мы с ним смешно. Как в кино. Я тогда еще не женат был. Поехали мы как-то с Андрюхой на речку. Барышень взяли. Выпить, закусить. Сидим. Речка шумит. Листья шелестят. Мясо на углях шипит. Девушки кокетничают. Мы пьянствуем потихоньку, да и они от нас отстать боятся. Красота и взаимопонимание. Один Андриюхин бодигард тверез. Бдит.

А недалеко от нас сугубо мужская компания гуляет. Не люблю я такие соседства, но они попозже приехали и расположились. И мы им, видно, напротив, понравились. Неудивительно, с нами шесть дам, одна другой лучше.

А компания веселилась угрюмо. Мрачные такие мужчины. С войны, наверное, приехали. Тогда по всему Кавказу войны гремели. А у нас спокойно было. Вот эти солдаты удачи и повадились к нам на отдых ездить.

Какой тогда Андрий повод выбрал, чтобы к нам подойти, я не помню. Приняли мы его как положено. Бокал подали, к столу пригласили. А он не чинился, выпил, сел, поболтал о пустяках, пару анекдотов траванул. Хороший человек. Только глаза грустные.

– Смотрю я на вас, – говорит, – и люди вы хорошие.

– Да мы и так хорошие, даже когда ты на нас не смотришь, – отвечаем.

– И обижать вас не хочется, – добавил.

Засмеялись мы. И он засмеялся. Точно, приезжий. Наши знают – нельзя людей обижать – обидятся. А мы с Андриюхой молодые были тогда и очень обидчивые. И качество это наше было широко известно.

– А не хочется – так ты и не обижай, – предложил Андриюха.

Но тот пропустил идею мимо ушей.

– Трое вас, – говорит, – а девушек шестеро. Мы так совсем одни. Несправедливо, – пригорюнился. – Давай так и сделаем. Пусть три девушки с вами останутся, а остальные к нам пойдут. Вы как, девушки, согласны?

Точно, приезжий. Даже не понял, как близко к нему смерть подошла. Стоит. Улыбается. Косу гладит. И этот пень сидит, улыбается. Ну мы ему тоже улыбнулись. Восток. А убивать нехорошо – гость. С нами один хлеб кушал. Да ладно. Отойдет на пяток шагов. И перестанет быть гостем. Мертвым наемником станет.

А дружки его уже терпение потеряли, на нас смотрят, на девушек, по-волчьи так смотрят. Думают, как делить будут. Я еще про себя смеялся тогда. Они, наверное, думали, что очень страшно выглядят. У Сашки под курткой автомат немецкий. Хеклер-Кох называется. У Андриюхи за поясом два ТТ было. Ну и я за город голый не поехал.

– Куда торопишься, гость дорогой? Посиди, поешь. Вот виноград американский попробуй. Очень вкусный.

Как не пошутить с хорошим человеком? Я взял большую кисть винограда и протянул ее грустноглазому. Он взял ее. Удивился заметно. Наверное, не так, с его точки зрения, должен себя вести человек, которого таки напугали. А себе я взял яблочко. Люблю яблочки. Меня так в детстве папа называл. А потом душегубы в Приднестровье, Таджикистане, Сербии. Много где. Везде по-разному. Но яблочко. А все потому, что любил этим самым плодом в лоб несимпатичных людей бить. Если сорт соответствующий выберешь, то эффект не хуже, чем от кулака, а то и лучше. И руки не болят. Крови опять же нет. Только сок яблочный.

Яблоко хорошее оказалось. Турецкое. С русской фамилией Семиренко. И крепкое.

Хотел проучить я этого человека. А вышло – спас.

Когда ему яблоко в лоб заехало, кто-то в спину ему выстрелил. И если бы его не отбросило назад, пуля пробила бы его сердце. А так не попала.

Эти ребята, похоже, не только нам одним не нравились, потому что одновременно с этим, прямо посреди кружка приятелей этого сокрушенного яблоком, в небо взлетели два дымно-огненных цветка и расшвыряли любителей чужих девушек. Осколки взвизгнули мимо нас. К счастью, никого не задела. Мы, конечно же, грамотно попадали под стол, но невидимый агрессор больше никаких признаков жизни не подавал.

Наш гость оказался ранен. Тяжело, но не смертельно. А поверхностный осмотр разбомбленных давал серьезные основания полагать, что им наша помощь не понадобится.

Мы быстренько убрались оттуда, но раненого прихватили. Полгода он провалялся. Потом оказалось, что ехать ему некуда. А потом он продемонстрировал качества, абсолютно незамеченные при выполнении поручений деликатного свойства. Так и прижился.

* * *

Из-за дверей показалась супруга в синем бархатном платье, поверх которого лежало ожерелье. Красиво. Хотя лицо было немного напуганное.

– Ты знаешь, мама говорит – камни настоящие.

Мы переглянулись. Если эти булыжники настоящие, то страшно было представить, сколько стоит эта красота.

– С ювелиром стоит посоветоваться, – с непривычной задумчивостью проговорил Андрюха.

– Поеду к дяде Мише, – решил было я. Глянул на жену. Три года – бухнуло в голове. – Вы идите пока. Нам поговорить надо. – И под моим непристойным взглядом супруга приятно порозовела.

После приятнейшего воссоединения я оделся в более приличествующий визиту костюм, нежели мои кожаные одежды. Сунул было за пояс ствол. Да только зачем он у дяди Миши? Совсем уже было собрался уходить, сопровождаемый приятно замутненным взглядом супруги и вопросом «Ты скоро?», но меня поволокло к небрежно сваленной на пол амуниции. Пристегнул наручные ножны, сунул один из кинжалов за пояс и, серьезно успокоившись, двинул к дяде Мише, опираясь на солидную трость с синим камнем в наверху. Ожерелье хотел ссыпать во внутренний карман пиджака, но оно не помещалось. Я надел его на шею и спрятал под рубашку.

– Скоро! Пока.

ГЛАВА 3

Дядя Миша – еврей и осетин одновременно. Ну сами посудите, кем может быть этот человек? Фамилия его Абрамов, зовут Самуил, отчество Ахшарович. Ахшар по-осетински «отважный». И сын его, дядя Миша, очень смелый человек. И он очень гордится тем, что он осетин. И он очень гордится тем, что он еврей. И пусть вас не смущает, что осетина дядю Мишу зовут Самуил. У подавляющего большинства его сверстников, живущих у нас, как правило, два имени. Одно русское, другое родное. На призывы родных и близких переселиться на историческую родину, на землю обетованную, отвечает приглашением к себе и начинает красочно описывать прелести нашей земли для него давно обетованной.

Дядя Миша суров. И никогда не прощает никому ни одной ошибки. С таким человеком, говорит он, можно иметь дела. Но ему нельзя доверять. А доверие дяди Миши стоит очень дорого.

Дядя Миша может достать все. И может купить все. Кроме наркотиков. К нему стоит идти лишь если у тебя есть большие деньги, вещи, которые могут его заинтересовать, или если у тебя есть его доверие.

Дядю Мишу можно пугать. Только это бесполезно. У него за спиной фронтовая разведка, два ордена Красного Знамени, десять лет лагерей и жуткое количество родственников и друзей. Он никогда не расстается с изящной тростью, несущей в себе длинный обоюдоострый клинок, который он, не задумываясь, пускает в ход. В пределах досягаемости его длинных изящных рук всегда откуда-то возникает, в случае необходимости, конечно, до белизны вытертый ТТ, из которого он стреляет, как рукой кладет.

«Мой друг, – часто говорит он, – моя работа требует высокой душевной ответственности. – И, помолчав, добавляет: – Не все это понимают».

Дядя Миша – кристально честный человек. «Я – осетин, – говорит он, – и я – еврей. А такой человек должен быть порядочен вдвойне».

Он знает меня с детства. Как вся наша босоногая, со сбитыми коленками, дворовая интеллигенция, я собирал марки и увлекался нумизматикой. Какое роскошное слово. Звенящее, как молодое вино. И лопаются пузырьки на языке.

Мы меняли марки на марки, монеты на монеты, марки на монеты, монеты на марки, в общем, жили обычной для нашего детства интеллектуальной жизнью.

Как-то раз я ковырялся на дедовском чердаке. Многие знают, какая это потрясающая страна чудес. Дом наш очень, очень старый, каменный с башней. И доковырялся. Отвалился кусок замазки, и из открывшейся щели выкатилось несколько тускло-желтых, с вытертыми надписями, старых монеток. Мне они не очень понравились, и я решил их сразу обменять. Но наши дворовые знатоки быстро выяснили, что это не кроны, и не марки, и не тугрики, и не злотые, а следовательно, никакой меновой ценности не имеют. Естественно, мы подрались. Я с детства был весьма целеустремленным индивидом и, дабы установить истину, отправился к крупнейшему известному мне специалисту в области нумизматики. Конечно же, к дяде Мише. Подтянув штаны, я рванул к его тогда еще часовой мастерской.

– Здравствуй, молодой человек, – приветствовал меня дядя Миша.

Нам очень нравилось, что он нас называет почти как взрослых. Мы все уважали и побаивались дядю Мишу. Он был старик, и у него были ордена.

Я сунул руку в карман необъятных штанов и добыл оттуда свои находки.

– Что это, дядя Миша?

Он взял монетки, вставил в глаз свою черную трубку, вытащил ее, зыркнул на меня и спросил, где я их взял.

– У деда, на чердаке.

– Ты их показывал кому-нибудь?

– Пацанам во дворе. Они им не понравились, – шмыгнул я разбитым носом.

– Вижу, – усмехнулся он. – Ты любишь ездить на мотоцикле?

Покататься на дядимишином мотоцикле было очень давней моей мечтой, и я отчаянно закивал головой.

До села мы долетели быстро и, руководствуясь моими указаниями, подкатили к воротам нашего дома.

– Деда, я гостя привел, – бросился я к деду.

Он любил меня, но проявлять свои чувства при посторонних, а тем более нежные, недостойно настоящего осетина, и легким подзатыльником я был командирован к бабуле. Незачем маленькому мальчику присутствовать при разговоре взрослых мужчин. Потом-то меня пустили прислуживать за столом, и я с гордостью наливал из пузатых кувшинов желтую араку или густое красное вино.

Дед скоро купил машину, а мне достался велосипед.

С годами, надо полагать, я показал себя достаточно трезвомыслящим человеком и заслужил то, что называлось у дяди Миши доверием.

– Что с тобой, мальчик? – поинтересовался он, когда я вошел в его контору.

К тридцати пяти я перестал быть молодым человеком и превратился в мальчика.

– Где твоя интеллигентная прическа и что за ужас ты носишь на своей голове.

Интеллигентная прическа – это моя роскошная лысина, а ужас – это, надо полагать, то, что на ней произрастает сейчас.

– Здравствуй, дядя. Посмотри, что это.

Об этом не многие знают, но в глубине конторы (дядя Миша терпеть не может модное слово «офис»), которая торгует всем, кроме наркотиков и живого товара, существует маленькая комнатка, в которой есть все для проведения досуга – ювелирное и часовое оборудование. Это святая святых. Весь город знает, что в конторе нет ничего достойного, кроме вычислительной техники, из-за чего стоило бы ее взломать. Троих заезжих молодых людей, не поверивших этому, нашли в весьма неприглядном виде. Узнать их могли только очень близкие родственники.

– Покажи мне, мальчик, вещь, которая, слава богу, заставила-таки тебя навестить старого дядю Мишу.

Не считая трех раз в неделю, когда он приходит сам поглядывать с моими дочерьми, один день из десяти я посвящаю ему. Старики обидчивы.

Дядя Миша, не торопясь, сел, вставил в глаз свою гляделку и сказал:

– Дай.

Я дал. Он посмотрел и быстро встал. Потом медленно сел. Провел рукой по волосам и начал внимательно рассматривать каждый камень. Откинулся в кресле, убрал свою гляделку и сказал:

– Сядь.

Я сел.

– Мальчик мой, – непривычно нежным голосом начал он. Я подобрался. Излишняя нежность в этом случае могла означать разное. – Я знаю тебя с детства.

Я кивнул.

– Ответь мне, сколько ты убил людей, чтобы завладеть этой вещью?

– Она что, такая дорогая?

– Ты помнишь старый анекдот о том, как еврей предложили купить Волгу?

– Да.

– На это можно купить все реки России со всеми пароходами и пристанями и даже песком. Какая самая большая река в Европе?

– Наверное, Дунай, – обалдело проговорил я.

– На нее хватит тоже. Ты не ответил мне. – В голосе дяди Миши звякнули нехорошие нотки.

– Хоть убей, не помню.

– Не разбрасывайся словами. У каждой честности есть пределы. Это, – он кивнул на ожерелье, – серьезный соблазн даже для моей.

В этот момент он очень напомнил мне удава Каа, не того, лениво-сытого, а другого, который издевательски интересовался, слышат ли его бандерлоги.

Настороженная, недобрая часть моего сознания, о существовании которой я и не знал, глухо зарычала и вздыбила загромок, а я почесал пузо и начал вытягивать кинжал. Воздух ощутимо загустел от напряжения.

Дверь в святая святых слетела с петель и впечатала меня в конторку. Терпеть не могу хамства. Отшвырнув дверь, я вытянул-таки кинжал и грозно, как мне хотелось бы, сверкая глазами, устремился к хулигану. Сверкание пришлось прекратить, потому как здоровила, весь бугристый от мышц, в неплохом, кстати, костюме, проорал какую-то нечленораздельную агитку и всадил зловещего вида секиру в конторку. Туда, где только что был я. Древнее сооружение с печальным грохотом прекратило свое существование. Я не стал ждать повторения и рубанул незваного гостя по горлу. У нас на Кавказе так: гость – будь добр к столу, не гость – сразу по горлу. Весело булькнув и залив меня кровью, мужчинка упал. Но радовался я недолго. В дверь пер такой же, за ним махал секирой очень похожий на двух первых. Кинжал в этом случае – не самый лучший аргумент против двух секир, и я наклонился, чтобы позаимствовать инструмент у первого посетителя. Кувыркнувшись, я еще успел избежать встречи с аргументом, которым радостно размахивал агрессор. Дядя Миша, оторопевший от такого шумного вторжения, наконец пришел в себя, не вставая с кресла, обнажил свой клинок и всадил его в глаз вооруженному злодею, откатился назад, гулко рывкнул неведомо откуда взявшийся ТТ, и третий с дырой в голове и выражением детского удивления на лице громко грянулся на пол. На дяде Мише не было ни капли крови. А я был как языческий бог прямо в момент жертвоприношения. Причем непонятно, меня ли жертвоприносили, мне ли.

– Наверное, тройняшки, – высказал я мудрую мысль.

Дядя Миша внимательно посмотрел на меня и растворил в пространстве пистолет.

– Мальчик мой, что происходит?

Тут он разглядел, чем покрыта рукоятка кинжала, который я пытался вытереть об одежду одного из посетителей, и его хваленая осетино-еврейская выдержка дала сбой. Он стал тем, кем и был – потомком двух лютых бандитских родов. И неважно, что одни его предки сбегали с гор за провиантом и развлечением, а другие добывали все, не выходя из городов, однако и те и другие излишним человеколюбием и терпеливостью не отличались, как, впрочем, и сам дядя Миша.

Он начал метать громы и молнии. Он рассказал, как печалится мой дед, глядя с небес на такого непутевого внука, как бодро ворочаются мои многочисленные, достойные всяческого уважения предки в своих последних пристанищах и как он будет вынужден оплакивать безвременный уход из жизни таланта (моего).

К счастью, в этот момент злодеи, как и все предыдущие, слегка прошипев, саморассосались, заставив дядю Мишу замолчать на полуслове.

– Дай мне кинжал, – протянул он руку.

С некоторой опаской я протянул ему клинок рукоятку вперед.

– Какое великолепие, – пробормотал старик, любуясь игрой камней.

– Чему я всегда поражался в вас, осетинах... – После прочтения нотаций дядя Миша быстренько становился представителем самой мудрой, вечно гонимой, но никем не догнанной нации. Дуализм в происхождении – удобнейшая вещь. – ...Так это вашему безрассудству. Зачем

надо было тащить ко мне это неприличной стоимости ожерелье, если можно было принести этот клинок? Зачем было подвергать, в конце концов, такому испытанию мою порядочность.

– Кто же знал, что они такие дорогие, – проворчал я, стаскивая начавший дубеть пиджак.

Сами эти твари исчезали, а вещи и, скажем так, продукты жизнедеятельности, или скорее смертеедеятельности, нет. Бардак. То есть безобразия.

Дядя Миша увидел клинок в ножнах на запястье и застонал.

– Сколько их у тебя?

– Много.

– Значит так. Пойдем-ка отсюда. И вообще, где эти секьюрити. Зачем я им плачу столько, что могу кормить на те деньги маленькую страну негров.

Появилась охрана. Это почему-то называют Толиком. Где-то метр восемьдесят ростом, в ширину чуть меньше. Очень шустрый и деятельный дядечка. Русский богатырь. Дядя Миша не доверяет охрану своей персоны нашим. Кавказцы, считает он, чересчур гонористы для постоянного напряжения. Их стихия – атака. А русский и присмотрит, и догонит, и прибуьет. И все – не торопясь. Дядя Миша ценит спокойствие и надежность. У него был как-то прибалт, но долго не задержался. Чересчур рассудителен. Когда дело касается чести семьи, благоразумие не всегда лучший советчик.

– Вы что тут грохочете, – поинтересовалась охрана, разглядела порушенный стол, костюмчики, секирки, добыла из белья два «Стечкина», рывкнула в усик рации. – Режим ноль! – И после всех этих манипуляций поинтересовалась: – Так что случилось?

– А нас тут, Толик, убивали, – тихонько сказал дядя Миша.

Голос был плохой. Такой плохой, что Толика шатнуло назад. Он огляделся, наставил на меня оба ствола и задал резонный вопрос:

– А кто?

Убивцев мы предъявить не могли.

– Убери стволы. Отправь за его семьей машину. Нет. Две. Едем в горы.

Мы, горцы, всегда, напакостив, уходим в горы. Впрочем, не напакостив, тоже уходим.

– Толик, если такое еще раз повторится...

– Да что случилось, дядя Миша?

– Сюда вошли трое вот с этими топорами и хотели нас порубить в мелкий мясной фарш. Ясно?

– И где же они?

– А вот у него спроси, – возмущенно взмахнул в мою сторону тростью старик.

Толик глянул на красивого меня, кровищу на полу, мозги на стенке и понял, что если мы и шутим, то странно.

– Я поеду за своими, – решил я.

– Переоденься. Толик, дай ему что-нибудь помощнее.

Толик радостно всучил мне «Стечкин». Мне всегда было интересно, сколько их на нем. Пират какой-то, ей-богу.

– Мальчик! – К дяде Мише вернулось его спокойствие. – Эти, – он указал тростью на опавшие костюмы, – явно не из ЭмВэДэ и КаГэБэ. Значит, ты не ограбил Алмазный Фонд и Оружейную Палату. – Он сжал мне локоть. – Но что-то ты натворил. Будь поаккуратнее. Я обещал Фаразону присматривать за тобой.

Мы выехали вчетвером на двух машинах. Ребята вооружились на совесть, да, впрочем, разные передраги были им не в новость. Я же очень тревожился за свое семейство. За один день на меня напали трижды. Кто даст гарантию, что этот неведомый, но очень последовательный враг не надумает изменить вектор атаки. В доме было кое-что на случай внезапного вторжения. Однако меня тревожила высокая квалификация душегубов. А то, что я смог с ними справиться, казалось мне тогда случайностью.

У дома стояли три машины, а на скамеечке сидели двое цыганистых ребят в каких-то синих балахонистых плащах.

Мой спутник сказал по рации:

– Вы в дом. Мы за вами.

Ребята выскочили из машины и стали контролировать действительность недобрыми глазами. Мы направились в дом, и в этот момент меня окликнули:

– Ильхан!

Это имя мне дал папин друг. В нашем городе можно уораться до смерти, но, кроме меня, никто не откликнется. Поэтому я повернулся.

Двое стояли совсем рядом и, как мне показалось, радостно улыбались. Я их не знал.

– Приветствую тебя, побратим. Извини, что так долго искали тебя. Было трудно. Мы прибыли первыми. Скоро весь гоард будет здесь.

Меня весь день пытались убить абсолютно посторонние люди. Эти незнакомцы были рады встрече со мной.

У меня отвалилась челюсть. Пока она летела на встречу с асфальтом, говоривший от пояса швырнул мне в голову два ножа, а второй в прыжке ударил меня плечом в грудь. После недолгого полета мы хлопнулись на землю. Этот парень оказался очень жестким и прыгучим. Мгновенно вздернув меня на ноги, а я очень тяжелый, он сунул мне в руки рукоять чего-то, а сам, крутанувшись, шарахнул ногой какого-то дядьку. У меня в руках очутился длинный клинок недоброго вида. Тишина сонного полудня взорвалась грохотом. Это истерично задержался какой-то несоветский автомат в руках у Никиты. Я наконец взгляделся. Метрах в трех от нас безуспешно пытались вытащить из глоток ножи два усатых дядьки. Тот, кто обозвал меня побратимом, люто рубился сразу с тремя, второй собрал вокруг себя целую толпу почитателей таланта, из которой уже кто-то вылетел. Вторая толпа бежала к нам от машин, размахивая колющими и режущими предметами. Это в них весело лупнул Никита. В том месте, где я только что, ну секунды какие-то, стоял, торчало несколько железок весьма неприятного вида. Автомат смолк. Несколько таких же железок швырнули Никиту на меня. Непонятная часть моего сознания, которая глухо рычала и топорщила загрибок, наконец рявкнула, и я испытал весьма неожиданное чувство. Вообще-то родные и близкие утверждают, что я весьма гневлив и проявляю излишнюю свирепость в определенных ситуациях. Но то, что было сейчас... Я почти лопнул от переполнявшей меня вселенской веселой ярости.

В голове мелькнули обрывки мыслей.

«В моем доме. Моих друзей».

Подхватив Никиту на руки, я вбежал во двор и столкнулся с группой поддержки.

– Вы двое – в дом. Рубите их из окон. В двоих в синем не стрелять. Сократ, помоги Никите.

Но Сократ, вооружившийся шашкой и наганом, не собирался оставаться в стороне от такой роскошной развлекухи. Он громко заорал:

– А, собаки! – и бросился на улицу.

Тут же влетел спиной вперед обратно. Шлепнулся на задницу и два раза бабахнул из нагана в обидчика.

Меч так и стоял между стеной и холодильником, где я оставил его. Рукоять влипла в ладонь, и переполненный самыми недобрыми намерениями я отправился на встречу с электроратом.

Вместо того чтобы, как приличный человек, выйти через дверь, я решил напасть на врагов из дома. Народ стоял у окон, грозно поводя стволами своих заморских стрелялок, но не пулял, потому как внизу творилось безобразие. Все перемешалось. С флангов рубились двое в синих плащах; казалось, что у них минимум по восемь рук.

В середине вспоминал свою боевую молодость Сократ. Он не грек. Он кударец. Когда в горах рождался ребенок, родители, естественно, шли за именем к самому образованному человеку в селе. А это, как правило, или поп, или учитель. Мы, горцы, несмотря на внешнюю суровость, очень романтичные люди. А что может быть прекраснее и романтичнее древних или Шекспира? Именно поэтому у нас в горах Сократов и Платонов гораздо больше, чем в Древней Греции, а Ромео, Гамлетов, Офелий и Дездемон столько, что средневековым Италиям и Даниям просто не снилось.

Наш Сократ во время Великой войны геройствовал в корпусе генерала Доватора, а после войны резался со всякими зелеными и лесными братьями. В результате предпринимательской деятельности своих сыновей он лишился дома и теперь живет у меня. По вечерам он частенько демонстрирует искусство размахивания шашкой, как я теперь убедился, весьма смертоносное. У его ног валялись двое, а с остальными он увлеченно рубился, активно их при этом оскорбляя.

Я выдернул меч из ножен. Он яростно полыхнул синим, и у меня вновь возникла непоколебимая уверенность в своей высокой квалификации в области размахивания этим угрожающим оружием. Прокричав что-то радостное, я вывалился на головы беспечных парижан. Парижане не были мне рады. Одному я что-то сломал, и он свалился. Второго на красивые две половинки развалил меч. Потом, больно вывернув свою кисть, я хлестнул по клинку сабли, которой мне хотели пощекотать подмышку, скользнул вдоль лезвия и пробил горло неудачливому агрессору. Потом со мной произошло раздвоение личности. Временное. Мои руки выписывали мечом невероятные кренделя, весьма печальные для окружающих. Ноги перемещались в непонятном ритме по невероятной траектории. По всем законам физики я должен был упасть, но не падал, успевал прыгать, кувыркнуться, не переставая при этом протыкать и рубить окружающих. Нет, вообще-то я умею драться. И, как приличный осетин, неплохо владею холодным оружием, признаюсь, ножом, но именно неплохо. То, что происходило, было гармонично, прекрасно и ужасно одновременно. Я такого не умел.

Мои союзники благоразумно отошли в сторонку. Синие смотрели на происходящее с явным одобрением, а Сократ, с присущим горцам темпераментом, исполнял роль подтанцовки. Он крутил над головой шашкой и распевал что-то героическое. Врагов не осталось.

Я осмотрел меч – ни капли крови, чистый без зазубрин клинок.

ГЛАВА 4

Я повернулся к своим и немедленно был подвергнут процедуре обнимания и поцелования меня в щеки. Оставив слюнявые следы одобрения на моей физиономии, Сократ отодвинулся и с гордостью посмотрел мне в лицо. Несмотря на преклонные года, руки его слабостью не страдали. Своим бурным объятием он едва не сломал мне шею.

– Синок, – провозгласил он своим слегка дребезжащим голосом, – теперь ты настоящий мужчина. Я так горжусь тобой. Твои старшие будут довольны. Эй, што они делают? – вдруг закрутил он головой. А заслуженно убиенные, быстренько завоняв аир неблагоприятными испарениями, рассосались, оставив лежать на земле амуницию и неплохую коллекцию холодного оружия.

Андрюха с Андрием все пытались запоздало уволочь меня в дом.

– Эй, помощь не нужна? – раздалось сбоку.

Мой сосед вдумчиво рассматривал разбросанные вещи, поводя по сторонам стволом пулемета.

– Нет, Габо, спасибо. Нормально все.

– Если что, таможня поможет.

– Мы в дом сейчас уйдем. Милиция приедет, скажи – у нас не стреляли.

– Кто приедет? Суббота сегодня. По всему городу стреляют. Свадьбы. Ты своим женщинам скажи, чтобы вот это подмели, – указал он пламегасителем на россыпь автоматных гильз.

– Хорошо, старший, скажу.

– Че, проблемы, Хан?

С другой стороны подходил Серега, кузнец с ОЗАТЭ. Насмотревшийся голливудских боевиков, он нес шикарную помповуху на сгибе левой руки. Пижон, но в целом парень хороший. А какие он делает ножи! Закачаешься.

– Нормально все, Серый.

– Уау! Какое железо. – Вдруг забыв про нас, он наклонился и поднял один из мечей. – Кто делал?

Я растерянно оглянулся. Сократ решительно взял инициативу в свои руки. Первым делом он изъял меч из рук Сереги.

– Зачем взял? Твоя что ли? – повоспитывал он его.

– Да я посмотреть только, дядя Сократ, – заизвинялся двухметровый кузнец.

– Потом смотреть будешь. Иди, собирай.

– Шаукуз!1 Казах!2 – негромко позвал Габо и рядом с ним материализовались два его младших сына семи и девяти лет. Тех, что постарше, он, видать, в оборону посадил.

Габо, мужчина далеко не бедный, и к попыткам экспроприации имущества относится без понимания. И к нападениям на соседей тоже.

– Идите, помогите старшему.

– Кому? Сереге что ли?

Левая рука отпустила цевье и стремительно вlepила два подзатыльника.

– Какой он вам Серега? Сергей его зовут. Ясно? – Наш Макаренко сурово глянул на меня. – Ты их не так учишь.

Я смущенно потупил глазки. Это у меня все Сереги, Андрюхи, Семы, а суровая осетинская традиция предполагает озвучание полной формы имени, без всяких уменьшительно-ласкательностей. Особенно при обращении младшего к старшему.

– О, Сократ! О, Габо! О, Ильхан! – Мы дружно повернулись к дому на другой стороне улицы.

– Что, дедушка Семен? – заорал я.

Заорал не потому, что сердит был, а потому, что дедушка Семен очень старый. Он, похоже, помнит не только, как к нам государь-император Николай приезжал, но и вообще, как первая арба по земле проехала. И поэтому слышит плохо. Видит тоже не очень. Но мощный казачий дух не утерял. А ленивую, но совершенно гипертрофированную агрессивность тем более.

– Этих двоих в синих черкесках вы в плен взяли или стрелять можно? – продемонстрировал он, что мощность глотки тоже не утерял.

– Не надо стрелять, дедушка Семен. Гости это.

– Ай, как хорошо, а то у меня руки устали карабин держать. А клинки звенели? – вдруг всполошился дед. – Или показалось мне?

– Иди, ложись спать, дедушка Семен, – закричал Сократ. – Я тебе потом все расскажу.

– Что ты кричишь, Сократ, я хорошо тебя слышу. Вечером приходите. И гостей захватите. Детки вернутся. Они на свадьбу к Скакунам уехали. Ждем вас, – прогрохотал он.

Детки – это его правнуки Антон и Зелим, кряжистые сорокалетние казаки, у которых и проживал престарелый гвардеец.

– Дедушка Семен, ты только ружье свое разряди, – напомнил Сократ.

Все хорошо помнили, как один раз к Габо приехали гангстеры на тему необходимости с ними поделиться. Мы мирно с ними беседовали, не желая принимать их доводы, когда дедушка Семен, которому не понравилось вызывающее поведение гостей, выпалил в капот их шестисотого из своей фузеи. Капот разнесло к чертям собачьим. На гангстеров это произвело неизгладимое впечатление.

Туннелеобразное дуло убралось из окна.

Тем временем Серега, простите, Сергей, с ассистентами, которые регулярно повизгивали от восторга увидев сразу столько оружия, собрали трофеи и унесли их в дом. А стайка родственников, обучающихся в нашем городе в различных вузах, под руководством моей супруги, собрали вещи, замели гильзы и, раскатав длинный шланг, смыли кровь с асфальта.

– Сколько раз тебе говорил – железные ворота поставь, – укорил меня Габо, указывая на три короткие толстые металлические стрелы, глубоко влезшие в створку ворот. – Если денег сейчас нет – я дам тебе. Потом отдашь.

О причинах свершившегося кровопролития он не спрашивал. Некрасиво. Захочу – сам скажу. Но вот только сказать мне было нечего. Меня уже полдня пытаются угробить. Причем ладно бы стреляли. Так нет ведь, зарубить пытаются. Точно могу сказать, что никаких враждебных отношений с фанатами клана МакЛаудов не имею и к бессмертным, к сожалению, отнести себя не могу. Бред какой-то. Кто бы что бы объяснил.

Из задумчивости меня вывел толчок под ребра.

– Гости в дом позови, – прошипел Сократ.

Ох, действительно, как же это я. Повернулся к двоим в синих плащах, да и не плащи это вовсе. Нечто подобное арабы носят. Не помню, как называется. Они стояли, закутавшись в свои синие одежды, несмотря на жару, люющуюся с небес. Похожие, с резкими чертами лица. Солидные горбатые носы, тяжеловатые челюсти, длинные запорожские усы. Густые, кое как обкорнанные шевелюры. Серые глаза, смотрящие на меня с непонятым ожиданием.

Я приложил руку к левой стороне груди, слегка наклонил голову.

– Благодарю вас за помощь. Будьте гостями в моем доме.

Синие переглянулись. Тот, что спас меня от стрел, спросил:

– Ты не узнаешь нас, побратим?

Удивил он меня. Всех побратимов я вроде знаю. Алан помер. Мир праху его. Ахшар наркоманом заделался. Андрюха вот разве что. Андрей. Есть еще Якуб, но воодушевленный идеей создания Великой Ингушетии от моря до моря, теперь как-то не появляется. Но вежливость, господа, прежде всего вежливость.

– Для меня большая честь, что вы зовете меня побратимом, – нейтрально отозвался я.

– Тивас говорил, что он ничего не будет помнить, – сказал второй моему спасителю. И обратился ко мне: – Достойный яр, пройдет малая толика времени, и здесь будет весь гоард. А там есть люди, могущие вернуть тебе память.

Честно говоря, я ничего не понял, но решил не спорить.

– Мы, конечно, подождем, – я запнулся на незнакомо слове, – этот гоард. Пока же прошу быть гостями моего дома. Нехорошо стоять на пороге.

– Ильхан, – раздался голос супруги. – Там Никите совсем плохо. Скорую позвали. Измаилу позвонили. Говорит, приедет сейчас. Сократ сказал – плохой он.

Моя половина была настоящей подругой воина, но сейчас в ее большущих каре-зеленых глазах стояли слезы.

– Блин, – глухо рявкнул я, – в больницу его.

– Сократ говорит, нельзя.

Моему престарелому родственнику в таких вещах верить стоило.

– Эта женщина говорит о воине, что бился рядом с нами? – поинтересовался один из синих.

– Да.

– Пойдем же.

Никита лежал на лежанке во дворе. Я сразу понял, что дело плохо. Одна стрела торчала под левой ключицей, а вторая засела в животе.

– Зарина, – позвал я одну из сестер, – беги к Аслану, расскажи, что случилось. Пусть несет что-нибудь.

– Что несет?

– Он знает. Беги. Быстро.

Аслан в прошлом врач, теперь барыжничал наркотой, но навыков целительства не утерял.

По лицу Никиты разливалась мерзкая синеватая тень.

Один из гостей отодвинул меня.

– Пусти, побратим.

И, схватившись за стрелу, торчащую под ключицей, резким движением вырвал ее и всыпал во вскипевшую кровью рану какой-то темный порошок. Я не успел и рта открыть, как он проделал такую же операцию и со второй. Кровь громко зашипела и сразу взялась коростой, которую перло и перло из дыр до тех пор, пока раны не покрылись бугристой корочкой.

Никита открыл глаза. Мы облегченно вздохнули. А он обвел нас взглядом.

– Что со мной? – спросил.

И вдруг захрапел. Причем глаза закрыл уже после того, как издал первую руладу.

– Теперь он день спать будет, – проинформировал нас новоявленный целитель.

За воротами загремело, заскрипело, гукнуло. «Скорая» приехала.

В двери вошел хмельной, надеюсь, от недосыпа, парень в зеленом халате. У нас раньше в таких дворники ходили. Теперь всей страной под американцев косим. А врачи в белых халатах ходили. Даже песня такая была «Люди в белых халатах». Все поменялось. Это они такой цвет выбрали, чтобы от пациентов скрываться. В лесу, наверное.

За парнем появилось небесное создание дамского пола в халате, который, наверное, из рубашки перешивали. Он, конечно, приятно подчеркивал длину безукоризненных ножек и особо не скрывал рвущихся навстречу солнцу, как пела Наташа Королева, подсолнухов, однако у любого мужчины вполне мог вызвать приступ повышенного давления. В тонких пальчиках она несла какую-то блестящую кастрюлю с ручкой сверху. Никак не могу запомнить, как эта штука называется.

Парень в халате подошел к нам.

– Пусть день ваш хорошим будет, – по-осетински поздоровался. – Я доктор. Больной где?

Мои гости не отрываясь смотрели на девушку в скудном халате. Ей, конечно, импонировало столь откровенное внимание, но, приятно помахав бедрами, она остановилась рядом с врачом и скромно опустила глазки, не забывая, впрочем, регулярно постреливать взором по территории.

- Больной где? – повторил вопрос доктор.
- Вот, – указал я пальцем на спящего Никиту. Тот бодро выводил рулады.
- Почему спит?
- Заснул.
- А что с ним?
- Ножом два раза ударили. Вот видишь. И здесь.
- Когда ударили?
- Полчаса назад.
- Его раны выглядят, как будто им месяц. Но если хочешь, в больницу заберу.
- Да нет, пусть лучше здесь лежит.
- А вызывали зачем?
- Так ведь ранен был.

Доктор плохо на меня посмотрел. Поймал взгляды синих и еще сильнее помрачнел.

– Или ты нас из-за нее вызвал? – вперил он обличающий перст в свою ассистентку. Причины невыспанности становились все понятнее.

– Ты, доктор, сам больной, что ли? Вот познакомься – это жена моя. – Супруга протянула ему руку. – Девушки, – закричал я, а на веранде показались теща, две дочери, четыре сестры и троюродная сестра Сократа.

– Извини, брат. Совсем ночью замотался. Еще и из-за этой красавицы в каждом доме за стол норовят посадить.

- Ах, да. Может посидите?
- Нет, спасибо. Поедем. Экипажей не хватает, а вызовов много.

За воротами мягко прошелестели по асфальту колеса, и в двери влетел круглый шустрый мужчина в ослепительно белом халате со стетоскопом на шее.

– Измаил Константинович, – придушенно сказал доктор. Наверное, бывший его студент.

Да, Измаил Константинович. Наше местечковое медицинское светило. Хотя и широко известное далеко за пределами нашей родины. Мой шестиюродный брат. По нашим понятиям – практически родной.

Он обнял Сократа, ткнулся мощным черепом мне в солнечное сплетение, стиснул руку в костоломном пожатии, хлопнул по плечу.

– Живым ходи, брат.

Профессор сурово глянул на доктора, отчего тот подтянул и без того впалый живот, одобрительно приподнял взглядом скудный подол халатика медсестры, ткнул пальцем в Никиту.

– Что с больным? – строго спросил у доктора.

– Ножевые ранения, – отрапортовал тот.

– В «скорую» и быстро ко мне. – Отдав распоряжение, он быстро повернулся, еще раз одобрительно раздел взглядом медсестру и, бросив мне на прощание «Вечером перезвоню», умчался.

Похоже у милой барышни в коротком халатике вскоре появится новый наставник.

Ребята потащили в «скорую» лежанку с Никитой, а меня кто-то затеребил за штанину. Моя старшенькая. Большеглазая сказка. Переполненная ответственностью кроха протягивала мне трубку.

- Дедушка Миша звонит.
- Грехи мои, мы же уезжаем!
- Да, дядя Миша.

– Вы собрались?

– Нет, собираемся. Нам помешали слегка.

– Я к тебе Толика посылаю. Он вас ко мне в домик привезет. И быстрее собирайся.

– Да.

Послушал гудящую трубку и успокоенно понял, что сойти с ума не смогу, потому как, похоже, крыша моя уже давно уехала.

– Быстро собирайтесь. Мы едем в гости к дяде Мише.

Дамы радостно загомонили. К дяде Мише в гости ездить любили все.

Гомон я пресек.

– Девочки и Сократ дома остаются.

Шум слегка приутих, однако лишь слегка, потому что мои дочери немедленно завыли, не желая расставаться со своими няньками. Но магическое словосочетание «дядя Миша» успокоило и этих скандальных барышень. Ведь было связано с горами конфет, водопадами «сладкой водички» и обязательными огромными игрушками. Очень любит старик этих двух маленьких паршивок и абсолютно не может им отказать в их просьбах. Ну а те, как и положено представительницам слабого пола, правильно оценив ситуацию, активно злоупотребляют созданным положением.

– Папуля, тебе дедуля звонит, – проинформировали меня снизу. Чудо мое сероглазое.

Если вы не расслышали, то в голосе у меня суровая слезливость мелькнула. Ну люблю я своих дочерей. Но соберемся. Ведь нам звонит дедуля. Дедуля – это серьезно. Это мой папуля. И его сердить никак нельзя. Он обидится.

– Как ты там? – прохладно поинтересовался отец.

Он никогда не считал, что формы проявления чувств как-то влияют на их силу. Меня, я думаю, он любит больше всего на свете, но, с тех пор как я стал взрослым, женился, то есть, отец ведет себя подчеркнуто корректно. Но, слава богу, иногда не сдерживается. Я его тоже очень люблю. Также больше всех на свете. Но традиции наши предполагают сдержанность в проявлении эмоций. Потому как горцы мы суровые.

– Все нормально, папа.

– Дети как?

– Пищат.

– В семье нормально все?

– Конечно.

– Ты к Мише в гости собрался? – Они с дядей Мишей друзья.

– Да. Он считает, что мне лучше уехать пока.

Папа помолчал. Он, конечно, понимал все, что я хотел ему сказать.

– Может быть, вы лучше в горы поедете?

То, что вокруг города, папа горами не считает. Горы – это там, где расположено наше родовое село, гнездо, так сказать. Туда даже автобусы не ходят. Заехать, конечно, можно, но проблемно. А вот оттуда выковырять кого-либо из нашего рода почти невозможно. Целую армейскую операцию разворачивать надо.

– Нет, ничего серьезного, папа. Просто погостим.

– Хорошо, езжай. Мы вечером подъедем. Детей поцелуй.

– Да, папа.

– Пока.

– На ручки, – требовательно сообщила кроха, вскинув свои ручки наверх. Я поднял ее.

– Мясца хочю, – озвучило потребности нежное дитя.

– Нет мясца. Сейчас к дяде Мише приедем, там тебе мясца дадут.

– Есть, – обиженно раздула губя дщерь, – Сократ дядей в кунацкую увел. Он их там аракой поит и мясом кормит, – наябедничал ребенок.

Я встревожился. Дело в том, что арака – напиток специфический и мгновенного эффекта не дает. Однако, собравшись в организме в размере критической массы, одномоментно наносит массируемый алкогольный удар. На жителей других регионов наш национальный напиток производит забойнейшее действие.

И сейчас я озаботился, не вызовет ли у наших гостей печальных последствий гипертрофированное гостеприимство Сократа.

Но опасения мои оказались напрасны. Когда я вошел с младшенькой на шее, все трое с рогами в руках стояли вокруг низенького трехногого стола, заставленного нашими народными закусками. Поломаный хлеб, резаное мясо, порубленный кусок сыра, соленья, зелень живописной грудой громоздились на небольшой поверхности стола.

Сократ как раз договорил тост, и трое дружно влили в себя содержимое рогов. Дружно стали закусывать.

– Ему налейте, – величественно указал в мою сторону.

– Мяса хочу, – потребовал с шеи ребенок.

– Иди к Сократу, солнышко мое, да съем я все твои болезни, – засюсюкал старик.

Дите тут же перебралось к нему и, ухватив кусок мяса, приступило к удовлетворению насущных потребностей.

– Прими, побратим, – протянул мне рог один из синих.

Трезво рассудив, что после треволнений сегодняшнего утра добрая толика алкоголя мне не повредит, я взял рог.

– Пусть сказанное вами благословенно будет, – протостировал и выпил.

Арака – хороший человек. Усваивается хорошо. И для печени полезно. Ведь печень в организме человека ответственна за веселье души.

Я присел на низкий стул, намереваясь подкрепить растроченные силы. Тем более что арака, в отличие от водки, аппетит будит немедленно, причем зверский. На хороший кусок лаваша положил ломоть мяса, прикрыл его сыром, украсил зеленью, полил аджикой и только собрался откусить, вызвав тем самым бурление соков в желудке, как меня самым бессовестным образом прервали.

В комнату вбежала одна из моих родственниц.

– Ильхан, там Маугли приехал, – увидела дочку. – А я тебя по всему дому ищу. Иди ко мне.

– Не пойду, – сердито блеснула глазами кроха, – ты мне мяса не даешь.

Умная родственница не растерялась. Из кармана фартука она добыла чупа-чупс.

– Хочешь?

– Хочу.

– Иди ко мне, солнышко.

Недовольное солнышко, не выпуская из рук мясо и сыр, перебралось к девушке.

– Папуля, ты только быстрее, я к дяде Мише хочу, – величественно дала указание и уехала.

Вошел Маугли. Не тот Маугли, о деяниях которого живописал Киплинг. Нет. Родственник. От него ощутимо несло переработанной водкой.

– Налейте ему, – распорядился Сократ.

Один из синих взялся было за кувшин, но вновь прибывший остановил его.

– Не надо. Мешать не хочу. С утра пьем. Водку лучше налей.

Синий недоуменно уставился на меня. Я встал, достал водку из холодильника, взял рюмку, взглядом спросил «сколько». Маугли пальцами ответил «чуть-чуть», чем немало меня удивил, потому как в сфере борьбы с зеленым змием был мой родич могуч.

– За сказанное вами, – и забросил водку в рот. – Уф, – тяжело уселся за стол. – Поем.

В таком состоянии я не видел его никогда в жизни. Но, наступив пятой воспитанности на птицу любопытства, терпеливо ждал, когда тезка мультипликационного героя пережует все уложенное в рот. Не забывал я и сам жевнуть.

– Уф, – вторично проговорил Маугли и рассказал нам историю, подтверждающую древнюю сентенцию о том, что с кем попало пить не стоит.

Накануне Маугли с друзьями изрядно отхлебнул. И утром, всей компанией поев хаш¹, они решили поехать за город и, опустив ноги в речку, попить шампанского. Но ведь всякий нормальный человек знает, что опускать градус нельзя. И потому, расположившись у речки, восстанавливающиеся начали попить водочку, закусывая ее купленным по дороге шашлыком.

Как вдруг на другой берег, с треском проломившись сквозь густой кустарник, вышел крупный блондин в кожаном пальто. Обрадованно проорав «Люди!», он двинулся через реку, без видимого труда преодолевая бурное течение. Второй, вышедший из просеки, оставленной блондином, был гораздо меньше ростом, черноволос, раскос и тоже одет в кожаное пальто, несмотря на жару. Впрочем, и реку он форсировал со значительно меньшей легкостью.

Преодолев водное препятствие, блондин, абсолютно не обращая внимания на льющуюся с него воду, подошел к отдыхающим и сразу же, в соответствии с традициями, был встречен бокалом. Впрочем, функцию бокала выполняла одноразовая емкость для пива, которая хотя и слегка смялась под крепкой хваткой пришедшего, но устояла.

– Брат мой, – заорал опять блондин, обращаясь к едва не тонущему спутнику. – Тивас не ошибся. Это земля нашего побратима. Он рассказывал мне о таком обычае, – затем обратил свое высокое внимание на встречающих: – Пусть долей вашей будут хорошие друзья и достойные враги.

И под изумленными взглядами присутствующих опустошил выданную емкость. Почему под изумленными? Дело в том, что один из спутников Маугли по имени Борик решил, что гость являет собой лицо русской национальности. А поскольку означенный спутник недавно приехал из столицы нашей родины города-героя Москвы, где он был побит омовцами как лицо кавказской национальности, то месть свою он решил осуществить путем наполнения водкой полулитрового стакана. Ах, да! Изящность ситуации заключается в том, что лицо кавказской национальности по имени Борик носит фамилию Морозов и он русский.

Так вот. Гость с удовольствием выцедил выданную емкость, после чего с грустью убедился, что она пуста.

– Сколь вкусен и приятен поднесенный вами напиток, друзья мои.

Восхищенные талантом, релаксанты повторили процедуру наполнения, пояснив по ходу, что пришедший должен выпить три бокала. Первый – как опоздавший, второй – поддерживая все сказанные до этого тосты, а третьим он уже сам мог провозгласить тост. Разъяснения привели блондина в восторг.

– Мы совершенно точно попали на место, – заголосил он в лицо своему спутнику, который наконец, задыхаясь, выбрался на берег. – Наш побратим говорил мне и об этой традиции.

Пока присутствующие ломали голову, кто же этот самый побратим, гость быстро выполнил предписанное традициями, то есть влил в себя еще поллитра. Отмщенный Борик не решился поить его такими дозами, вполне обоснованно опасаясь за его здоровье. Затем гость, как степной пожар, напал на шашлык. После того как он насытился, а кто-то из младших был командирован за новыми порциями, блондину был задан интересующий всех вопрос. Кто же его побратим?

– Великий воин и достойный побратим, яр Ильхан, – получили они обстоятельный ответ.

Поскольку единственный Ильхан в городе – это я, Маугли сообщил, что такого знает, более того, он его родственник, а поскольку побратим его родственника – это его побратим, то

начали они событие сие праздновать. И праздновали. Под конец повествования Маугли стал похрапывать.

– Брат мой, – потряс я его за колено. – А дальше что?

– А? – вскинулся он. – У тебя шампанское есть? А то оно ему тоже понравилось. А у нас всего ящик был. – Он зевнул. – Пойду посплю я, – встал и направился к дивану.

– А гость твой где?

– Там, – неопределенно махнул он рукой.

– Где там?

– На капоте пьют, – удовлетворил мой интерес родственник и захрапел.

Теперь будить его было бесполезно. Это у нас семейное. Когда мы спим в горизонтальном положении, разбудить нас невозможно.

– Не ваш? – строго спросил я у синих, которые в процессе рассказа весело переглядывались.

Оба радостно кивнули.

– Пойдем, посмотрим, – повелительно бросил я и удивился. Нет у меня привычки так безапелляционно общаться с незнакомыми людьми. Но синие послушно встали.

У ворот стоял «шестисотый», багажник которого был украшен мясом, зеленью, сыром и строем бутылок. Возле него, уверенно покачиваясь, стояли несколько знакомцев из компании Маугли. Означенный блондин с удовольствием пил из горла «Шампанское». Никогда не пробовали пить шампанское из горла? Удивительнейшие ощущения. В бутылке напиток кончался. Наконец с легким всхлипом перетек в блондина. Тот с сожалением оглядел пустую бутылку, отставил и обнаружил меня.

– Брат мой, – с пьяной слезой в голосе проорал он. – Я нашел вас, – и облапил. Отстранил. Полузакрытыми глазами вгляделся. – Ах, как я переживал, – и, положив тяжелую голову мне на плечо, громко зарыдал. Отодвинулся, вытер текущий из глаз алкоголь. – Простите мою слабость, брат мой.

– Приветствую тебя, старший, – поздоровался долгогривый коренастый парень в кожаном плаще, похожем на ту самую шинельку, в которой я очухался в парке.

Если это и был розыгрыш, то чересчур сложный.

– Пойдемте в дом, – обреченно сказал абсолютно ничего не понимающий я.

– Пойдемте же, брат мой, – зарокотал блондин. – И представьте меня наконец вашим дочерям и той достойной женщине из приличного дома, что сопутствует вам в жизни.

Достойная женщина из приличного дома, что сопутствовала мне в жизни, со старшей дочерью ждала меня у ворот.

– Ильхан, мы готовы... – начала было она.

Блондин с грохотом рухнул на одно колено. Жена с опаской придвинулась ко мне.

– О, достойнейшая, я счастлив преклонить колено перед той, что бережет покой моего побратима, той, что разгоняет тучи с его чела, той, что растит детей его, той, чьи руки готовят пищу ему, той, что согревает ложе и сердце его.

Блондин мне начал надоедать. Стыдно признаться, но я неинтеллигентно ревнив и совсем не люблю, когда мою жену осыпают комплиментами малознакомые мне мужчины.

– Унго, – позвал вдруг его коренастый.

Тот недовольно обернулся, но фонтан заткнул.

Воздев себя на ноги, он возложил мне на плечо руку.

– Вы были правы, брат мой. Она прекрасна. Но все рассказы не отражают и сотой доли того очарования, которым столь щедро одарили эту достойную женщину Создавшие сущность.

Богоданная супруга удивленно переводила взгляд с комплиментатора на меня и обратно.

Нетрезвый взор блондина сфокусировался на ребенке. Юная дама спряталась за меня и, высунув голову из-за ноги, с опаской поглядывала на громогласного мужчину.

– Я узнаю ваши черты, брат мой, – уличил меня собеседник. – Но узнаю и черты этой достойной. Поверьте, брат мой, это дитя будет разбивать сердца с такой же легкостью, с какой вы разбиваете головы.

Его монолог прервал подошедший Глеб.

– Ильхан, Анатолий Сергеевич звонил. Сейчас подъезжает. Мы здесь остаемся.

– Хорошо. Позвони Андрию. Пусть еще людей пришлет. Сколько – сам скажешь.

Блондин засопел, глаза его опасно выкатились, ладонь раздраженно хлопнула по поясу, похоже отыскивая оружие.

– Брат мой, мне показалось, что этот юноша недостаточно почтительно с вами разговаривает.

Глеб удивленно глянул на него. Я открыл было рот, чтобы послать надоеду куда подальше, но вместо этого сказал:

– Не тревожьтесь, достойный яр. Это мой человек.

Блондин втянул глаза на место, но казался недовольным. И вдруг мне показалось, что я его откуда-то знаю. И хорошо знаю. И коренастого знаю.

Я потряс головой. Утро выдалось то еще.

Надо было уезжать. Но я не мог оставить дома этих людей. Во-первых, гости. А во-вторых... Во мне крепла непонятная уверенность, что именно они могут дать ответы на множество вопросов, пока казавшихся мне неразрешимыми.

– Сейчас мы уезжаем. Вас я прошу быть моими гостями. Мы поедем к близкому человеку.

– Брат мой, не сомневайтесь, мы последуем за вами хоть в пекло. Если бы вы знали, сколько мы вас ищем. Я вас более ни на минуту не оставлю.

В глазах его горела нетрезвая решимость.

– Но меня мучает жажда. Нет ли у вас в доме, брат мой, того чудесного напитка, которым нас угостили те достойные юноши, что доставили нас сюда. Такого в изумрудного цвета бутылках, украшенных золотом.

«А не спился бы мужчинка», – подумалось мне. Но вслух я сказал, обращаясь к супруге: – Дочь Руслана, будь другом, дай дитю шампанского.

– Да-да, так это называлось.

Как-то раз богоданная половина прикупила восемь литровых бокалов чешского стекла. Потом, правда, выяснилось, что это подсвечники. Что делать, темные мы. Но в качестве емкостей для алкоголя в ряде случаев они оказались просто необходимыми. Вот их сейчас и несли на подносах две родственницы, возглавляемые хозяйкой моего дома.

Синие с достоинством приняли бокалы и со словами благодарности осушили их.

Названный Унго закатил длинейшую речь и начал переливать содержимое бокала в себя.

– Господин, нам поговорить надо, – обратился ко мне коренастый.

Но поговорить нам не дали. Бешеное утро. Сумасшедшее.

Приехал спасательный Толик. Сначала во двор вошли двое в костюмах с автоматами в руках. Затем появился Анатолий Сергеевич. Не без удивления оглядев собрание, он обратился ко мне:

– Собрались? Поехали.

С воплем «Дядя Толик приехал!» на него немедленно начала восхождение младшая дочь.

Подхватив ее на руки, он спросил:

– Слушай, кто у тебя там, у ворот, в «шестисотом» спит?

– Пусть спят. Это Маугли с друзьями. Напились.

– Кто напился? Маугли?

– Да. Слушай, Толик, эти люди со мной поедут.

Он с сомнением посмотрел на моих гостей.

– Уверен?

– Да.

– Сейчас дядю Мишу спросим.

Извлек мобилу.

– Дядя Миша, Ильхан хочет еще четверых взять. Нет. Я их не знаю. Сейчас дам. На, возьми, – протянул мне трубку.

– Кого ты хочешь привезти, мальчик? – полюбопытствовал дядя Миша.

– Они нужны мне.

– Ты уверен, что это не подстава?

Я прислушался к себе. Где-то внутри крепла уверенность, что эти люди отдадут жизнь за меня.

– Я ручаюсь за них.

– Смотри, – помолчал. – Вези, места хватит.

Еще бы не хватило. В замке дяди Миши батальон потеряется.

– На, – протянул я трубку Толику. – Согласовано.

– По машинам, – вспомнил свою армейскую жизнь секьюрити.

Меня же грызло беспокойство. Если сопоставить промежутки времени между нападениями, следующее могло последовать уже скоро.

Всех рассадили по машинам, причем Унго громко восхищался волшебными самодвижущимися повозками и требовал научить его управлению.

Я оставил командование домом на Сократа, подчинив ему гарнизон, и уже собрался усесться в машину, как вдруг мне показалось, что я забываю нечто весьма важное.

Не знаю, следуя какому наитию, я вернулся в дом и, лишь собрав все вещи, что были на мне в момент утреннего пробуждения, почувствовал себя увереннее. Причем шинель в целях экономии места надел и с удивлением обнаружил, что в ней не только не жарко, но напротив, когда я накинул ее, мне стало значительно прохладнее. И знаете, как-то защищеннее. А мысль выпустить из рук меч вообще показалась мне кощунственной. Да собственно, в ножнах он казался излишне массивной тростью. Переложив из-за пояса в карманы шинели два ТТ, я почувствовал себя почти совсем уверенным в себе человеком.

Поехали!

Ехать было недалеко. Удобно. Но тревога колюче ворочалась в районе солнечного сплетения. Я коротко отвечал на вопросы супруги. Чересчур коротко. Она обиделась и замолчала.

Вокруг было красиво. Ранняя осень. Зелень. Коровы. Лепешек не видно. Дорога хорошая. Машины хорошие. Гаишники знакомые. Нас не останавливали. Как эти немцы делают машины, не понимаю. Вроде едешь, но абсолютно незаметно. В наших машинах дорога чувствуется. А в этих нет. Паришь.

ГЛАВА 5

Федеральную трассу мы пролетели быстро. А вот когда машины свернули на дорогу в ущелье, где располагался дом дяди Миши, на нас напали. Причем в лучших традициях фильмов о Робин Гуде. Большое дерево обрушилось на дорогу, конвой остановился, машины заворочались рассерженными жуками, пытаясь развернуться, но рухнуло другое дерево в конце колонны. Блокировали нас.

По машине как градом сыпануло. Однако дырок не обнаружилось. Прилепив физиономию к стеклу и скосив глаза, я углядел на асфальте несколько толстых железных стрел.

«Совсем плохие», – ворохнулась мысль.

На переднем «галенвагене» отъехала крышка люка, и на свет божий явился инопланетянин в тяжелом пулезащитном костюме. Принял снизу гранатомет, злым змеем прошипела граната, и дерево, подброшенное взрывом, развалилось на две части.

А из грязи кювета показались заляпанные фигуры. Одна из которых тут же шарахнула секирой по лобовому стеклу нашей машины. Крепкое броневое стекло выдержало, и оружие, возмущенно зазвенев, отлетело, вызвав у владельца взрыв негодования. Агрессор развернул секиру и вторично врезал по стеклу длинным острым шипом, приваренным к обуху вверенного ему боевого оружия. На этот раз гораздо успешнее, потому что острие пробило стекло и застряло в нем.

Дети заплакали, а жена щелкнула затвором подаренной на день рождения «Беретты».

У меня произошло кратковременное раздвоение личности. Одна часть возбужденно заорала:

– Барласы Отца Коней.

А вторая истерично пыталась выяснить, кто такие эти барласы и что они здесь делают, потому как единственно известные мне барласы были бодигардами то ли Чингисхана, то ли его внука, небезызвестного Бату.

Но тут первый как-то так спокойно повернулся к супруге и попросил:

– Солнышко, там на задней панели жилетка лежит. Брось ее, пожалуйста.

– На, дорогой, – передала она мне искомое, прикрывая орущих детей.

Какой-то козел уже всю колотил и по заднему стеклу.

Я ссыпал ножи в карман, почему-то абсолютно забыв о ТТ.

– Ильхан, Толик говорит, чтобы из машин не выходили. Тачки бронированы.

– Да? А вот этого ты не видел? – указал я на злодея, истерично пытающегося вырвать оружие из цепкого стекла.

А на переднюю машину уже взлетел измазанный грязью тип, ударом какой-то жуткой на вид штуковины вбил инопланетянина в салон и попытался проникнуть туда сам, но облачко из крови и мозгов, взвившееся над его головой, показало, что идея эта обитателям машины пришлась не по душе. И на своей точке зрения они настаивали. Ударенный по голове инопланетянин вновь появился из люка, но уже с пулеметом, и одной очередью срубил обступивших машину агрессоров. Его выступление энтузиазма у нападавших не вызвало, и свое недовольство они выразили путем запуска в пулеметчика секиры, удар которой в очередной раз обрушил его в глубь салона.

У третьего автомобиля уже всю шла жизнерадостная рубка, в которой агрессорам явно не везло, хотя к ним и присоединились те, что пытались атаковать замыкающий автомобиль. Но экипаж его, очевидно, взбодренный командой Толика, в мясорубке участвовать не спешил, и автомобиль, настороженно поблескивая тонированными окнами, изображал из себя засадный полк.

Блондин каждым ударом какого-то жуткого оружия из эпопеи о Конане, этакой палицы, комбинированной с секирой и украшенной длинным штырем, отправлял на встречу с предками очередного диверсанта. Коренастый лениво отмахивался небольшой секирой, а синие рубили в песи все, до чего дотягивались их изогнутые клинки.

Злобный грязнуля выдрал наконец свою секиру из дорогостоящего стекла и, очевидно, возмущенный задержкой, так активно треснул по плоду деятельности немецких стекольщиков, что хваленый броневой материал дал многочисленные трещины. Это безобразие требовало немедленного пресечения, и я вышел из автомобиля, дабы поучаствовать в мордобое. Появление мое вызвало здоровый энтузиазм у поломателя дорогостоящего стекла, и он с радостным воплем прыгнул с капота, намереваясь своей секирой проверить теперь уже крепость моей головы. Однако по дороге столкнулся глазом с метательным ножом, выданным мне супругой. Сталь в столкновении победила. Авантюрист упал наземь и засучил ножками, как подсказывал мне опыт, умирая. Его товарищ, до этого проверявший прочность заднего стекла, решил насладиться мстостью, забыв, очевидно, что ближнего своего надлежит возлюбить. Демонстрируя предусмотрительность, оказавшуюся чуждой его соратнику, он мягко, как кот, спрыгнул на землю и, движимый человеконенавистническими намерениями, принялся пластать воздух секирой, осторожно приближаясь ко мне.

Меч дернул мою руку и, выгадав мгновение между взмахами, мягко, почти без сопротивления, проткнул его глотку, повернулся и отлетел в исходную позицию. Злодей задумчиво посмотрел на толстую струю крови, бьющую из его организма, заметно, даже под слоем грязи, побледнел, упал и умер.

А от леса к нам уже бежало человек двадцать энтузиастов, не испачканных грязью, но решительных и топорноносных. Несколько человек присели на колени, вскинув арбалеты. Мне, честно говоря, показалось, что все целились в меня. Гордыня.

– Господин, пригнись.

И, подчиняясь команде, я зачем-то повернулся к атакующим спиной, упал на одно колено и успел натянуть на голову воротник. По спине хорошенько треснуло, но стрелы, к моему удивлению, не пробили шинель, а вжикнув умчались в небо.

Я недовольно обернулся. Граждане с топорами одолели треть дистанции, и четверо апологетов махания железом уже радостно собирались атаковать их, но намерению их сбыться было не суждено.

На крышу передней машины опять взобрался неоднократно низвергнутый инопланетянин. Из окна задней тоже вылез ствол, и кинжальный огонь двух пулеметов в упор буквально разнес в брызги опоздавших.

Четверо моих гостей выглядели совершенно разочарованными продемонстрированным превосходством достижений научно-технической революции.

Хотя одному такая ликвидация на неконтактном расстоянии пришлась по душе. Коренастый внимательно разглядывал дымящийся ствол пулемета, который держал один из бодигардов, выбравшихся из последней машины.

– Хорошее оружие, – похвалил он. – Как трудно обзавестись таким в твоей земле, господин?

– Совсем не трудно. – И зачем-то добавил: – Могу подарить.

– Буду рад, господин. Но ответь мне. Сколько раз на тебя посягали?

Я удивился.

– Это пятый. А откуда ты знаешь, что на меня нападали?

– Ты можешь не верить, господин. Но прошу – поверь. Весьма далеко отсюда у тебя есть один друг. И все мы, четверо, твои друзья. Ты просто не помнишь нас.

Вот такой диагноз. Амнезия.

– Чтобы вспомнить все, тебе надо повязать на руку вот это. Так, чтобы оно касалось твоей кожи. – В кисти его закачался потертый неказистый ремешок, который показался странно знакомым. – Надень, господин, не бойся. – Коренастый требовательно глянул мне в глаза. – Ткань меж мирами тонка. Ты ведь видишь. Чужан прорывается все больше и больше, и они все инее. Ведь первые были в привычной твоему миру одежде? А теперь вот отважные барласы, – кивнул он в сторону павших, которые в этот раз не спешили избавить нас от своего присутствия. – Кто пройдет сюда следующим? Кто знает? Тивас сказал, стоит лишь тебе одеть этот ремешок, и ты вспомнишь все. В том числе как закрывать ворота. Только лучше сядь.

Собственно, что я теряю? Да ничего. Настоящий мужчина не должен долго задумываться над поступком. Он не спрашивает куда. Он спрашивает когда. И если есть вариант обезопасить свою семью, то и кобру себе на руку наматает.

Подбодрив себя этим кратким спичем, героично таким безумным, я уселся на переднее сиденье автомобиля, где в первые минуты оказался абсолютно нефункционален, так как подвергся целованиям и обниманиям, а также был занят прослушиванием гимна на тему: «Наш папочка и супруг – самый папочка и супруг в мире». Отбил. Повязал на руку ремешок.

Четверо стояли и внимательно на меня смотрели.

Непонятный синеватый туман, с утра клубившийся у меня в голове, начал рассеиваться. Сквозь разлетающуюся, как под порывами ветра, дымку я вдруг узнал эти четыре, уже улыбающиеся, физиономии. Унго. Баргул. Орсорих. Боракорда. Стойте же, а где остальные?

Я счастливо заорал, протягивая руки к своим побратимам. Четыре пары рук выдержали меня из машины. И вспомнилось все.

* * *

Длинный кривой меч ловко прилепился к полумесяцу секиры, странно закрутил его, коротко цапнул за горло узкоглазого пожилого степняка с крысиными хвостиками усиков. Ливануло. Крепкие корявые пальцы бросили рукоять ненужного уже оружия и рванулись наверх, пытаясь запереть алый фонтан. Тщетно.

А коварный меч уже швырнул бесхозную секиру в другого узкоглазого с прокопченной рожей, и она с радостным хрустом просадила своим длинным рогом щеку под глазом, успешно пролетев умелую вязь защиты изящно изогнутого клинка со сложным узором на клинке. Рука дрогнула, увела оружие чуть дальше, чем нужно, и тяжелый кривой нахал бессовестно натянул кожу на горле, порвал ее, рассекая гортань. И, вспоров на противоходе череп, расплескал мозг.

Секира лениво качнулась и выпала из раны. Острое, до толщины волоска заточенное лезвие, нежно зацепило в падении широкое каменное ожерелье, пролезло в микроскопически тонкий промежуток, открытый неожиданным движением умирающего тела и что-то рассекло, отчего один из ярко блестящих камней вдруг потускнел. Секира пропорола глубокую царапину на кожаном чапане и упала наземь.

А длинный кривой меч вдруг полетел мутным кругом и, пробив левую лопатку, вышиб из седла еще одного степного. Самого умного. Он собрался удрать, но пробитый железом упал на землю, выгнулся и умер.

Тот, чьей рукой был брошен меч, высокий, широкоплечий, узкобедрый, абсолютно голый мужчина, со стоящей окровавленным колтуном шевелюрой, оглядел разоренный лагерь, полторы дюжины изрубленных и склонился над стариком с распоротым снизу доверху черепом. Осторожно снял ожерелье, промыл его в малом бочажке родника, ручеек которого тут же уволок багровую муть, и, увидев потускневший камешек, рассерженно плюнул.

ГЛАВА 6

Очнулся я от тепла. Передо мной горел немаленький костер, согревая мое промерзшее тело и измученную душу. Я сидел, хотя никакой стенки за мной не было, и при этом не пытался свалиться, хотя отчетливо помню, что собрался опереться о стенку, когда на меня обрушилась эта странная слабость и заколотил жуткий озноб.

Передо мной сидел... Нет. Передо мной горел костер, а уж за ним сидел весьма импозантный дядька. Здоровенный чернокожий мэн с абсолютно белыми волосами. При всей своей чернокожести он явно не был негроидом. Орлиный нос, длинные закрытые глаза, высокие скулы. Негр. Скорее мутированный индеец. Поседевший в процессе мутации. И почерневший. От гениальности своих выводов я пришел в восторг.

Кроме того, почувствовал некоторое изумление. Здесь, в парке, по идее, костра быть не должно. Тем более что в огне плавилась дымом не листья, а приятной округлости поленья.

Прекрасно помню, вышел на простор из духоты ресторации, утомленный излишком жидкости. Решил от нее избавиться на свежем воздухе. Ну не любит моя слабоцивилизированная душа маленькие помещения. Освободился. И вдруг почувствовал, что теряю сознание. Еще успел подумать, как бы в плоды своей жизнедеятельности не грохнуться. И все.

Сиж у костра. С мутантом. Не великий я знаток рас, но складывалось у меня подозрение, что таких вот авантажных дядечек по улицам нашего города ходит исчезающе мало.

Щипать и колотить я себя не стал, просто сунул палец в костер. Обжегся. Не сплю.

А мужчинка сидел напротив, абсолютно на меня не реагируя. Пора было вступать в контакт.

– Здравствуйте, – вежливо пожелал я.

Станный негр открыл глаза. Они у него желтого цвета оказались. Очень, повторюсь, импозантный мужчина. За таких, наверное, рекламщики режутся.

Посмотрел он на меня с некоторым удивлением, недоуменно можно сказать. Не того, похоже, ожидал. И с интересом стал разглядывать. Мне вообще-то интерес к моей персоне нравится, но лучше, когда его проявляют представительницы прекрасной части человечества.

– Извините, пожалуйста, что отвлекаю. Но вы не подскажете – где я? – попытался прояснить ситуацию.

Мой визави посмотрел на меня уже недовольно.

– Кто ты? – спросил.

– Мои родители... – вежливо начал я, и вдруг как будто прямо в мозг меня ткнули иглой. Очень больно. И вместо того чтобы представиться, я выдал следующую фразу: – Ты что, не узнал меня?

От собственной наглости я слегка онемел, но, как человек самодостаточный, быстро справился с интеллигентским комплексом скромности и все же представился.

– Ильханом меня назвали, – продолжил я прерванную фразу. А боль куда-то ушла.

Темнолицый с подозрением глянул на меня, недоверчиво крутнул головой и вдруг, подняв к глазам какое-то каменное украшение, стал внимательно его разглядывать. Опять посмотрел на меня. Сообщил:

– Быть того не может.

Ситуация мне нравилась все больше и больше. Смущало только одно. Где я нахожусь? Самое веселое было в том, что следов алкогольной интоксикации не ощущалось. Хотя выпил немало. И тишина. Я все понять не мог. Чего не хватает. Не хватало шума города, к которому привык с младых годков. Очень было тихо. Очень.

А лицо седого приняло расстроенное, почти обиженное выражение. Он еще раз очень недовольно покрутил головой. Потом достал трубку великанских размеров, ухватил веточку из костра, раскурил свой курительный агрегат. Окутался облаком дыма.

Молчание его начинало действовать на нервы, и в сознание стала закрадываться неинтеллигентная, крамольная такая мысль. А может ему по репе дать и уйти? Но другая часть того же сознания намекала, что куда идти – оно не знает. А я вместе с ней.

Еще и курить захотелось. Вообще-то я не курю. Но в сложные моменты интеллектуальных усилий люблю подпихнуть свой мощный мозг некоторой дозой никотина. Хлопнул себя по карманам и обнаружил, что карманов-то у меня нет. Пришло время оглядеться. И стали выплывать детали, ранее ускользнувшие от моего внимания. Во-первых, ладони. Ладони были, несомненно, мои. И кольцо было мое. И вечная траурная кайма под ногтями, за которую меня всегда попрекает мама, а теперь еще и жена. Ну не знаю я, откуда эта грязь берется. Чищу, чищу, а она все равно собирается.

А вот вместо рукавов любимой рубахи синего шелка руки покрывали теперь рукава кожаные, правда шикарной выделки. В чем я убедился, потеряв их. Кожа.

Вообще-то могу сказать без ложной скромности, я мужчина в самом расцвете сил, мощный, рослый. У меня широкие плечи, я много что на них потаскал, в меру мускулистые руки, ими я много поднимал, махал, кидал, бил груши и не груши. Ноги у меня тоже весьма-таки, на них я ходил, бегал, прыгал, частенько ими дрался. Так что вообще-то я очень даже, если бы не одно «но». Последнее время уровень моего благосостояния несколько поднялся, а поскольку я, как всякий человек, слаб, то перед некоторыми соблазнами устоять не могу. В общем, люблю я хорошую кухню. И в связи с этим, конечно же, не утерев своей потрясающей ловкости, стал ваш покорный слуга, скажем так, не очень гибким в талии. Современники Петра Великого назвали бы меня мужчиной осанистым, вульгарные же современники говорят, что я пузат.

Так вот, когда я глянул вниз, плода моих двухлетних усилий не было. Я был поджар, как лет пятнадцать назад.

А вот в туалете моем было, пожалуй, чересчур много кожи.

Торс плотно охватывал жилет, украшенный двумя рядами каменных пуговиц. Вроде глубокого синего цвета. В камнях я вообще-то не дока и, собравшись разглядеть эту пуговицу, возможно чуть сильнее, чем надо, а может и в самый раз, дернул ее. И в ладонь мне рукоятью вперед скользнул нож. Небольшой, аккуратный. Недлинный, в полторы ладони черненый клинок в форме сильно вытянутого, слегка закругленного треугольника с односторонней заточкой. Вытянутые вперед усики ловушки на гарде. Синий камень в перекрестье. Рифленую удобную рукоять венчает такой же. Пуговица. А ножик удобный. И кинуть, и подраться. О том, что ножик не декоративный, указывали затертые, но заметные зазубринки на клинке. Повидавший. Убрал я его.

А вновь обретенную талию охватывал широкий пояс с очень сложной пряжкой.

Дальше его – кожаные брюки, заправленные в сапоги. Правое голенище слегка жмет, да и левое. А в них такие же почти ножички, но побольше, потяжелее.

И в левом рукаве неудобство ощущается. Расстегнул манжет, а оттуда, спрятанный широким рукавом, мне еще одним синим глазом подмигивает. Мне прямо за правую руку обидно стало. Все конечности охвачены, а она? Зря обижался.

Цыганствующий ниндзя какой-то. Говорила мне бабуля. Плохо вести себя будешь, цыгане украдут. Не прошло тридцати лет – украли.

Пока я осматривался, афро-американец меня своим тигриным взглядом буравил. Пусть смотрит, мне не жалко. Не смутишь нас, гад желтоглазый.

Наконец он решил прервать свой индивидуальный заговор молчания.

– Ну если так получилось, давай знакомиться. Я – Тивас. Великий Маг и Колдун, – представился он.

– Душевно рад знакомству, – вежливо отозвался я.

А сам просто лопался от радости и счастья. Все сразу стало ясно. Он Тивас, Великий Маг и Колдун. У нас тут что, эксклюзивный дурдом для одного меня любимого? Похоже, перечитал фантастику. Под водочку-то глюки и пошли. Ведь воспитание я получал во времена давешние, советские. Точно знаю – маги и колдуны только в сказках бывают. Хотя вру. Помню, был период, когда они как из рога изобилия посыпались. В конце восьмидесятых. Один воду из телевизора заряжал, другой рубцы на расстоянии рассасывал, третий так и вообще мертвеца оживил. Радости было. Море.

Вообще-то читал, что с больными, психическими в смысле, спорить не надо, но поскольку был я, скажем так, слегка раздражен неожиданностью ситуации...

– А вы не подскажите, уважаемый Тивас, Великий Маг и Колдун, что я здесь делаю?

– А вот об этом у нас с тобой долгий, похоже, разговор будет. Чай, кофе?

– Лучше чай.

Дядька разлил из парующей баклаги что-то в баклагу поменьше. Да. Действительно, чай. Хороший.

– Курить?

– Не откажусь.

И он достал из той же баклаги пачку «Ротманс». Волшебный такой горшочек. Бросил через костер мне.

– А спички?

– От костра прикуришь.

Как мило. Великий Маг и Колдун знает, кто такие спички. А от костра я прикурил. Навык есть. Выжидательно уставился на собеседника и подарил ему лучшую из своих улыбок. Пусть поймет, что не зря старается, психологический контакт устанавливает. Вишь, хороший какой дяденька. У костра усадил, чаю дал, сигареткой угостил. Мы добро понимаем. Только вот на кой сдался нам этот афро-американец – не понимаем.

А он пусть на нашу белозубую улыбку смотрит и думает, что созрел папуас для контакта и от встречи с великой цивилизацией ждет только радостей в виде разноцветных стекляшек и железных скребков.

Чернокожий индеец с интересом на меня так поглядывает. С удовольствием даже.

– Хорошо держишься, – говорит. Улыбку мою, видать, оценил. – Не боишься?

– Боюсь. А чего? Ты мне, дяденька, скажи, кого бояться. Я и буду. А пока не знаю. Вот.

Ситуация насквозь непрозрачная.

– Ты хоть осознаешь, куда попал?

– А ты мне расскажи.

– А психика как? Крепкая? – подкинул он мне очередной вопрос.

Мозг у меня хотя и неоднократно сотрясенный, но весьма функциональный, о чем я и сообщил.

– Концепция существования параллельных реальностей не шокирует?

Мама дорогая! Куда же меня занесло? Но виду не подал.

– Да нет, – говорю. – Скорее даже оскомину набил.

Врал я, конечно. Есть у меня одна страстишка, которая весьма регулярно приносит прибыль книготорговцам. Фэнтези. То бишь литературная сказка. Сказать, что обожаю, все равно что промолчать. Со страшной силой, можно сказать, прусь. Всю жизнь до зубовного скрежета завидовал всем тем, кто разными путями с целью геройствования в эти самые параллельные реальности попадает. Кто сквозь землю провалится, кто листик с заклинанием в книжечке найдет, кто амулет волшебный отыщет. А я вот до этой самой параллельности, похоже, вульгарно допился.

– Как видишь, не так трудно и попасть.

Вот насчет попасть – это он верно подметил. Попал я.

И тут этот злодей наконец признался:

– Особенно если человеку помочь. – И сразу, прерывая реакцию: – Хотя и случайно.

Ну ничего себе случайность. Подумал. И сразу озвучил свою точку зрения. Но с матюгами. А вот с этой формой аргументов мой собеседник оказывается был знаком. Потому как начал успокаивать.

– Эй, да не горячись ты так. Все поправимо.

Но когда увидел, что обычные увещания не действуют, на мою порушенную психику такое матерное словопостроение обрушил, что у меня уши слегка подвяли.

Успокоил он меня, нечего сказать. Но и озадачил. Не может же Маг и Колдун, хоть и Великий, так нашим народным матерным владеть.

Видел я разных русских, но самым экзотичным был рыжий негр. Крашенный, правда, но рыжий. А таких вот не встречал.

– Ты пей, пей чай-то. Остынет, – заворковал заморский матерщинник.

– Вы, дяденька, издеваетесь или как? Разве не видите, что я сейчас нервным стану. Вы мне подробнее о параллельностях. Да и как попал я сюда? Как выбираться буду? Ну а поскольку Маг ты и Колдун Великий, какую тебе за возвращение службу сослужить надо? Но душу не продам, потому как не душа у меня, а сплошная кровавая рана, и живу я, как папа Мюллер. С порванным сердцем.

Развеселил я дяденьку колдуна. Сидит, хохочет. Причем ржет, как наемник. А ему по должности интеллигентно так подхихикивать положено. Ведь колдуны вроде как не физического труда люди. Сублильные такие, а этот нет. В семье не без уродца. В семье колдунов, в смысле. Шея, как у борца, плечи, как перрон. Сидит. Веселится. А ведь у целого ряда моих знакомых, если бы они услышали про порванное сердце папы Мюллера из моих уст сахарных, очень бы побледнели лица. Очень.

Но отсмеялся он.

– Слушай тогда, – говорит.

И закатил мне лекцию. В деталях речь его я воспроизвести не смогу, но смысл передам.

Очень близки миры. Очень тонка грань между ними. И очень легко, оказывается, из одного мира в другой перейти. Эту параллельность, в общем-то, открыли черт знает когда. И также достаточно давно пришли к выводу о том, что проникновение из реальности в реальность не всегда взаимополезно. Частенько случается совсем наоборот. Бывает, что достаточно невинные существа, попав в иную реальность, обретают очень даже угрожающие для туземцев свойства. То же самое можно сказать и про идеи, вещи. Так что мысль о контроле за перемещениями возникла давненько. Ну и для осуществления этого контроля была создана соответствующая структура.

– И ты представляешь эту структуру? Так?

– Да. И зовут меня Сергей.

– А по бабушке?

Он белозубо улыбнулся.

– А выговоришь?

– Может, и не выговорю, а узнать интересно. Впервые такого вот Сергея встречаю.

– Ого. Да ты никак расист, – весело удивился он.

– Нет. Естествоиспытатель.

– Ладно. Сергей Идонгович Тивас. Доволен?

– Доволен. А звание?

– Надо же, какой въедливый, – опять удивился Сергей Идонгович. – Премьер-агент Института Парадоксальной Истории.

Обожаю этот прием. Он такой простой. Становишься таким идиотом-идиотом, и собеседник тебе, темному, все объясняет и объясняет, а потом даже не замечает, как растолковывает то, о чем и говорить-то не собирался.

Маг-агент наконец заметил промашку.

– Хитер, – добавил он в перечень моих положительных качеств.

– Не торопись. Дослушай. Существует абсолютно легитимная система переходов, контролируемая нашей структурой. Однако перемещения вообще абсолютно реальны и в принципе не настолько сложны, как может показаться с первого взгляда. Кроме того, возможны абсолютно спонтанные перемещения. В общем, головной боли хватает. Но самое отвратное, что может быть, – это ученые. Всякие причем. И дипломированные, и самоучки, всякие колдуны и маги. Гении! Вот они у меня где сидят, – стукнул он себя по загривку.

Наконец на его бесстрастной физиономии проявились хоть какие-то элементы эмоций. Мне аж полегчало. Очень уж был невозмутимый.

– Слушай, Тивас, так это что, так вот просто? Взял и перешел?

– Нет, не так. Но в общем-то ничего сложного. – Тут он замолчал. Подумал. – Хотя... Если у человека есть некоторое количество воображения. – Он опять замолчал. – Ты в детстве на облака любил глазеть?

– Естественно. И сейчас люблю.

– Ничего естественного. Для большинства это абсолютно глупое времяпрепровождение. Так вот. Видел вместо облаков замки, города?

– Ну конечно!

– А краем глаза – шпили и знамена, воинов и всадников?

– Ну да. – Я даже привстал.

Наконец хоть кто-то говорит, причем без улыбки, о том, о чем я признаюсь лишь под пыткой. Смеются, гады. Ведь даже родная жена, когда я ей стал рассказывать о небесных городах, уложила меня и долго гладила по буйному лысому черепу, пока я не уснул.

– Если столкнемся, научу тебя смотреть правильно, и сможешь ты оказываться, где пожелаешь. Но если столкнемся. А так для работы тебе это просто необходимо.

– Слушай. Перестань ходить вокруг да около. Для какой работы?

– Ты понимаешь, оказался я весьма в сложной ситуации. Попал я в засаду, был пленен, вырвался, но мой... – Он замялся, подыскивая слово, понятное для меня нецивилизованного: – ...прибор для связи оказался поврежден.

– Хрупкая, видать, штуковина, – посочувствовал я.

– Лови, – метнул он мне сквозь костер какие-то четки, которые тяжелой каменной змеей оплелись вокруг моего запястья. Мощное такое каменное ожерелье. Широкое. При наличии навыка прибить можно.

– Хрупкая? Один шанс из миллиона, что под нужным углом попадешь в нужное место. Самое смешное, что я сам и попал.

– Грустненько.

– Грустненько. Еще грустнее то, что вызывал по этой штуковине я совсем не тебя. А как здесь ты оказался, не понимаю. Вернее, догадки есть, но оставим их на потом. Так вот, мой прибор разладился, и я даже не представляю, какие такие радости призвал в этот мир сквозь тонкую ткань границ. Вызывал я воина. Своего давнего и весьма верного агента. А вызвал тебя. Как это получилось, не знаю. Правда, похожи вы до невозможности. – Он угрюмо замолчал.

– Воин, говоришь, – переспросил я. – Жаль, на пенсии я в связи с многочисленными повреждениями организма.

Государство, в котором я живу, некогда самое миролюбивое, впрочем, только с его точки зрения, в течение очень недолгого времени превратилось в территорию, где стало признаком плохого тона не стрелять в окружающих по финансовым, коммерческим, партийным, религи-

озным, конфессиональным основаниям. Частенько серьезные, с их точки зрения, люди, прослышав о моем жизнерадостном прошлом, делали предложения попринимать участие во всех этих стреляниях. Вначале пытались проехаться на халявку, убеждая в своей полной и окончательной правоте (я всегда относился к людям, считающим себя истиной в последней инстанции, с большой долей скептицизма), давили на патриотизм, потом вульгарно предлагали денег. Поначалу по разным причинам, в том числе и алкогольным, я съездил в так называемые «горячие точки». И убедился, что войны, которые ведутся государствами, конечно, грязны, как всякие войны, но то, что могут сотворить опьяненные свободой люди, превосходит всяческое, даже мое, весьма, кстати, циничное, воображение. Дело в том, что как бы ни выли застрявшие в диссидентстве престарелые мальчишки о зверствах военных, те, как правило, выполняют поставленную перед ними задачу специально не затрагивая гражданских. А жертвы среди населения, как это ни мерзко звучит, побочный продукт боевых действий. А дядька, которому всучили автомат и запудрили мозги идеей о Великой Молдове, Армении, Азербайджане и т.д. ... это просто удивительно, что может сотворить обыватель, обуянный великой идеей. Это просто потрясает всяческое воображение.

– Ну для начала скажу, что нет в тебе никаких повреждений, – усмехнулся дядька, поднял указательный палец и добавил: – Для начала.

Я не поверил. Но встал, поприседал, попрыгал, кувыркнулся. Организм был действительно лейтенантский.

Все знают, где бывает бесплатный сыр. Поэтому я присел к костру и поинтересовался:

– И что я за это должен? Только в разумных пределах.

– Лет пятьсот истекло, как границы реальностей после очень долгой подготовительной работы стабилизировались. Как раз тогда и перестали у вас появляться всякие великаны, драконы, колдуны, настоящие, заметь, и прочие посетители. Заплутавших мы вывели, а с заблуждавшимися вы сами активно разделались. А вот сейчас возникли проблемы. Время в реальностях идет по-разному, да и общественное развитие на разных уровнях. Здесь самое сказочное средневековье. Да впрочем, сам увидишь.

Но как вербует, гад, на мечте, на заветной мечте. От такого отказаться сложно, более того, почти невозможно.

– Ворота открываются хаотично. Но разовые переходы не опасны. Их последствия несложно нейтрализовать. – Он опять замолчал.

– Кто-то пробил канал, проход, как тебе угодно. Кто, я еще сам не разобрался. Но этот кто-то пытается пустить насмарку то, над чем Институт работает в этой реальности последние три сотни лет.

С одним представителем этой силы я уже столкнулся. Но вот по душам поговорить не получилось. Выяснил я только, что власть в Империи они захватили. И даже на мое место посадили двойника. По некоторым данным я могу предполагать, что это представители цивилизации, находящейся на уровне развития не ниже нашей, но кто? Не знаю. – Он задумчиво уставился в костер. – Ты понимаешь, я ксенобиолог по базовому образованию. А вот этого, что со мной разговаривал, классифицировать не смог. Чужой он. А у меня связи нет, – вдруг пожаловался он. – Чужой, – повторил.

Я потряс головой, чтобы жуткий сумбур, установившийся в моей голове, хоть как-то улегся.

– Так, подожди. Давай по порядку. Сюда меня случайно, я подчеркиваю, случайно, в целях твоей личной безопасности приволок меня ты. Так?

– Так.

– Обрати ты меня отправить сейчас не можешь. Так?

– Так.

– Но в обозримом будущем это реально. Так?

– Так.

– А для этого тебе надо добыть средства связи. Так?

– Так.

– А где их можно добыть?

– В моем дворце.

– Поскольку ты Великий, то дворец твой в столице. Так?

– Так. Только в столице сейчас эти. Чужие.

– Значит, надо их победить. Так?

– Так.

Я решил на время отложить свои пацифистские настроения. Потому что передо мной стояла задача. Попасть домой. А этот негр преклонных седин если действительно припер меня сюда, то можно предположить, что может и депортировать обратно.

Белогривый афро-американец грустно смотрел в огонь.

– А шансов попасть в твой дворец у нас маловато. Так?

– Так.

– Классенько. Значит, попасть домой я смогу лишь в том случае, если мы с тобой вдвоем погромим этих твоих чужих. Так?

И услышал.

– Так.

– Хреново, – резюмировал я ситуацию.

Тэк-с. Воина вам надо. Будет вам воин.

– А в твоём волшебном горшочке водочки не водится?

– Водки? Задумайся-ка о ней.

Пожалуйста. И Тивас из своей баклаги добыл бутылку «Юрия Долгорукого». Полтора литра слезы.

– Это что? – поинтересовался.

– Дикарь ты. Сейчас узнаешь. Бросай сюда.

Бросил.

– Неправильно мы сидим, дружище. – Я встал и пересел к нему, прихватив по пути малую баклажку.

– Вода есть?

Он подволок к себе из темноты бурдюк, в котором что-то булькнуло.

– Ты в своем горшке мяса какого-нибудь нажелей.

– Зачем?

– Для закуски. Так ты, выходит, мой потомок.

– Да. Весьма дальний.

– Чудеса.

Я скрутил пробку. Разлил водку в баклажки.

– Ну со свиданьем, потомок, – и опрокинул емкость.

Где-то я слышал или читал, что завезли в Россию водку гемуэзцы. Но усовершенствовали ее мы сами. Русские. Хорошо пошла.

Потомок последовал моему примеру и успешно закашлялся.

– Как это пьют? Кровь драконова, – сквозь спазмы прохрипел он, вытирая слезы.

– Ты закуси, закуси, – похлопал я его по плечу. – Водка – вещь серьезная. И серьезному разговору очень способствует. Я сейчас еще огурчиков нажеляю.

Раскатали мы бутылочку, и жизнь стала приятнее. А еще водка сближает. Не сильно, но все же. Вернее, ее совместное распитие. Поболтали об отвлеченном. Я ему про пироги мамыны рассказал.

– В общем, согласен я, Серега. Воевать, так воевать.

– Повоюем, – сурово поддержал меня Великий Маг и Колдун.

На нестойкого потомка напиток оказал мощное бодрящее действие. Он был готов немедленно выдвигаться на любого противника и крушить супостата.

– Обязательно. Но ты мне для начала растолкуй, кого ты вызывал.

– Это воин. Магистр Ордена Тяжелых Клинков. Автор книги «О методах правильного ведения боя» – Саин сын Фаразонда. Авантюрист. Прекрасный агент.

– Чей сын?

– Фаразонда. А что?

– Да у меня, понимаешь ли, папу Фаразондом зовут.

– Странно, – задумался мой собеседник. Но долго думать я ему не дал.

– А для чего он тебе, для охраны? Не похож ты на человека, которому охрана нужна.

Премьер-резидент, опять же.

– Некоторые вещи, Ильхан, маг может делать лишь тогда, когда у него свободны руки и разум. Саин – великий воин. И лучшего спутника, чем он, для путешествия по Империи представить трудно.

– А как далеко до земель Империи?

– Месяц пути.

– Да как же тебя занесло в такую даль?

– Долгая история.

– Не хочешь – не говори. Да ладно. Буду я тебе Саином. Только вот беда. Я ведь не только тяжелым мечом, вообще любым не очень-то владею. А если это здесь основное средство общения, то жить мне, пожалуй, до первой встречи с недоброжелателями. Не дольше.

Сергей Идонгович, не говоря ни слова, вдруг запустил мне прямо в лицо баклагу с горячим чаем. Ловко так. А я ее ловко так, к немалому своему удивлению, поймал. Ни капли при этом не расплескал.

– Сдурел ты, что ли? – заорал на своего нового приятеля.

– Так я и думал, – обрадованно сообщил он мне. – Навыки в теле присутствуют. А восстановить их я тебе помогу. Я ведь Великий Маг и Колдун. А кроме того, одежда твоя из кожи огнистого змея. Ее разве что алмазная плеть возьмет. А это оружие почти легендарное. Так что не так уж ты беззащитен. Да и видел я, как ты ножичек крутил. Кидаешь небось?

– Балуюсь.

– Ну вот, – довольно заключил он. – А пока навыки не восстановятся, я ведь с тобой. А я не только Маг и Колдун, но и премьер-резидент. Так что прорубимся.

– Утешил.

– Давай спать. С утра дел немерено.

– Нет. Я не хочу. Лучше знаешь что? Нужна информация по этому миру.

– Да сколько угодно.

Он сунул руку в свой баул. Честно говоря, я ожидал, что он достанет что-нибудь вроде яблочка на тарелочке. Но он выволок вульгарный ноутбук и перебросил мне.

– Пользоваться умеешь?

– Ask!

– Ну ладно, а я, пожалуй, посплю.

– Слушай, Тивас!

– Чего тебе.

– Чайку бы.

– На.

Он бросил в меня своей баклагой. К моему удивлению, из нее не выплеснулось ни капли. Я заглянул в нее и увидел, что в ней и нет ни капли.

– Так она пустая.

– Ну ты, жертва цивилизации. Скажешь «чай», будет чай, скажешь «кофе», будет кофе, скажешь «мясо», будет мясо. Принцип ясен?

– Да.

– Хоть олибахи свои заказывай. Дрова вот. – Он ткнул в сторону пальцем. – Давай, учись. И заснул.

Роскошная ситуевина. Очухался неизвестно где, в себя не дали прийти, вербанули влет, поставили мутную задачу. И изволили заснуть. Работодатели хреновы.

Но стенать не стоит. Если я все-таки сплю, то в конце концов проснусь. Если не сплю... Дорогу домой все равно отрабатывать придется.

А еще через пару часов я почувствовал, что голова от потока знаний об этом мире пухнет. Все, хватит. Спать пора. А мозг, он умный, знания и во сне переработает.

ГЛАВА 7

Утро не принесло ожидаемого похмелья, хотя я побаивался, что выпитое дома меня все же догонит. Не догнало. Зато новостей принесло много.

Первая, и не самая приятная, заключалась в том, что путешествовать предстояло верхом. Это в России почему-то считают, что на Кавказе предпочитают перемещаться на скакунах, носить на поясе кинжал, за спиной автомат, что женщины у нас ходят в чадрах, а мужчины спят и видят, как бы кого-нибудь зарезать, то бишь кровно отомстить. К счастью, подобные представления серьезно отличаются от действительности.

Сам я в качестве средства передвижения предпочитаю автомобиль, желательно германского производства, к длинным женским юбкам отношусь с пониманием, особенно если даме, ее носящей, необходимо скрыть какие-либо дефекты фигуры. Но больше мне нравится, когда девушки носят юбки покороче. Поскольку в нашей республике преобладает христианское население, чадру у нас не носят. Да впрочем, и в республиках с преобладанием мусульман тоже. Кинжал достаточно древний и родовой, хотя не знаю, чей именно, поскольку купил его в художественном салоне, висит обычно на стене. Автомат дома держать не стоит – если нет лапы, может возникнуть крупная нервотрепка. А кровная месть, хотя и воспета множеством писателей как традиция насквозь романтическая, являет собой обычай жуткий и смертоносный. Живешь себе, никого не трогаешь, и вдруг какой-то идиот, прапрапрадедушку которого угробил прапрапрадедушка твоего родственника, обуянный жаждой мести, решает угробить тебя. Никогда не представляли себе подобных ощущений? И не представляйте.

Уверяю вас, я высказываю точку зрения подавляющего большинства кавказских мужчин зрелого возраста. Хотя есть, конечно, и такие, кто думает иначе. Но трезвомыслящих, думается мне, больше.

Отвлёкся.

Но не пугайтесь. Хотя и отдаю я предпочтение плодам германского автомобилестроения, но верхом ездю. Не могу, правда, сказать, что люблю. Потому что не понимаю этого удовольствия. Представьте себе, вас очень ритмично бьют по заднице. Все эти слияния с конем – это потом, когда ваши ягодички намозолятся так же, как костяшки на кулаках каратэки, и сидалищем вы легко сможете давить грецкие орехи. А вот вначале, пока те самые мелкие группы мышц, необходимые для верховой езды, еще спят... Ощущения, которые вы испытаете, запомнятся надолго. А пока эти милейшие ощущения светили мне в полном объеме.

Тивас оказался знатным конником. Для нас он приготовил по два высоченных светлогнедых коня. Сухие, рослые и плотные, как отливка металла, они, похоже, готовы были скакать сутками. Не забыл он и вьючных лошадей. Те были поменьше, покоренастее, но даже на первый взгляд выглядели весьма деятельными.

Я мысленно очень благодарно помолился, потому как путь развития конской сбриуи здесь не пошел по какому-нибудь экзотическому пути, и взнуздать и оседлать коня для меня не составило особого труда.

После презентации транспортных средств Сергей Идонгович ознакомил меня с вверенным оружием.

Оружия было много. Где-то я читал, что чем выше мастерство, тем меньшим количеством оружия пользуется воин. Мне это заявление всегда казалось несколько необоснованным. Хотел бы я глянуть на сторонника приведенной концепции, если бы ему в схватке с медведем предложили бы воспользоваться самым крупнокалиберным патроном от штуцера. Одним. Без штуцера. Или штуцером без патрона. Сомневаюсь, что чувство, которое вызовет подобное предложение, можно будет ассоциировать с восторгом.

Так вот. Ножи.

Шесть метательных в колете, два в рукавах, два тесака в голенищах. Все похожие как родственники. Черненные, вытянутые, слегка закругленные треугольники клинков, синие камни в перекрестье и торце рукояти. Тесаки, только подлиннее. Кортики скорее. Чересчур они для тесаков изящны. Только размерами отличаются.

И все это ножевое братство так удобно расположено, что все всегда под рукой. Сидишь ты в седле или на земле, стоишь, лежишь. Делается всегда мотивированное движение, и оружие у тебя в руке.

– А что в поясе у тебя, помнишь?

– А что у меня в поясе?

– Смотри.

И Тивас несильно стукнул по сложному орнаменту пряжки, где двое кошачьих переплелись в жестокой схватке. Коты не только расцепились, но и стали торчмя, превратившись в две рукояти. Я осторожно потащил одну и выяснил, что в поясе скрывается длинный, неширокий, слегка изогнутый клинок бритвенной остроты. В чем я немедленно убедился, решив проверить его заточку большим пальцем и сразу же лишившись хорошего лоскутка кожи. Кровь так и хлынула, клинок дернулся и подставился под струю, которая немедленно впиталась в сталь оружия. Доли секунды красила металл алая клякса. Растаяла.

– Приложи рану к клинку, – сказал Тивас.

Я последовал его совету. По сабле растеклась голубоватая вспышка.

– Он признал тебя.

А от ранки даже коросты не осталось.

– Сергей Идонгович, а что ты вчера насчет моей одежды говорил? Вроде просечь ее невозможно.

– Что? Не верится?

– Не верится. Кожа и кожа.

Оказывается, этих премьер-агентов хорошо учат, или живет он здесь давно. Из недр одежды шустро вылетела тонкая длинная шпага и с бешеной скоростью хлестнула меня несколько раз, причем так быстро, что я даже испугаться не успел.

– Ну вот, смотри, – указал он на мою одежду, на которой не осталось ни прорехи, ни следа от неожиданной атаки. А самое интересное, что тело в местах ударов даже не ныло. – Твоя одежда из кожи огнистых змеев. Пробить ее может только алмазная плеть, да и то только в руках мастера. Но как я уже говорил, оружие это почти легендарное. Но почти.

Произведенная демонстрация, с одной стороны, вдохновила меня неуязвимостью моей одежды, но вот с другой... Если они здесь на таких скоростях дерутся, то перспектива добраться до дому становится все туманнее. Ничего подобного я продемонстрировать не мог.

Тивас сунул шпагу под балахон, повернулся к какому-то тючку, развернул его и продемонстрировал мне длинную кожаную кавалерийскую шинель.

– Это тоже тебе.

Удивительно, но она совсем не была такой тяжелой, как казалась на вид. Хорошо выделанная, толстая, очень мягкая на ощупь кожа.

– Надень.

Я послушался, и мне вдруг стало уютно и тепло. Причем тепло в самый раз, хотя, похоже, день обещал быть жарким.

– Сунь руку за спину.

Нащупал там длинную, до пояса, пелерину. Похлопал.

– Под пелериной.

И в руку нетерпеливо влезла рукоять. Я потянул за нее, и в руке у меня оказался какой-то нескладный, короткий предмет. Нож? Меч? Нечто среднее. В локоть длиной. Косо обрубленное лезвие. Толстый, в палец, обух, параллельно ему длинный лепесткообразный ус. Лезвие

шириной в два пальца. Односторонняя заточка. Дзюттэ. Только слегка модернизированный. Им не только глушить, рубить можно. И второй такой же вынырнул за братцем.

– Ну как, доволен? – поинтересовался Тивас.

– Доволен-то доволен. Да только как с этим всем обращаться?

– Вспомнишь, – легкомысленно утешил чернолицый брат.

– Когда? – возбужденно взмахнул я руками, и дзюттэ в левой руке вдруг кувыркнулся вокруг кисти и лег обратным хватом. Я обалдел.

– Вот видишь, – обрадовался Тивас. – Навыки сохранились. Все вспомнится.

А я удивленно смотрел на оружие. Может, Олди правы, и они действительно живые?

– А теперь тебе надо заново познакомиться еще с одним спутником. Только учти, характер у него строптивый, ибо сделан он рукою вагига.

Как же, вагиги, знаем. Добрые пятиметровые скандалисты, драконы-оборотни, холодные интеллектуалы, мировосприятие которых так же далеко от мировосприятия человека, как Земля от Созвездия Гончих Псов, а то и дальше. Самые талантливые творцы. Не ремесленники, не художники. Творцы.

– Однако если спутник сей признает тебя, то жизнь свою доверить ему ты сможешь. Присядь, прошу тебя.

Я уже привычно уселся по-турецки. Почему привычно? Так привыкать начал. Есть у меня хорошее свойство психики. Я тугодум. А мы, тугодумы, люди мощного психического равновесия. Пока до нас дойдет кошмарность ситуации, в которую попадаем, мы уже в этой ситуации и костер разведем, и дом построим.

Так что нормально все было. Солнышко светит. Нормальное такое солнышко. Желтенькое. Небо такое голубое. Травка зеленая. Листики на деревьях тоже. Мы не в лесу были, как мне ночью показалось. На краю небольшой рощи. А в целом территория, где мы находились, напоминала среднюю полосу России. То ли лес с огромными полянками, то ли степь с большими рощами. Лесостепь, короче. Люблю я такие места.

И в самом деле, чего рефлексировать. Кроме меня самого, меня отсюда никто не вытаскивает. Помните, как барон фон Мюнхгаузен себя за косицу вместе с лошастью из болота выволок. Это только нежным духом интервентам подобное брехней кажется. А каждый совок знает, что это естественное состояние всей нашей страны. Анекдот про новый метод удаления зуба, изобретенный русскими докторами, упоминать не буду. Почему нашему человеку не трудно на Западе? Да потому, что у них там все сделано так, чтобы человеку жилось комфортно. А вот у нас... Складывается впечатление, что какая-то Мировая Закулиса задалась целью вывести новый вид человека броневой. Это им вообще повезло, что я сюда один попал, а не с друзьями, взводом. И из комсомольского возраста, да и мировосприятия, уже вышел. А то глядишь через годик мы бы и здесь социализм отгрохали. Правда, скорее всего, без человеческого лица. А вот тогда вопрос. С чем?

А Тивас тем временем достал из сумок длинный сверток. Неторопливо распустил сдерживающие его кожаные шнуры, развернул.

– Это меч Саина.

У многожды упомянутого Саина губа была отнюдь не дура. Да и сам он, похоже, был не дурак. Весь.

На коленях у Сергея Идонговича лежал не меч. Меч. В России над нами частенько посмеиваются за несколько гипертрофированную страсть к холодному оружию. Признаю. Обоснованно. Любим. Дело в том, что оно прекрасно. Прекрасно в своей законченности, плавности линий, функциональности.

А вот то, что сейчас держал в руках Сергей Идонгович, описать было трудно. Насколько я разбираюсь в оружии, это был бастард, полутораручник. Не двухметровый кошмар стали.

Не изящная шпага. А как раз тот оптимум, который нужен для побивания врагов, носящих доспехи.

Клинок неширокий, пальца в три, длиной сантиметров восемьдесят. Заостренный, пригодный не только рубить, но и колоть. Цвет. Вы видели закат над морем перед грозой? Оттенок подсвеченных багровым сине-сизых туч. Вот цвет его клинка. Узор. Сплетение уходящих в глубь друг друга струй ручья. Вот его узор. Оторвать взгляд трудно.

Гарда, выполненная в виде языков черного пламени. Изящная рукоятка на две ладони, украшенная в оголовье синим камнем.

Я невольно потянулся к мечу. Нет, неправильно. Меня к нему потянуло. Так, как непреодолимо тянет к женщине. Красивой женщине.

И вдруг показалось, что тяну я руку к волкодаву, который еще не знает, облизнет ли ее в щенячем восторге узнавания или отхватит страшными челюстями. А потом облизнется. Но я ухватил рукоять, как за шкуру пса, и тот обрадовался, выворачиваясь и радостно покусывая руку. «Ты здесь, ты нашелся, я скучал. Я так рад, так рад». Похоже, у этого меча, как и у волкодава, нет хозяина, но есть вожак, а вожаку он был сугубо рад.

По клинку перетекла волна льдистых сполохов, оторвав меня от песье-мечевых размышлений, и до моего слегка замутненного сознания дошел голос Тиваса. Радостный такой.

– Он признал тебя.

А мы тянулись друг к другу. Когда к щенку волкодава протягиваешь руку, он, еще не зная страшной силы своих челюстей, садится на свой маленький лохматый круп, опираясь на одну лапку, другой все пытается отмахнуть непонятную угрозу. А потом, привыкнув, начинает играть. Сначала куснет, демонстрируя симпатию, отступит. Это потом, много позже, он будет облизывать ваше лицо и руки, повизгивая от восторга. Потом.

И встретились. Я встал. Крутнул меч. Раз-другой. И вдруг он сам понесся, взрезая воздух. Закрутился. И моей руке бы бездумно следовать за ним, но нет. Нам, гомо сапиенсам, все понять надо. И меч как-то неуклюже сорвался со взмаха, несильно хлопнул меня плашмя по спине, перестал тянуть руку и, хитро подмигнув, камнем оголовья спокойно вытянулся к земле.

– Теперь у тебя все получится, – радостно заверил Тивас.

ГЛАВА 8

Во всех фантастических романах, повествующих о всяких там переселениях душ, перемещениях в пространстве, упоминался вечный конфликт между новым и старым хозяином организма и мозга. Однако в моем случае ничего подобного не происходило. Складывалось ощущение, что мне в мозги и в мышечную память просто что-то записали, причем записали нечто хорошо знакомое. В жизни моей была как-то раз похожая ситуация. В детстве меня кто-то, не помню кто, учил завязывать портянки. Научил. А потом умение это за ненадобностью забылось. Очень много прошло времени, и я попал на институтские военные сборы, где отцы-командиры старались всячески, чтобы мы, публика цивильная и слабодисциплинированная, тщательно хлебнули армейской жизни. Нам запретили носить носки и выдали портянки. Забыл упомянуть, что в то далекое время в армии не было всяких там ботинок и все гордо и смело ходили в сапогах. После того как мне выдали амуницию, причем после долгого разговора, перенасыщенного ненормативной лексикой, нужного размера и я влез-таки в приснопамятное х/б, куски ткани, которыми надо было обмотать ноги, вызвали у меня состояние глубокой задумчивости, возможно что своей потрясающей белизной. И вдруг. Именно вдруг, потому что тело действовало без всякого руководства со стороны моего мощного интеллекта. Руки расстелили тряпочку, нога как-то ловко расположилась на ней, несколько пассов руками, и моя гордая конечность оказалась в сапоге. Мне было удобно. Что характерно, когда включился упомянутый интеллект, обвязывание ноги портянкой и запихивание ее в сапог продолжалось гораздо дольше и сопровождалось словесными формулами, выражавшими недовольство.

Что-то подобное происходило со мной и теперь. Стоило лишь попытаться понять, как делаешь что-то, и это что-то переставало получаться. Меч вдруг становился чужим и непослушным и уносил руку, разворачивая тело. Тивас молча бесился, в который раз объяснял, что не надо пытаться осмыслить, надо просто делать, и тело само подскажет и сделает, как надо. Когда же я переставал пытаться осмыслить свои движения, тяжеленный полутораручник начинал легко порхать, закрывая мой любимый организм стальной вязью защиты, мягко перетекающей в незаметные короткие атаки, при которых клинок размазывался в воздухе, почти нежно рассекая толстые ветки, натканные моим духовным лидером в качестве мишеней. Весело посвистывали парные поясные клинки, в одно легкое касание разваливая толстые соломенные жгуты на множество коротеньких кусочков. Бешеными пропеллерами крутились модернизированные дзюттэ, отбивая и перехватывая две изящных шпаги, которыми мой чернолицый учитель орудовал с отменным мастерством. Синими молниями летали два длинных засапожника, прокалывая и разрезая синие местные яблочки, подбрасываемые доброй магией наставника. Безоружные руки и ноги металась, сплетая абсолютно неизвестную мне вязь блоков и атак, ударов и подсечек.

Но стоило задуматься, и вкуснее яблоко пребольно стучало в мой излишне высокий лоб, сабля дружески хлопала по затылку, дзюттэ норовили переплестись и улететь, оставив своего неразумного владельца в грустном одиночестве, а коварные засапожники так и норовили ткнуться куда-нибудь подмышку, только верная одежда спасала.

Тело все помнило и знало само. Только было непонятно и страшновато – откуда знало и помнило.

И только иногда голову изнутри как будто тыкали палочкой, и руки закручивали какой-то новый финт, ноги переставлялись непонятно как, тело замирало в каком-то неестественном положении, и удар проносил предполагаемую защиту с какого-то невероятного направления, или всплывало новое знание, или сердце заполняла непонятная душная озлобленность. Где-то там во мне он был. Весь или часть его – не знаю. Но это предстояло узнать.

И казалось – я умею. Но Тивас не успокаивался. И шел на меня панцирник, закрываясь щитом, атакуя тяжелым полутораручником. И было фигово, когда он попадал. Вы никогда не умирали? Потрясающее ощущение. Звенели, лязгая мечи, трескался щит, отлетали куски металла от кирасы и заваливался противник, когда в дыру в доспехе проскальзывал меч, отнимая призрачную жизнь, или скрипел, визжал металл доспеха, разрываемого высверхом атаки, и враг падал под ноги, брошенный ударом, а за ним вставали еще и еще.

– Это фантомы, – сказал Тивас.

Но поди поверь, когда в лицо брызжет кровь и течет по доспеху, а волосы слиплись от этого сока жизни, и во рту солоно от множества плюх, полученных от этих фантомов.

– Ты – магистр, – сказал Тивас.

И вьюном завертелся смуглолицый гундабанд, обрушивающий в бешеной атаке клинки. Как веники в русской бане. Ты пятишься, пятишься под вихрем ударов и вдруг видишь что-то знакомое. Руки сами заплетают клинки, и один из них незаметно чиркает в щель между доспехом из обшитой кожей стали и глубоким шлемом с лошадиным хвостом на темени, и воин вдруг падает изломанной игрушкой. Мышцы орут от боли, а на тебя медведем прет фандо в длинной до пят кольчуге, рогом шлеме. Страшный лабрис в его руках летает, напевая веселенькую песенку смерти, и ты звереешь, и вдруг ярость отходит, и в голове звенит хрустальная пустота, и фандо пятится, пытаясь закрыться секирой, но от рукояти летят щепки, и легкий гундабанд ныряет в щель забрала и вылетает оттуда на четверть обгаренный кровью, и ты переступаешь через поверженного, а внутри что-то орет:

– Еще. Дайте их еще.

Прохладной водичкой плещет голос Тиваса.

– Умеешь. Это умеешь. Остальное завтра.

Завтра наступило, и Тивас опять удивил.

– Езжай вперед.

– Один?

– Один.

– И что будет?

– Увидишь. Но только знай, они неживые. Все, что будет происходить, неправда. И если вдруг... – Он заикнулся.

– И если вдруг...?

– Тебе покажется, что тебя убили, – это тоже понарошку.

– Шикарная шуточка с утра. Просто праздник какой-то. Ты не находишь, Тивас? «И если вдруг тебе покажется, что тебя убили», – просмаковал я. – Как это «покажется»?

– Езжай, езжай, увидишь, – сократил вводную Тивас.

Должен вам сообщить, что езда на лошади – удовольствие специфичное. Чтобы действительно отдаться упоительной скачке, надо весьма-таки тщательно намозолить некие места организма до почти окостенелой крепости. И разработать целый ряд мышц, которые у человека, привычного к сидячему образу жизни, скажем так, невостребованны. Сначала бывает, как правило, сложновато. Так что перепуганный тренировками организм старался вести себя аккуратно. Побаливало потому как.

А все-таки хорошо вот так одному, почти бесцельно скакать по цветущей, еще не выжженной летним солнцем степи, вдыхать ее ароматы, сшибать ребристой плетью соцветья буйных луговых трав. «Ты уверен?» – спросил я у себя. Но... И это хорошо, что подмышечные отстали, есть время собраться с мыслями, присыпать пеплом бушующий в груди пожар. Стоп-стоп-стоп. Какие подмышечные, какой пожар? – заполошенно подумалось мне.

– А-а, отстань, – досадливо отмахнулись от меня рукой.

А ведь все могло сложиться иначе, и не за Улеба бы выходила бы сейчас Звездана, а за меня. Но два года на границе с Гундабандом. Два года. И нежное девичье сердце не усто-

яло перед усатым красавцем Улебом Песенным. И не радуется стальная гривна на шее, дающая право именоваться храбрым. И золотой браслет с двумя крылатыми псами. Тысячник. Тысячник панцирной кавалерии. Оплот Блистательного Дома. А любимая выходит замуж за другого.

Но нельзя. Надо быть веселым и щедрым, дабы не обидеть хозяев и друга, почти брата Улеба. Хотя... А нельзя. Потому как не просто сам едешь, а и везешь подарок Блистательного Дома. Ценит и балует своих тысячников Император. Умно! Подарок везут подмышечные. Им-то хорошо. Едут гулять на свадьбе. И ничего, что кроме боя Фабрицио недалеко от Степи. Через земли Хушшар и Седой Лес тяжковато пройти. Да и Степь сейчас не та. После Большой Войны, когда сожгли Масхат, обитель колдунов, степняки поутихли, но молодежь подрастает, и тяжело без подвигов и удали, без добычи и славы.

Да и не страшно. С Улебом три десятка подмышечных, и будущий тесть его известен своим гоардом. Мудр Император. Послал на свадьбу, но и приграничные кромы сказал посмотреть, потому и задержались. Сильно грубить пришлось бою Ромео за то, что кроме в порядке не блюдет. Ну да ладно. Здесь в Приграничье три дня свадьбу играют. В первый день – заигрыш. Гостей допьяна упоить и себя не забыть. Во второй – выведут невесту жениху, хлопнет ей отец плетью по спине и зятю отдаст: была моя – теперь твоя. Ну а в третий, как вывесят простыню в окно, пойдет веселье по новому кругу. Ну на заигрыш мы опоздали, клят будь бой Ромео, так ведь и тянуло из бороды клочок выдрать. Но подарки, слава Великим, на второй день дарятся. Как раз успеем.

Гнедой, радуясь воле, легким галопом вылетел на увал. Отсюда было хорошо видно и кроме, и деревеньку в полуверсте от него. По всей деревеньке уютные дымки – угощение готовят, подумалось. Бой дочь замуж выдает. А под боем дюжина деревень. Подарки все пришлют. А где подарки, там и гости. Хорошо. Гулять будем, пить будем, а смерть придет – помирать будем. Ох, зря я в такой-то день о смерти.

До Седого Леса – с полверсты. Вот ведь дела – и правда Седой. Седые листья, седые стволы, трава и та седая. То ли живой, то ли нет. Но неуютно там. Как будто тысячи глаз в спину смотрят. А обернешься – нет никого. Ни зверья нет, ни птиц. Мошек и тех нет. И вечно тихо, как в горах, когда приходит туман. Не любит Лес гостей, да и люди особо стараются по нему не ходить. А оказывается, ходят.

Из леса показался верховой. Хушшар? Тускло отразил солнечные лучи черненый панцирь. Странно. Хушшар поверх всего одевают свои синие халаты и не носят таких длинных шлемов. Шлемов! Они не носят шлемы, они носят шишаки, обшитые синим же шелком. А длинные шлемы носят барласы Отца коней! Докаркался. Степь пришла. И подтверждая отвратную догадку, пообок верхового встали еще двое в рогатых шлемах из черепа степного быка, в длинных лохматых байданах, тех самых, что выделывают из шкур тех же быков, и они не хуже кольчуги держат удар меча и топора. А из леса шагом выступили еще шесть троек верховых. Степь. Их священное число – три семерки. На некоторых темнеют бурым повязки. Видно, недавно из боя вышли, ведь через Хушшар пришлось идти. И значит, через Седой Лес за степными сейчас идет погоня. Лютые и верные гвардейцы Императора. А этим сейчас налететь на село, хапнуть добычу и уйти. Не знают они, что в кроме еще и три десятка панцирников, и мои подмышечные в версте едут, пересмеиваются. А им и плевать, влетят в село, кого порубят, кого уволочут. Пока в кроме после вчерашнего взденут себя на коня, пока долетят мои, пока Хушшар пройдут сквозь Седой Лес, от деревни головешки останутся.

А рука уже рвет рог с перевязи, и его тяжелый, хриплый и лютый рев как сапогом по хрусталу ломает нежную тишину утра. И в деревеньке забегали, и в кроме на стене ответно взревел в рог.

Но предводитель степных решил не отступать. Дважды качнулось копьё – в мою сторону и в сторону деревни, обозначив направления атаки. И ко мне рванули трое верховых, остальные наметом бросили коней к деревне.

Ну боя вам. И ноги привычно бьют гнедого под ребра. И рука привычно тянется к мечу, и левое плечо привычно бросает висящий на спине щит в левую же руку. А в голове кто-то панически орет. «Где меч верный, где щит крепкий? Доспех где?» Лишь длинный черный распахнутый кафтан и синие камни на черном колете, и непривычно, почему-то из-за спины, торчит рукоять незнакомого меча. И конь, почуяв неуверенность всадника, сбивается с галопа. Но ты, уже ты сам яростно орешь в ухо коню. Как положено, клекочу по-орлиному, вою по-волчьи. В общем, издаю все звуки, приличествующие богатырю на тему «ах ты волчья съть, травяной мешок», плашмя бью выхваченным гундабандом по пузу гнедого, тот жалобно визжит и швыряет свое поджарое тело вперед. Гулко колотят шипастые подковы в сухое тело. «Ты к этим хотел, хозяин? Ну как знаешь!»

А тебе навстречу летят трое. Первый с копьём чуть впереди, двое с секирами приотстали. И первый уже бьет тебя копьём, и ты падаешь на круп, уходя от удара, и копьё минует тебя, а правый гундабанд слегка хватает левую ногу степняка, и зацепленный конь, взвизгнув, уносит уже одноногого хозяина, и на тебя налетает другой с секирой, и ты ловишь секиру на клинок, закручиваешь ее и другим мечом бьешь туда, под срез костяного шлема, и кони разносят вас, лишь на твоей щеке остается несколько капелек крови, и третий несется на тебя, прикрываясь щитом, и ты, привстав в стремях, отшвыриваешь летящую в голову секиру, другим мечом отшибаешь щит и, перекрутив кисть, бросаешь клинок наискосок промеж рогов. Шлем не выдерживает – разлетается, и клинок достает голову помягче, и она разваливается, дохнув тебе в лицо тяжелым арбузистым запахом. А тебе некогда. Хотя ты видишь, что в селе уже перегородили дорогу рогатками, и в кроме истерично взрывает рог, поднимая бойцов, но степняки уже преодолели почти треть расстояния до деревни, и там не успеют. И ты несешься вдогон за степняками, нервными воплями раздражая коня. У этого, в черном панцире, глаза на затылке, что ли? Он каркает что-то, и вторая тройка, развернув коней, несется на тебя. Но – не до них. Оказывается я очень не люблю этих степных. Горячая красная волна поднимается из груди. Уйди – ору я – не до тебя. И гундабанды легко влетают в поясные пазы, и в руки радостно суются рукояти ножей, и трое вылетают из седел, попятнанные в лица! И гундабанды опять в руках, и гнедой проносит мимо побитых, и опять ревет рог, и от Седого Леса слитной лавой несутся всадники в синем, отрезая степным дорогу к воле и жизни. И чернопанцирный опять гулко каркает, и строй степняков, резко крутанувшись на месте, швыряет коней от деревни, от крома, откуда вот-вот вылетит окованная сталью змея панцирной кавалерии и порубит, потопчет, если увязнуть в рубке. Степные не знают, что из-за увала несутся во всю лошадиную прыть пять десятков моих подмышечных. Они скачут прямо на меня любимого. И эта красная волна достигает-таки твоей головы, и ты вместо того, чтобы повернуть коня, скакать навстречу своим, которые прикроют, да в общем-то нас вместе и побольше будет, бросаешь коня вперед. И весело так, с разгона налетаешь на степных. И ты бьешь, и тебя бьют, и хорошо хоть шинелька держит удары. И ты успеваешь срубить еще двоих, когда правый гундабанд вязнет в толстом костяном шлеме и, наверное, не менее толстой костяной голове, и выворачивается из руки, и ты швыряешь в кого-то нож и рубишь чью-то руку, сжимающую секиру, и на тебя налетает тот в черном панцире с герданом в поднятой для удара руке, и ты уже не успеваешь ничего сделать и лишь падаешь из седла, спасая голову от тяжелой булавы, но она таки цепляет тебя, придавая ускорение, и крепкое тело земли с размаху бьет тебя по организму, и так больно, что гундабанд отлетает, но та самая красная горячая волна вскидывает тебя на четвереньки, лежать нельзя – затопчут, и ты, проскользнув под брюхом коня, ловишь летящую в тебя руку с секирой и, вбив всаднику в подреберье засапожник, швыряешь его под ноги летящего на тебя коня, и тот падает, но всадник, умелый наездник, успевает спрыгнуть и налетает диафрагмой на твой засапожник, и ты отскакиваешь, и у тебя есть секунды осмотреться, и рука выдергивает из-за спины тяжелый бастард, совсем не любимый в конном бою, но вот так, на земле, это та еще песенка. А на тебя уже несется тот же в черном панцире, отведя

руку с герданом для удара. Но полуторник – не гундабанд, и, отшвырнув удар тяжелой палицы, ты на противоходке сносишь с седла верхнюю часть этого злыдня. А ноги... А ноги пускай едут.

Лавиной врываются в мозг звуки боя, и ты видишь, что степняков частью порубили, частью повязали. Ты остановил-таки их, лишь один нахлестывает коня, надеясь укрыться за увалом, но оттуда в грохоте и пыли уже вылетают ражие молодцы в глухих доспехах на огромных, закованных в сталь конях. Гудит мутным кругом чья-то булава, вынося степняка из седла.

И ты стоишь, и все тело воет от боли, и всадники в синем с удивленной опаской поглядывают на тебя, и со стороны крома уже грохочет слитным топотом подходящий отряд. И седосый воин в синем подъезжает к тебе, спешивается и, сняв с себя синий халат, молча набрасывает тебе на плечи. Взлетает в седло, выдергивает меч и звонко бьет им в небольшой железный щит, остальные следуют его примеру. Странные такие аплодисменты. А к тебе подходит гнедой и, поглядывая с недоуменной опаской «Совсем плохой стал, хозяин?», ласково тычется мягкой мордой в ладонь, в которой уже нет меча. Ты с трудом вскидываешь избитое тело в седло. Негоже пешим встречать конных.

* * *

Пришел я в себя уже ближе к обеду, подъезжая к лагерю, жутко болела голова. Я слез с коня и подошел к костру, где Тивас увлеченно читал какую-то ветхую книгу и пил чернючий кофе. Он поднял голову, и в глазах его засветилось удивление.

– Что это на тебе?

А на мне поверх моей верной одежды был надет ярко-синий халат с серебряным шитьем.

– Ой, отстаньте, дяденька, без вас худо, – хлопаюсь я у костра.

– Худо?

– Еще как.

– Будем лечить.

Быстро стянув с меня кафтан, Тивас начинает мять шею и плечи. Не руки – клещи. Больно так, что словами не передать. Но постепенно боли становится все меньше. Она тает, тает...

– Что это было, Тивас?

– А, это. Это такая развлекуха для сильно богатых. У вас там еще подобной аппаратуры нет. Но это недолго. Полное ощущение присутствия. Здорово, а?

– Да уж. Здорово.

– Бой Жардавара Ублюдка со степными. Жардавар героически погиб, но дал возможность собраться остальным и побить врага. С большим интересом и, можно сказать, с удовольствием смотрел я на твое геройствование, – продолжил он месить мой избитый организм.

– Постой, как это погиб? Я-то вроде как победил. Хотя абсолютно не понимаю, как это у меня так получилось. Ты меня такому не учил.

– Сам не понимаю. Тебя должно было выбить за доли секунды до смерти. До того самого рокового удара герданом. А ты выжил. Ты помнишь, как слетел с коня?

– Да все я помню.

– А повторить сможешь?

Я промолчал.

– Сомневаюсь.

– А как рубился, помнишь?

– Да, сказал же.

Тивас замолк, сосредоточенно посапывая.

– Дело в том, что в тебе сейчас за разного рода боевые мероприятия отвечает скорее психоматрица Саина, ну и, конечно, твои собственные боевые навыки.

Он опять замолк. Пересел. Раскурил трубку. Я молчал, ожидая продолжения. Окутавшись облаком дыма, Тивас заговорил.

– То, что ты вытворял там... Саин так не умеет. Это в какой-то степени напоминает умения Хушшар, но лучше, гораздо лучше. Мне со стороны было хорошо видно. Все, что ты делал, было естественно. Ты даже не напрягался, не задумывался. Действовал, как дышал. Легко. Я заметил момент, когда у тебя замялся гнедой. По условиям этой игрушки ты или должен был пользоваться тем оружием, что уже было, или должен был придумать сам. Оружие Жардавара тебе не пошло. И ты загнал его в подкорку. Вывел оружие Саина, но бился им по-другому. Я даже не могу тебе объяснить – как. Я могу допустить, и мне, скорее всего, придется это сделать, что это твоя родовая память.

Скорее всего, кто-то из твоих предков настолько ненавидел степняков, что вырвался из ее глубин. Но тогда откуда он знает, как пользоваться этим оружием?

– Ты, Тивас, здесь совсем закалился. Это у вас тут каждый может совершенствоваться в одном лишь умении. А у нас чтобы выжить – покрутиться надо было, – поучительно качнул я пальчиком.

– Ты, парень, – жертва технологической революции. Пойми, ты бился на уровне магистра каждым оружием.

До меня нежно стали доходить пределы моего нынешнего величия.

– Если сравнить, как ты двигался там и как это все у тебя получается здесь... – Он досадливо махнул рукой.

– Движения ни на секунду не прекращались. Они были органичны. Естественны. Ты когда работаешь мечом – иногда прямо плакать хочется. Хотелось, – поправился он. – А как ты едешь верхом.

– Не нуди, – буркнул я, вставая. И свистом подозвал коня. Осекся. Дело в том, что я не умею делать две вещи. Причем, наверное, те две вещи, которые для любого мальчишки просты, как день и ночь. Я не умею ездить на велосипеде и свистеть. Но я свистом подозвал коня. Как всегда с опаской подошел к нему, примеряясь и почему-то не обратив внимания на отсутствие седла, легко вбросил свои полтора центнера ему на спину. У гнедого характер был не из лучших, и обычно он норовил цапнуть меня за колено. Приходилось отбиваться.

Теперь же он легко пошел с места, и мне было совсем не трудно удерживаться на нем без стремян и без уздечки. Потрясающее ощущение единства. Это как же я мешал ему раньше!

Слегка двинув коленями, я послал коня в легкий галоп и, что удивительно, смог удержаться. Скачка действительно может доставлять удовольствие. Гнедой послушался шлепка по шее и вернулся в лагерь.

Тивас так и не встал с земли.

– Так я ехал?

Он кивнул.

– Знаешь, Саин, а ведь я никогда не задумывался об обучающем эффекте этих игр. Теперь благодаря тебе задумуюсь. Да, определенно задумуюсь, – помолчал. Дымнул трубкой. – А мечами покрутить? Сможешь?

– После вашего, дяденька, массажа – легко.

Нагнулся. И меч, зашипев встревоженной змеей, влип в ладонь. Завертелся в розочках, замелькал в восьмистороннем замахе. Легко. Меч не сопротивлялся, как обычно, а, казалось, сам вел руку, раскручиваясь все быстрее, взывая в атаках, потом крутанулся вокруг кисти и легко скользнул в ножны.

– Вот, дяденька Тивас, вам яркий пример перехода количества в качество, – прокомментировал я свои действия.

– Да нет. Это что-то другое. Совсем другое. Определенно стоит задуматься. А не поставить ли тебе, почтенный Магистр, пару фантомов?

- А почему нет?
- Только не надо обряжаться в доспех, – опередил он мое намерение влезть в одежду.
- Да пожалуйста, – буркнул я, отходя на пару шагов. И не становясь в позицию, сообщил:
– Готов!

На этот раз Тивас припас что-то новенькое. Напротив меня стоял высокий поджарый дядька в глухом шлеме, облитый длинным чешуйчатым доспехом, из-под которого виднелись прокованные сталью голенища сапог. В спрятанных в шипастые рукавицы ладонях он держал два длинных лучеобразных меча. Одним прыжком он сорвал расстояние и атаковал. Какая это была атака! Песня, а не атака. Но я вместо того, чтобы взвыть от боли, долженствующей последовать за воспетой мною атакой, как-то даже не торопясь, повернулся боком, меч несильно шлепнул по гардам клинков, сбивая ритм атаки, уперся торцом рукояти в левую ладонь, нырнул под шлем и, с легким скрежетом пробив хаубек, остановился. Я шагнул назад, разрывая дистанцию, и дядька с немзыкальным лязгом упал навзничь.

– Кто это был? – спросил я, не оборачиваясь.

– Иди-ка сюда и садись. Уроков больше не будет. А был это хасангар Зала Непобедимый. Полк Серебряные Коты. В него набирают со всей Империи лучших из лучших. А этот, как ты уже слышал, Непобедимый. Вернее был непобедимым. А ты его взял. У Саина бы это вряд ли получилось. Тем более таким мечом. Но ты не расслабляйся.

– А, все знаю, вождь. Надо учиться, учиться, учиться. И будет вам счастье.

– Не выпендривайся. Завтра напущу на тебя вагига.

– А что не сегодня?

– Что, не устал?

– Абсолютно.

И действительно, тело переполняла какая-то невероятная легкость. Как давно. В детстве. Организм просил работы.

– Ну ладно. Только теперь тебе лучше надеть доспех.

– Обойдусь. – Но одеваться начал.

Тивас опять замер, уставившись мне за спину. Посерел слегка. Что-то было не так. Я обернулся, переполненный уверенностью в том, что справлюсь с любым противником. И тоже замер.

ГЛАВА 9

Потому как первое, что я увидел, была привычная мне антенна на толстом трехметровом, металлически поблескивающем древке, зачем-то, наверное, для красоты, окованная широкими золотыми кольцами и усеянная, наверное, с целью удовлетворения новорусских запросов владельца, множеством золотых же нашлепок. Сама антенна была простецкая, из двух изящно сваренных металлических, зачем-то заточенных колец. Зачем заточенных? А затем, что это была секира. Какое-то время мне понадобилось на осмысление этого странного природного явления. Кому нужна секира таких размеров? Тот, кому она была нужна, стоял, небрежно возложив руку, левую руку, на описанный выше предмет, в правой же он держал тончайшей работы шлем, выполненный в форме головы дракона и достаточно доброжелательно смотрел на вашего покорного слугу.

И был он метров пяти ростом. Превосходно развитую, атлетичную фигуру, как печатка, обтягивал кожаный доспех цвета расплавленного золота, от шеи до пят покрытый странной полупрозрачной чешуей. Нечеловечески правильные черты лица освещались странным светом изумрудных глаз. Тяжелые золотые волосы были схвачены диадемой черного металла с черным же, потрясающе черным, камнем над переносьем.

– Мамочка моя! Да какой же он красивый, – вырвалось у меня. Банальщина. – Быть того не может.

Черный камень в диадеме удивленно моргнул. Одновременно с двумя потрясающими изумрудными глазами. Я был абсолютно деморализован.

– Тивас, – жалобно позвал я. – У него три глаза.

– Знаю. Ты вроде как биться с ним собирался.

– Не могу. Очень уж он красивый.

Как будто где-то вдали зазвенели хрустальные колокольчики. Далеко-далеко, тихо-тихо. Умолкли. Я не сразу понял, что так странно смеется облитый доспехом гигант.

– У тебя странный ученик, Черное Лицо, – прозвучал широкий мягкий голос, абсолютно не подходящий к воинственной внешности великана. – С вагигами отказывались биться, страшась нашей силы, нашего колдовства, нашего оружия, нашего умения, наконец. Но впервые в жизни я слышу, а прожил я куда как долго, чтобы с вагигом отказывались биться потому, что он красив.

– Ты боялся нанести ущерб красоте, человек? – спросил он меня. Именно спросил, а не спросил.

Откашлявшись, я ответил:

– Это может показаться смешным, вагиг, но я отвечу – да.

Вагиг замолчал, изумленно рассматривая меня своими разноцветными глазами. Затем встряхнул головой.

– Я сложу об этом песню. Да. Я сложу об этом песню. Как имя твое, человек?

– А как твое, вагиг?

Он опять удивленно глянул на меня.

– Не скажу, что ты смел, но скажу – нахален. – Он изучающе уставился на меня. Его черный глаз подернулся странной дымкой. – Нет, скажу, ты – бесстрашен, но неучтив. Или ты гость в этом мире?

– Он – гость, – вмешался Тивас.

– Но это не извиняет тебя, человек. Незнание не оправдывает, – выдал он вдруг латинскую сентенцию. – Знай, как с кем говорить, и многого ты добьешься, не обнажая меча.

– Благодарю за совет.

– Ты продолжаешь изумлять меня, человек. Вы не любите слушать советы. Но хорошо, скажу, хоть вы люди и не любите наших имен. Я скажу тебе, но знай, чужак, они кажутся твоим собратьям излишне длинными. Твои собратья зовут меня Хуры’тн. Мои же называют Рагсом Рбасау’га.

– Меня зовут Саин, сын Фаразонда.

– Опять мне странно. Я знал твоего отца, но о сыне его я слышал разное. И солгу, если скажу, что хорошего было больше. Но тот, о ком я слышал, и тот, кто стоит передо мной – не один человек. Я ведь не ошибаюсь, Черное Лицо? – перевел он взгляд на Тиваса.

– Ты проникателен, как и все твои соплеменники, – изящно ответил Тивас.

– Мое удивление все растет и растет. А песня становится все более странной. Я надеюсь увидеть тебя, Саин, воочию и поговорить. Теперь же мне должно оставить вас. А ты плетешь тяжелые чары, Черное Лицо. Твое умение становится изощренным, но не изящным. Задумайся над этим, – вперил он свой разноцветный взор в Тиваса.

Тот, к удивлению моему, смешался.

– Как умею, – буркнул он в ответ.

– Ты не подумал, что воины, вызванные тобой для боя с этим учеником, до конца жизни будут мучаться кошмарным сном о своей гибели. – Он строго уставился на моего темнолицего гуру. Но миг, и выражение лица его смягчилось. – Хотя... Вдруг они задумаются, что не для боя приходит живущий в этот мир. Отнюдь не для боя. Но хватит. Мне все труднее оставаться в этом сне. Запомни, Черное Лицо, чары твои не для вагигов. Ты чересчур молод. Но я благодарен. Вдвоем вы принесли мне удовольствие, и не в моем обычае не отметить встречу подарком. – Он стянул с руки перчатку и снял с пальца перстень ярко-белого металла с камнем цвета морской волны и протянул его на ладони Тивасу. Удивительно. Ладонь была размеров исполинских, а перстень, только что снятый с изящного, но толщиной в древко лопаты, пальца, было совершенно нормального размера.

– Тебе же, странный человек Саин, я подарю вот это, – и, сунув руку за спину, протянул мне ярко-синий камень на мрачной черной цепи. – По этому камню любой вагиг узнает, что с тобой любопытно разговаривать. Носи его. Теперь – прощайте.

И исчез.

Какое-то время мы молчали. Не поворачивая головы, я спросил:

– Вот это вот – вагиг?

– Да, – очень негромко ответил мой обычно амбициозный спутник.

– Ты хоть изредка предупреждать можешь?

– О чем?

– Да вот об этом, – рассерженно прошипел я.

– Что, щелкнуло по носу?

– Еще как, – нехотя признался героичный Саин, сын Фаразонда, еще совсем недавно сугубо убежденный в своей героичности и непобедимости.

– Меня тоже. И вообще, похоже, нам обоим здорово утерли нос. Извини уж.

– Извиняю.

– Пойдем-ка, выпьем кофе и покурим.

– Пойдем, – уныло согласился я.

За чаем меня просветили.

– Вагиги могли бы владеть этим миром. Он просто им не нужен, как бы поточнее сказать, в собственность. И так хорошо. Власть как таковая их не интересует даже в принципе. Жутчайшие индивидуалисты. Живут по одному. И живут если не вечно, то очень долго. Они недосыгаемы в своих неприступных замках. Да и если бы ты видел, где они строят эти замки. Они мудры, но крайне неохотно делятся своей мудростью. – Тивас отхлебнул кофе. – И в то же время очень любят поболтать с нашими мудрецами. А когда те начинают пытаться зада-

вать вопросы, очень удивляются, разве не сказали все, расспрашивая. Недостигаемые, непонятные существа. Порой чужие, порой близкие. Могут вылечить безнадежно больного, взять под защиту деревню! А могут просто так сжечь город или перебить караван. Просто так.

– В каждом народе есть хорошие. Есть и плохие, – выдал я национальную мудрость.

Тивас посмотрел на меня как на недоумка.

– Трактат «О сущности боли человека и многих способах ее причинения», от которого тебя чуть не вывернуло, и сборник сонетов «Семечко барбариса», над которым ты, как юная девица, распустил сопли, написал вагиг по имени Шау Хохы Бадын.

И я тоже посмотрел на себя как на недоумка. Когда-то давно, в период разгула демократии у нас печатали все, что угодно. Этот период как раз выпал на время моей истерической заинтересованности полумифическим орденом «Серый Ангел». Он вроде как невероятно эффективно умудрялся противостоять сотрудникам товарища святого *Ллойо* и соответственно инквизиции во всех ее многочисленных проявлениях. Скорее всего, ни к архивам Ватикана, ни, что более обидно, к библиотекам нашей родной Православной церкви меня не подпустили бы и на пушечный выстрел. Так что работа с первоисточниками отпадала, и я, с привычным советским людям энтузиазмом, стал лопатить то, что было. А было по этой теме совсем не так уж много. Естественно, наши родные авторы матерно критиковали инквизицию и заодно верных псов католицизма, иезуитов. Уже тогда мне в голову закралась крамольная мысль, что инквизиция – нечто иное тому, что нам рассказывают, что это добрая страшилка, которая скрывает другую, настоящую правду о какой-то очень плохой, но тщательно скрываемой войне. Как-то уж это просто для невероятно просвещенного католицизма перефигачить такое море своей потенциальной паствы. Как всякий исконно советский человек я знал, что официоз откровенен до конца не бывает.

Так вот, именно тогда я прикупил с рук «Молот ведьм», и самое смешное, что в тот момент я был уверен, что покупаю забойный триллер. Тем более что обложка была украшена какой-то слегка одетой фигуристой дамой. Каюсь, но во многом именно эта дама и стала причиной покупки. Когда я пришел домой и, сотворив группу бутербродов, решил совместить приятное с более приятным, у меня ничего не вышло. Страшная книга. Ненавистью страшная.

А упомянутый трактат был страшен отстраненностью и каким-то детским любопытством. И множеством новаций, привносимых в базовую технику. И потрясающими по художественному исполнению иллюстрациями. И такими же атласами по иглоукальванию. Болевому. И потрясающе, но уже с точки зрения инженерной, остроумными, пыточными агрегатами. Эта книга вызвала рвотный рефлекс именно своим нечеловеческим отношением к человеку.

И «Семечко барбариса». Потрясающие стихи. О любви. Бездна нежности. Бездна любви. Ко всему существу. Когда я прочел первые несколько сонетов, то обнаружил, что лицо мое мокро от слез. По словам Тиваса, это естественная реакция любого человека. И его в том числе.

– Для вагига главное – новые ощущения. А каковы они – это значения не имеет. У них не одна сущность. Сотни.

Они могут часами вести философские диспуты, лечить безнадежно больных и спорить о методах гравировки по металлу и тонкостях его закалки в телах людей разных возрастов. Но при этом они не Зло. Они нечто вне Добра и Зла. Обреченные на вечность, они подобны стихиям. Но бывают человечнее людей.

– А убить их можно?

– Можно. Очень трудно. Но можно. Я ведь не зря учил тебя бросаться на деревья с мечом. Вот только так и можно. Их может сгубить магия. Они могут умереть от горя. Да-да, ты не ослышался. От горя. Их может убить яд. Но, и это самое важное, с ними можно договориться.

Вагиги уже давно поняли, что с людьми лучше договариваться. Им, может быть, и любопытно исследовать одного или убить десяток, но они знают, что смертны. А люди. Люди неистовы в достижении своих целей. Многие сотни лет вагиги предпочитают договариваться.

Они могут порой вдрызг разругаться с лордом, но с сюзереном – никогда. Хотя бы потому, что жуткие индивидуалисты, они могут еще собраться для диспута о каком-либо философском понятии, для научного спора, но никогда никто из них не признает правоту другого. Ни словом, ни действием. Может быть, потом, в своей высокогорной твердыне. Наедине с собой. Признать же чье-либо превосходство... Я даже не говорю о главенстве. Превосходство. Это даже не против их природы. Это вообще в какой-то другой плоскости понятий.

Нет никого, кто в одиночку бы выстоял против многих. А выстояв против многих, не выстоит против множества. А выстояв против множества, не устоит перед великим множеством. Если же устоит, то недолгой будет его победа.

Вагиги это понимают. И предпочитают дружить с сильными. И порой обмениваются с ними. Словом. И давши такое слово, очень крепко его держат. Но берегись, если проявишь невнимательность. Мало какой сутяга может сравниться с вагигом в изворотливости. Слушай, что говоришь, и думай, что говорят тебе.

ГЛАВА 10

Но еще через пару дней Тивас наконец решил, что мои воинские таланты достигли необходимых кондиций, и сообщил, что пора выдвигаться.

И наутро мы выступили. Это действительно огромное удовольствие скакать по весенней степи. В смысле скакать верхом, а не как тот Иван-царевич, у которого отобрали скакалку. Самое главное в моем случае, как вбивал в мое сознание Сергей Идонгович, было не задумываться. Потому что стоило мне задуматься о том, как это я хорошо еду, сознание резко пугалось, а носитель его перепуганно сдвигал колени, стараясь удержаться на скользкой и не в меру подвижной спине. Конь, естественно, воспринимал инстинктивное движение как критику в свой адрес на тему неторопливости движений и, как истинный друг человека, стараясь искоренить указанные недостатки, срывался в галоп. Пару раз я успешно грохнулся. Ох и содрогнулась мать – сыра земля.

Поэтому мне приходилось думать об отвлеченном или пытаться Тиваса по поводу местных обычаев и традиций, каковых, как вы понимаете, было множество.

Ехали мы по целине, так как дороги не было. Аккуратно объезжая многочисленные рощицы, встречающиеся на нашем пути.

Разок за нами было погнались какие-то люмпенизированные личности, но, как я уже говорил, Тивас оказался знатным лошадиником, и скакуны наши, слегка взбодренные шенкелями, легко оставили позади лохматых скандалистов.

Лесостепь постепенно кончилась, и мы уже ехали по саванне, украшенной курганами явно искусственного происхождения, каждый из которых венчала корона из огромных, ярко блестящих в солнечном свете, белоснежных камней. Крепко вбитые в землю, они образовывали эдакие небольшие крепости на каждой вершине. Когда я поделился своими соображениями с Тивасом, он сразу взялся за ликвидацию пробелов в моем образовании.

– Это Обитель Павших. Место захоронения Владык Степи. Степные называют их Отцами Коней. Здесь мы в относительной безопасности. Степные никогда не бьются в обители, а чужих и дикое зверье гонит отсюда древняя магия.

– Ну а мы здесь как едем? Мы ведь чужие.

– Ты опять забыл, кто я.

Действительно, все время забывалось, что со мной путешествует не просто обычный дядька, а Маг и Колдун.

Причем Великий. В общем-то в подтверждение своих званий он никаких действий не предпринимал. Разве что костер у нас разгорался сам собой, а так, в общем-то, нет.

– Хочешь ощутить? Пожалуйста.

Ничего не произошло. Так же светило солнце, так же шелестела высокая трава, но вдруг стало весьма неуютно. Одновременно хотелось рыдать и мчаться отсюда как можно дальше. И при этом чернейшая меланхолия ухватила нежной рукой за сердце.

– Ощутил. Больше не надо.

И все прошло. Почти сразу, лишь черная тоска никак не хотела отпускать зубы, но тоже развеялась, согретая теплым солнышком.

– Круто, – оценил я ощущения. – Сергей Идонгович, что-то не обнаружил я в твоём волшебном сундучке упоминаний о таких вот местах. Просвети убогого.

– С удовольствием.

Вообще мой нынешний соратник оказался приятнейшим собеседником. Интеллигентным таким доцентом, когда не орал на меня на тренировках. Орал невоспитанно. Как выяснилось, сознание будил.

Бывают, знаете ли, такие, приятные преподы. Пожившие, повидавшие, любители охоты, хороших машин и прочих всяких мужских развлечений. Эдакие джентльмены. А что надо, чтобы быть джентльменом? Правильно. Надо окончить Кембридж. С одним небольшим дополнением. Надо, чтобы его закончил дедушка. Так вот, у Тиваса, похоже, сходное учебное заведение окончил значительно более ранний предок. И вообще у меня складывалось ощущение, что он приятно расслаблялся в моем обществе, не скованный требованиями жесткой средневековой морали.

– Империя как таковая, – начал между тем Тивас, – образовалась две сотни с малым лет назад. А до этого на ее месте находилось множество малых государств. Активно друг с другом враждовавших. И хотя язык людей, населявших эти страны, был один, резали они друг друга похлеще, чем чужаков.

С юга над ними нависала Степь. Мощное, богатое людьми и магией государственное образование. В те времена мало было стран, не славших дары Отцу Коней.

– Это их император?

– Не только. Отец Коней объединяет власть светскую, духовную и магическую. И в те давние времена был он весьма силен. Весьма, – хмыкнул он. – Равных ему не было. Ни один владыка не мог быть уверен, что наутро под стенами его крепости не загарцуют барласы Отца Коней, чтобы утащить его на веревке в Степь. Откуда возврата уже не было.

– Ух ты, – восхитился я. – Ели они их там, что ли?

– Почти. В жертву приносили.

– Кому?

– Отцу Коней.

– Вот же злобный старичок.

– Раз в день на жертвенник возлагалось сердце воина, а в дни праздников десятки и сотни дымящихся сердец. Считалось, что Отец Коней питается силой павших героев. Но мне думается, что он вульгарно выбивал руководящие кадры, людей, которые могут повести за собой народ. И продолжалось это не одну сотню лет.

– Грустная история.

– Да уж. Веками вели в Масхат, обитель магов Степи, колонны пленных, долженствующих украсить своими сердцами жертвенники этой обители страха.

Но, как всегда, нашелся герой. Хотя героем этого человека назвать трудно. Да и человеком тоже.

Мать его была из рода вагигов. Никто не знал, какая блажь заставила ее зачать ребенка от человека. Наверное, вечное любопытство этих странных созданий. Да и имя отца его неизвестно. Но коварство, жестокость и страшная целеустремленность этого... – Тивас замялся, не умея подобрать нужное слово. – Имя его было Лихобор.

– Надо же, тезка основателя династии Блистательного Дома.

– Не тезка. Это он и есть.

– Как трогательно.

– Об этом человеке нельзя говорить однозначно. Он появился из ниоткуда в армии Степи. Очень быстро возвысился благодаря своей невероятной силе, потрясающему уму и пугающей даже привычных к излишествам магов жестокости. Даже не жестокости – отстраненности, так свойственной вагигам. Талантов он был невероятных.

Тогда на границе Степи и земель господарей селилось много беженцев. Вольная, хотя опасная, жизнь была им ближе, чем жизнь под постоянной угрозой разорения и продажи в рабство. Степные могли приехать покуражиться, но никогда не отбирали все, как это могли сделать господари.

Лихобор объединил их и сколотил армию. У Владыки Степи не было более верной и лютой армии, чем армия Хушшар – Сухой Головы, как стали называть Лихобора, который

своим знаком выбрал пику с надетым на нее черепом Армафазда, упорнейшего и сильнейшего врага Отца Коней. Лютая это была армия, по первому приказу Повелителя Степи готовая броситься вперед, туда, куда укажет царственный перст. Лихобор был мудр, и армия его сильно отличалась от воинства Отца коней. Степняки, гордые наездники, презрительно относились к бьющимся пешими. Хушшар же понял силу пехоты и не давал ни ей, ни своим верховым засиживаться без дела. Снова и снова бросал он своих воинов, и ветеранов, и неопитов, туда, на Север, откуда они бежали от гнета господарей. И рушились гордые замки, и потомки древних родов плелись на веревках за степными конями, чтобы бросить свое сердце к подножию Отца Коней. И возлюбленным сыном назвал он Лихобора за то, что переломил он гордость господарей, многие годы откупавшихся данью, а теперь ставших прахом под копытами степной конницы.

И перестал смотреть Отец Коней на непокорный Север, обратив свой жадный взор на жирный богатый Юг. А на Севере копилась сила, которая должна была обрушиться на Юг, переламывая упорство крепостей яростью пехоты, которой до сих пор не было у Степи. Сила Лихобора росла.

А Владыка Степи вдруг сделал неожиданное. То, чего никто от него не ожидал, но то, на что давно надеялся Хушшар, и к чему также давно его подталкивал. Отец Коней решил бросить на жертвенник сердце вагига.

Верные тургауды обманом выманили одного из этого племени, схватили его и доставили в Масхат.

Вагиги – страшные индивидуалисты. Но факт того, что один из них не просто схвачен, но и должен быть принесен в жертву, привел этих равнодушных великанов в ярость. И в земли Владыки Степей с разных сторон ворвались сотни, если не тысячи, великанов. Кто в своем облике, а кто в облике дракона-прародителя, но, несмотря на облик, равно сеющих смерть и разрушение. Ни одна армия не могла устоять перед неистовством почти неуязвимых воителей. Никогда ни один враг не оказывался так опасен для Степи. И скоро у Масхата появилась армия Севера. Отец Коней справедливо рассудил, что армия, умеющая брать крепости, сумеет ее и сохранить.

Северяне вошли в город, но даже изощренные в коварстве Маги не ожидали, что они войдут как мстители. Сполна заплатил Север Степи за столетия гнета. Сполна. Разграбив Масхат, северяне ушли. А вагиги, получив от Лихобора освобожденного собрата, разрушили город до основания.

Как я уже говорил, Хушшар был мудр и дал возможность уйти Отцу Коней. Но через несколько дней его войско догнали тургауды нового Повелителя Степи и передали ему памятную чашу с головой его приемного отца. Через месяц Хушшар вторично ударил в Степь. Страшно ударил. Теперь ставка Отца Коней в месяцах пути отсюда.

Вернувшись, Лихобор провозгласил себя императором, поставив на места господарей своих соратников, а своим конным воинам подарил земли, назвав их землями Хушшар и обязав их присягать ему лично.

Он вывез всю библиотеку магов Степи и схоронил ее неизвестно где. А там вся магия. Лечебная, военная, погодная. Вся. Все умение степных Магов. И восполнить эти данные уже никто никогда не сможет. Ведь магов он уничтожил в первую очередь. И теперь в Степи много непонятного и недоступного. И надо бы со всем разобраться. Но, как видишь, совсем нет времени, – шутливо развел он руками.

– Н-да, деятельный мужчина. Ну а дальше?

– Дальше? Через двадцать лет Император Лихобор назначил наследника, оставил трон и исчез. А предварительно одарил своих тургаудов оружием, делающим их почти непобедимыми.

– Что за оружие?

– Луки.

– Луки?

– Да. Сколько ни пытались сделать луки другие, ничего никогда не получалось. Выходят какие-то слабые подобия, не имеющие боевого значения. В основном люди предпочитают метать рукой ножи, копыя, дротики, гири. Но, как ты понимаешь, с луком это не сравнить.

– И кто у нас здесь монополисты?

– Хушшар и Зеленая Лига.

– Ну а они за нас?

– Скоро узнаем, – фаталистично ответил Тивас.

* * *

За этой поучительной беседой мы миновали район курганов и углубились в саванну. Живности здесь было море, как в национальном парке Серенгети. Мы ехали буквально среди толп животных, хотя не знаю, приложимо ли к ним это слово. Рогатые и безрогие, парнокопытные и просто копытные, но все с какими-то шипами, гребнями, колючками. Очень угрожающая живность. Похоже, эволюция здесь особо не торопилась.

От греха подальше мы объезжали самые крупные стада, но частенько нам уступали дорогу. Несколько раз дорогу пересекали какие-то страннообразные животные, путешествующие в одиночку.

– Гиршу, – определил их Тивас и сообщил, что со зверем этим лучше не скандалить.

Разок мы увидели смешных таких котят, лохматых, игривых, с теленка ростом. Смеяться расхотелось, когда я увидел, как один из этих котят, играясь, прыгнул с места метров на десять. И совсем погрустнело, когда наткнулись на следы. Когти сантиметров пятнадцать.

– Степные отики, – представил их экскурсовод.

А потом какая-то черная пантера, но очень длинноногая, с тяжелой, как отливка, головой, одним прыжком взлетев на родственника слона ростом с двухэтажный дом, одним ударом лапы вспорола ему голову и, огласив окрестности громоподобным ревом, принялась за ужин.

* * *

Поэтому я с пониманием отнесся к серьезным мерам, предпринятым Тивасом по обустройству нашего лагеря.

Сначала он вбил в землю длинные железные палки, накрепко привязав к ним коней, и окружил лагерь широкой полосой алого порошка.

– Одежду не снимай и лучше на ночь надень шлем, – пропел он мне колыбельную. – И вообще после заката лучше не спать. Поспи лучше сейчас. Ночью может быть весело.

Казалось, только закрыл глаза, как меня уже растолкали. Я открыл глаза и поспешил их закрыть. Потому что зрелище, которое открылось, было для людей с мощной нервной системой. В то время как моя была слегка поколеблена неожиданными событиями. Такая рожа! Вся антрацитно-черная, но змеиная. Все как положено: клыки белые, глаза красные. Не пугайтесь, это мой шлем. Его Тивас в целях скорейшего пробуждения мне под нос сунул. Очень бодрит. У этого моего шлема такая рожа, что страшненькие монгольские божки со всеми клыками, черепами, выпученными глазками рядом с ним просто детский садик «Ромашка» на прогулке. Причем ясельная группа.

Я пытался объяснить Тивасу, что хорошие парни (а я ведь хороший) такой кошмар на голове носить не будут, за что получил веселую отповедь на тему того, что шлем, как и доспех, сделан подземными рудокопами тоже из шкуры огнистого змея, вернее, из его черепа по неизвестной ему технологии и соответственно протыканию и прорубанию не поддается. А потому

молчите, дорогой герой, в тряпочку и гордитесь неуязвимостью своих одеяний. На замечание, что стоило бы указанной роже добавить толику дружелюбности, Сергей Идонгович трезво заметил, что ухмыляющийся огнистый зверь – это все-таки перебор даже для такого хорошего парня, как я.

А солнце уже село, и нас окружила бархатная ночь, мрачные тени которой оттенял рассеянный, но достаточно ясный свет огромной луны.

– Сядь спиной к костру. Через линию не переходи ни при каких условиях. Съедят, – проинструктировал меня духовный лидер.

– Даже в одежке? – ужаснулся я.

– Хорошо, не съедят, но пожуют неплохо, – утешили меня бедного.

В рассеянном свете видно было множество силуэтов, активно перемещающихся по территории. Загадочно вспыхивали парные огоньки диких глаз. Кто-то за кем-то гнался. Кого-то уже ели.

Скоро гости посетили и нас. Группа собакообразных тварей, достаточно крупных, богато украшенных в наиболее уязвимых местах костяной броней, целеустремленно выкатили из темноты и встала полукругом. Животные поглядывали на нас с ярко выраженным кулинарным интересом. Затем один из них, очевидно, вожак, вытянул свою украшенную костяными накладками морду в нашем направлении, но когда его фейс дотянулся до окружающей лагерь полосы, резко отшатнулся назад. Негромко взвизгнув и присев на круп, стал усиленно тереть лапой нос. Как я понял, неуверенность в достижении целей в этой отдельно взятой стае не приветствовалась, как, впрочем, и потеря бдительности. Сидящий справа от вожака пес метнулся вперед в резком ударе. Но богато усаженные зубами челюсти с громким щелчком схватили лишь воздух, а вожак, подтверждая тезис о том, что у лидеров самая быстрая реакция, всадил свои клыки в открывшийся при ударе загривок претендента на руководящую должность. Он воздел себя на задние ноги, упершись передними в бок восставшего, и страшным рывком оторвал ему полшеи. Фонтаном хлынула кровь, и прежде чем неудачливый революционер успел подумать, что неплохо было бы посетить ветеринара, поболтать о том о сем, выписать пару средств от блох, как тело его повалили на землю и, нетерпеливо повизгивая, сожрали. А душа (не знаю, есть ли души у местных собак в костяных панцирях), наверное, вознеслась в местный собачий рай, поскольку носитель ее погиб в битве, или низверглась в ад, потому как выступил он против действующей власти и управления, что обычно вседержителями не приветствуется.

Трапеза была закончена в рекордно короткие сроки. Любой прапорщик, взглянув на секундомер, был бы очень доволен проявленной расторопностью. От покусителя на порядок осталось лишь небольшое темное пятно на траве.

Вожак, облизав окровавленную физиономию, глянул на нас вроде даже с благодарностью. Как же, и ужином обеспечили, и оппозицию на неподготовленную акцию спровоцировали. Коротким рыком он погнал стаю навстречу новым свершениям и все же недовольно посмотрел на неприятную полосу. В глубине души он все же подозревал, что мы и наши кони несомненно представляли гораздо больший кулинарный интерес нежели погибший диссидент, но, не желая еще раз испытывать единство рядов, зверь неторопливо потрусил в темноту.

– Это волчаки, – просветил меня Тивас.

Оказывается, у нас был такой своеобразный культпоход в зоопарк.

Какое-то время мы ни у кого не вызвали повышенного интереса, однако вскоре земля стала методично вздрагивать.

– Сиди и не шевелись, – проинструктировали меня. – Идет саугпыл.

То, что этот зверь идет в нам, было очень заметно по сотрясениям почвы. А потом он пришел. Этакий косматый слон, ростом с двухэтажный дом. За его бивни любой охотник за этими монументальными трофеями немедленно продал бы родину.

Создание с труднопроизносимым именем постояло, посмотрело на нас, на костер и, не предприняв никаких агрессивных действий, повернулось, обдав нас ароматом давно не мытой зверятины, и ушло по своим слонячьим делам.

Я шумно выдохнул. Оказывается, пока эта гора стояла рядом, процесс вентиляции легких мною был проигнорирован. Не дышалось.

Рядом шумно выдохнул Тивас.

– Удачно получилось. Если бы этот зверь рассердился, боюсь, наша полоса бы его не сдержала.

А потом к полосе подошел лось. Симпатичный такой, хотя и с шипастым костяным воротником вокруг шеи. Как его в степь занесло, я не знаю. Какое-то время он достаточно доброжелательно разглядывал нас, а потом, видно, решил познакомиться поближе и поднял копыто, дотоле укрытое травой. Оно раскрылось на несколько острых костяных сегментов. Угрожающее такое украшение. Однако конечность не смогла преодолеть охранительную линию, как ни пихал ее вперед этот степной великан. Тогда он прыжком развернулся и молниеносно ударил задними ногами. Эффект его действие вызвало неожиданный. Привыкший сметать врагов этим страшным ударом он, похоже, не очень крепко оперся на передние ножки, а поскольку «всякое действие рождает равное ему по силе противодействие», то лось, получив столь добрую плюху пониже хвоста, совсем неизящно совершил весьма неуклюжий кувырок и исчез во тьме.

Вернулся он очень скоро и уже абсолютно не столь добродушный, как раньше. Напротив, животное было в состоянии глубокого возбуждения, или, как говорят юристы, сильного душевного волнения. Демонстрируя свое возмущение, скотинка открыла пасть и заревела. Мама дорогая! Зубы у этого травоядного были острые, как у акулы, и расположены в два ряда.

Тивас подтянул к себе свой многоцелевой посох, и я было подумал, что скандальное копытное закончит свои дни в нашем котелке, однако местная фауна рассудила иначе.

Из темноты показалась троица тощих, несолидно поджарых медведей, при этом изможденными они не выглядели и шествовали не торопясь. По-хозяйски. Движения их были полны скрытой мощи, готовой прорваться яростным взрывом.

Мишки нас проигнорировали, сосредоточив все внимание на копытном скандалисте. А вот ему появление группы Топтыгиных не понравилось совсем, о чем он и сообщил громовым раскатом рыка, агрессивным размахиванием головой, наставлением рогов и демонстрацией клыков.

Угрозы на медведей не произвели никакого впечатления, и они целеустремленно начали окружение своего позднего, вредного для здоровья, ужина. Однако лось ужином быть не хотел и, закончив с психологической обработкой, наклонил голову. И шустро атаковал центрального Топтыгина. Тот легко уклонился с линии атаки и неторопливо так треснул рогатого по украшенному костью загривку. Я грешным делом подумал, что тут ему и конец придет. Но только не тут-то было. Лось оказался опытным турнирным бойцом и, слегка повернутый медвежьей оплеухой, хлестанул сдвоенным ударом задних ног по правому нападающему, отчего того унесло в темноту. Но на этом успехи лося завершились, потому что третий из медведей, самый глыбистый, легко поднялся на задние лапы и тяжелой своей дланью вlepил ему промеж рогов. Разделся громкий влажный хруст. Лось мягко шлепнулся на колени и, постояв, медленно завалился на бок. Центральный нападающий, тот, что пресек попытку побега, неожиданно взмахнул лапой, из которой вдруг выщелкнулось костяное лезвие, зазубренное, как у богомола, и одним ударом вспорол несчастному псевдотравоядному требуху. Из темноты, припадая на лапу, приплелся нокаутированный и немедленно вгрызся в дымящиеся внутренности.

А вот глыбистый наконец обратил свое высокое внимание на нас. Оценив прелести наших лошадей, Топтыгин решил, что их надо съесть. Негромким рыком он отвлек своих соучастников от трапезы. И нехороший блеск в их глазах дал нам повод догадаться, что намек они

восприняли и осознали, а вязкие сосульки слюны указывали, что наестся они не успели. На этот раз роль центрального нападающего играл глыбистый. Он не был философом, этот мощнотелый парень. Нет, он был вульгарным эмпириком и, сунувшись буром за запретительную черту, сразу получил по носу. Медведь уселся на задницу. Однако растерянность длилась очень недолго, и, воздев себя на ноги, он люто взревел. Эти регулярно повторяющиеся истерики вывели меня из равновесия, и я громко выругался, однако не учел резонансных талантов выданного шлема. Мои скромные матюги разлились в тишине ночи звуком, не поддающимся описанию. Медведь был удивлен и опять зарычал, но уже без прежнего энтузиазма. Я, вдохновленный результатом, матюгнулся громче. Медведь уселся на зад вторично. Удивленные соратнички быстро, но с достоинством отступили за спину кумира. А глыбистый посмотрел внимательно на рожу огнистого змея, скрывающую мое одухотворенное лицо, цапнул когтями тушу поверженного лося и подтянул ее к черте. Сам, не торопясь, поднялся и подошел к туше с другой стороны.

– Тебя приглашают к трапезе, – перевел мне медвежьи телодвижения Тивас.

В это время нашу кухонную идиллию прервал еще один вопль. Вопль был странный. Так могла орать лесопилка в процессе перепиливания стального лома. При этом лесопилка должна была быть чем-то очень сердита, пьяна и нездорова психически.

Медведей вопль смутил. Они резко сбили клин и поджидали крикуна, оживленно порывивая.

– Сказано же тебе было, сиди и молчи, – заговорил Тивас, при этом щеки его слегка посерели.

Это он так побледнел.

– Это кто? – позволил я себе полюбопытствовать.

– Это – комонь. Только, пожалуйста, не вздумай вмешиваться. Орать можешь сколько угодно, но за пределами круга – ни-ни.

А вопли приближались.

– Слушай, Сергей Идонгович, а что он так орет?

– Соперника услышал. Это, знаешь ли, этакий рыцарь животного мира. Нападает только на зверя не меньше себя. Часто после боя не трогает поверженного. И вообще подраться любит.

– Что же ты беспокоишься. Мы меньше его – он нас и не тронет.

– Мы – люди. А людей не любят все. Тем более, ты проорал такой вот, с его точки зрения, вежливый вызов.

Силуэт несущегося к нам зверя уже был виден. Миг, и он ворвался в круг теплого света от костра.

Большой, со среднего коня ростом, длинноногий, с гибким телом пантеры, длинный хвост яростно хлещет по бокам, башка здоровенная и угловатая, как армейская тумбочка. Угольно-черный зверь, увидев нас, он даже как-то разочарованно мявкнул, а затем заорал на медведей. «Куда, мол, поединщика дели?». Те ответили недовольным слитным рычанием. «Не знаем, мол, ничего». Комонь рыкнул в них опять, и те, не прекращая порывивать, стали пятиться в темноту. Мне показалось или глыбистый посмотрел на меня сочувственно?

А умный зверь даже не стал пытаться преодолеть запретную линию. Мягко, по-кошачьи, прошелся вдоль нее, принохиваясь. Внезапно остановился, отбежал на несколько шагов, присел. И прыгнул. Как прыгнул! С преградой он столкнулся на высоте метров пяти. Грохнулся об нее всем телом, но не упал, а, извернувшись, мягко приземлился на лапы.

– Тивас, а как высоко заканчивается защита? – задумчиво поинтересовался я.

– Вот это-то он сейчас и пытается узнать, – спокойно так ответил Тивас.

Нажал на что-то и с концов посоха выщелкнулись два кривоватых лезвия. Он задумчиво осмотрел клинки и перевел взгляд на меня.

– Боюсь не так высоко, как хочется.

А зверюга не прекращала своих попыток и, хотя это уже казалось невозможным, с каждым прыжком взлетала все выше и выше. И вот наконец мне показалось, что одна из лап зацепилась за невидимую преграду, но призрачное тело ее не удержало веса зверя, и он опять, извернувшись, ловко приземлился на ноги.

– Доставай меч. Если победим – о нас песни сложат.

– А если не победим?

– Тогда съедят.

Перспектива меня возмутила. Я тоже не хотел быть ужином, и когда зверюга опять уставилась на меня своими алыми глазами, набрал в грудь воздуха и заорал грубости. У меня получилось! Земля задрожала от топота разбегающихся животных. А вот комонь казался совершенно счастливым. В ответ на мое приветствие он открыл свою пасть, продемонстрировал три (!) ряда зубов и так заревел, что меня чуть ветром не сдуло. А запах!

Я вытянул меч, и он яростно и тяжело заблестел в предчувствии схватки. Зверюга глянула на меня удивленно, радостно заревела и шарахнула по преграде. Воздух ощутимо заколебался.

И тут на театре предполагаемых военных действий появилось новое действующее, скажем так, лицо.

Тивас, помнится, назвал этого зверя гиршу. Это такая гиена, ростом с племенного быка, украшенная множеством костяных пластин. Наш экземпляр явно был не первый раз замужем. Рожу его оживляло несколько свежих шрамов, а костяной панцирь кем-то был умело выщерблен. С учетом того, как радостно заорал этот гиршу, увидев нашего собеседника, похоже было, что это дело рук, пардон лап, отдельно взятого представителя местной фауны, выступающего под псевдонимом комонь. Причем именно этого. Черный зверь сразу потерял к нам интерес. Новый соперник ему явно понравился больше. Издав приветственный крик, он мягко заскользил навстречу неуклюжей с виду гиене. Та тоже рваными прыжками стала сокращать дистанцию.

Очень зрелищно. Два таких трогательных гиганта. Интересно, чем они питаются?

А звери уже бросились друг на друга. Присели на крупы и стали радостно колотить по организмам передними лапами, пытаясь почувствительнее цапнуть друг друга. Костяные щепки полетели дождем. Я ожидал, что когти гиршу, оказавшиеся весьма длинными и острыми, окрасят бока комоня кровью, однако этого не случилось. Напротив, в какой-то момент гиена не сдержала бешеный напор комоня, и черный зверь тут же воспользовался промахом. Мощная голова метнулась, и в зубах затрепетал кусок вырванной плоти. Гиршу взревел и замолотил лапами с удвоенными усилиями, но превосходство комоня было явным. С хрустом ломались костяные пластины, с треском рвалась кожа, с гиршу хлестала кровь, и победа комоня казалась неизбежной.

Фортуна – большая ветреница. Из темноты один за другим темными силуэтами вылетали волчаки. И вцеплялись в правую, скрытую от нас, лапу комоня. Один отлетел, распоротый, как бурдюк, но другие заостенели в усилении. Черный зверь ринул было на них пасть, но гиршу воспользовался этим, и его жуткие челюсти мгновенно сомкнулись на плече врага. Тот вывернулся, но, скованный тяжестью, завалился на бок, открыв на секунду бок, и гиена, не растерявшись, полоснула по нему зубами. Кровь ливанула водопадом. И комонь закричал. И было в этом крике столько человеческого, что я не выдержал и под громкие критические замечания Тиваса покинул спасительный круг.

Однако черный зверь был, как выяснилось, далеко не убит. Его задние лапы, вооруженные страшными серповидными когтями, вдруг вцепились в морду гиршу, со скрежетом разорвав костяной панцирь, залили его морду кровью и отшвырнули владельца на несколько шагов. Причем так удачно, что бок его оказался прямо передо мной. Меч подхватил мою руку, и я, слабо понимая, что делаю, проорал какую-то воинственную агитку и ударил. При этом попал между костяных пластин и весом своего немаленького тела погрузил клинок на всю длину в

жесткую плоть тела. Подчиняясь то ли наитию, то ли мечу, резко повернул его, расширяя рану. И тут же воспарил, отброшенный ударом страшной костяной башки, орошенный на прощание фонтаном дурно пахнущей крови. Меня ахнуло об землю, но, вдохновленный родовой памятью, я достаточно успешно перевернулся и встал на ноги. А морду гиришу уже успешно лупцевал своим опасным посохом Тивас. Клинки весело свистели, издавая звон в моменты соприкосновения с костяными пластинами. Те поддавались. А Сергей Идонгович наступал, чтобы не дать гиришу возможности прыгнуть и раздавить его своим весом. Я напал на зверя сбоку и ударил мечом по левой лапе, хлынула кровь, гиришу расстроено заревел, и посох Тиваса, ловко изменив направление, ударил зверя в глаз. Пока он возмущался, я еще раз всадил в него меч. Теперь он уже не хотел драться. Но, похоже, и мной, и дальним потомком овладели охотничьи инстинкты. И когда зверь решил убежать, мы было двинулись за ним, но нас остановил густой тяжелый мяк, раздавшийся со спины. Прихрамывая на левую лапу, орошая траву кровью из распоротого бока, к нам приближался комонь. Я не стал его спрашивать, куда он дел собачек, просто отошел в сторону. Тивас тоже потоптал в себе великого охотника и последовал моему примеру.

Мрачно выглядел комонь. Страшно даже. Да только избитый, израненный гиришу отнюдь не собирался ни пугаться, ни тем более бежать. Как странно, от нас он, в общем-то, вроде бы ретировался, а тут воодушевлением воинственным обуялся и звук матерный издал. Только комонь сию руладу до конца дослушивать не стал. Черной молнией преодолел он разделяющее их расстояние, страшным ударом в грудь опрокинул гиришу и впился ему в глотку. Страшные мышцы вздыбились загрюк, раздался громкий треск, и комонь поднял голову к небу уже с куском глотки в зубах, фонтан крови ударил ему в грудь, судорогой дернулся кадык, проталкивая мясо в утробу, и наступившую тишину ночи прорезал страшный вопль нетрезвой сумасшедшей лесопилки. Оказывается, этим звуком зверь выражал радость.

– Может, уйдем, – предложил я Тивасу.

– Стой на месте. Круг заново отсыпать надо.

Зверюга наконец закончил распевать свою победную песню и увидел нас.

– Меч не поднимай, – негромко сказал Тивас.

Но меч и не собирался воевать. На удивление спокойный, он лениво лежал в руке, придавая странную уверенность.

Комонь одним прыжком оказался рядом с нами и, склонив голову, весьма доброжелательно уставился на нас. При этом его алые адские буркала погасли и превратились в нормальные такие зверские глаза.

Вдруг он раскрыл пасть и залепил мне забрало густой, очень качественной слюной. Но мне еще повезло, потому как на Тивасе шлема не было. Я захохотал, шлем срезонировал, и смех мой превратился в некий жутненький потусторонний звук, весьма громкий при этом. Это событие привело зверя в невероятный восторг, и в порыве энтузиазма он так меня двинул своей тумбочкообразной головой, что меня отбросило на пару метров. Но почему-то это меня совершенно не расстроило, а наоборот, жутко развеселило, и резонатор шлема в очередной раз огласил действительность радостным потусторонним звуком. И вызвал очередной всплеск восторга у комоня. Не знаю уж, какие ассоциации вызывали у него производимые мной звуки, но радость вызывали совершенно детскую. После очередной дружеской оплеухи я отлетел еще на пару метров. И тоже решив поучаствовать в развлечении, треснул ему в челюсть. Человек бы завис в глубоком нокауте, а зверю понравилось. Так вот мы какое-то время и веселились. Он швырял меня ударами головы, а я пытался достучаться до его болевых окончаний. Самое интересное, что достучался. Попал по раненому плечу и вызвал некоторое неудовольствие и даже критику, выразившиеся в легкой оплеухе, отпущенной лапой. После этого неодобрения пролетел я уже несколько большее расстояние, но тут же был успокоен новой порцией слюней.

Потом Тивас залечил ему плечо, за что был удостоен благодарности перед строем и долго стряхивал слюни с лица согнутым указательным пальцем.

Когда небо осветил первый луч солнца, наш гость засобирался домой. Легким движением головы забросил себе за спину полтуши лося и, что-то хмыкнув нам сквозь зубы на прощание, длинными прыжками умчался навстречу встающему солнцу.

Тивас вторично отсыпал заградительную полосу, развернул полог и приказал спать два часа.

ГЛАВА 11

А разбудил нас знакомый рев лесопилки. Недалеко от линии валялся наш ночной приятель. Он регулярно шлепал кого-то лапой. Кого-то маленького. А этот маленький повизгивал, как маленькая пьяная лесопилка, которая пыталась распилить маленький стальной лом.

Зверья в округе не наблюдалось. Похоже, уживчивость в число положительных качеств комоня не входила.

Мы встали и подошли к линии. Черная зверюга игралась с точно такой же, но значительно меньших размеров, с трехмесячного щенка ростом. Но нравом он явно был в того, что побольше. Яростно верещал и норовил цапнуть старшего товарища за лапу. Увидев нас, комонь неуловимым движением взлетел на ноги и ткнул в невидимую преграду мордой. Я решительно переступил линию и тут же был повергнут на задницу. Не вставая, треснул по угольно-черной довольной морде и сразу был цапнут зверем поменьше. Хорошо не разделся.

– Этого не может быть, – заявил остолбеневший Тивас.

А зверь побольше, лизнув меня в забрало, носом подпихнул ко мне маленького, тот недовольно заворчал, скорчив такую умильно-угрожающую мордочку, что я расхохотался. Детеныш совершенно завороченно уставился на меня. Комонь опять лизнул меня и подтолкнул малыша ко мне. Тот, уже не сопротивляясь, подошел и лизнул меня в ногу. Я поднял его на руки, поднес к лицу, и забрало моего шлема было молниеносно облизано малюсеньким языком. Черный гигант очень аккуратно ткнул меня в грудь головой. А тот, что поменьше, царапал кожу доспеха в попытках засунуть головку мне под подбородок. Успеха не достиг, жалобно заверещал. Я снял его и уложил на руки. Он заворчал, устраиваясь поудобнее.

Комонь довольно ткнулся мне в руки и измазал малыша слюнями.

Я наконец обратил внимание на Тиваса. Тот стоял с обалдевшим видом.

– Да что с тобой, Идонгович?

Тот оторвал взгляд от котенка. Да, от котенка. Правда, весьма крупного.

– История знает всего несколько примеров, когда комонь отдавал своего детеныша на воспитание человеку. Это были великие люди. – Он замолчал. – Один из них Лихобор.

Я охнул.

* * *

Самое странное, что кони черного зверя абсолютно не испугались. И хотя он все время пытался влезть куда-нибудь своим любопытным носом, вели себя достаточно корректно.

А вот Тивас пребывал в глубокой задумчивости и странно так посматривал на меня.

– Идонгович, проясни ты мне, темному...

– Да-да, – рассеянно, по-профессорски, ответил Тивас, – я тебя слушаю.

– С чего это зверь к нам так проникает?

Он удивленно воззрился на меня.

– Но ведь мы бились рядом.

Пришло время изумиться мне.

– Так он это что, понимает?

– Конечно.

– Тивас, они что, разумные?

– А что я тут, по-твоему, делаю? Здесь есть виды разумных животных. В разной степени, конечно. Некоторые виды насекомых, некоторые породы деревьев. Только общаться с ними

чрезвычайно сложно. В основном потому, что они не хотят. А вот людей понимают. И друг с другом общаются. Да вон, ты сам посмотри.

Старший комонь инструктировал младшего, что-то втолковывал ему, порыкивая. Тот, склонив набок маленькую свою головку, внимательно слушал, изредка, по-детски тонким рывком, выясняя подробности. Со стороны, во всяком случае, это выглядело как беседа.

– Пойдем посмотрим, что от гиришу осталось.

Осмотр павшего противника привел меня к мысли о том, что даже раненому зверю или человеку в этой нежной саванне шансов на выздоровление давалось мало.

Мясо, внутренности, жилы и вообще все, что можно съесть, было съедено. Шкуру от излишков жира и мяса активно освобождала орда черных муравьев с мизинец размером. Стройные колонны уходили в густую траву, утаскивая с собой добычу. Наше появление не осталось незамеченным, и несколько десятков мурашей, оторвавшись от трапезы, сбили плотный строй у нас на пути. Я рассмеялся.

– Только не вздумай идти дальше. Растопчешь одного – сюда тысячи явятся. Придется вскачь уходить.

– Ого.

– Вот тебе и ого. Их никто не трогает. Невероятно мстительные твари. Тоже, кстати, весьма разумные. Ты их лучше прикорми.

Я отломил кусок галеты и аккуратно положил ее перед суровыми черными панцирниками. Из строя выскочил один и опасно попробовал. Подбежал к своим. Те бросились к подношению, разломали и уволокли. А парламентар подбежал ко мне, ловко вскарабкался на сапог и выхаркнул на его поверхность густую тяжелую капельку чего-то.

– Ну ты счастливчик какой-то. Тебе везет и везет.

– А чего это он?

– Пищей он с тобой поделился. Своей муравьиной.

Тивас достал из складок своей хламиды какой-то медальончик, протянул мне.

– На. Собери все.

Я послушно собрал уплотнившуюся каплю в медальон. Понюхал. Пахло одуряющее.

– По этому запаху тебя всегда найдут. И помогут.

– Спасибо большое, – сообщил я черным рыцарям.

Те дружно развернулись и умчались доедать.

– Ты зря иронизируешь. За одну такую каплю Ночная Гильдия отсыплет тебе ведро золота.

– Что за Гильдия такая?

– Содружество воров, – нехотя сказал Тивас.

– С чего бы это? Накроши им галет, да и меняйся сколько влезет. Они мне вон за кусочек целую каплю выдали.

– В том-то и дело, что очень мало кому они такой обмен предлагают. Исчезающее мало, – задумчиво добавил Тивас.

Тут нашу беседу прервало истеричное ржание коней и радостный сдвоенный визг циркулярной пилы. Мы обернулись. И я очень удивился. Скромно говоря.

Рядом с нашими заходящимися в панике скакунами радостно гарцевали огромный угольно-черный жеребец и такой же масти годовалый жеребенок.

– Я все понял, – радостно выдохнул Тивас. Повернулся ко мне, треснул по плечу и повторил весьма вдохновенно: – Я все понял.

Радость за друга наполнила меня до самой макушки. Однако праздник узнавания оскорблять вульгарным любопытством не стал. Очень уж у Сергея Идонговича видок был счастливый.

– Я понял, откуда Хушшар берут гончаков.

Вы много поняли из последней фразы? Я не больше.

А два куска ночи уже подлетели к нам.

– Извини, Тивас, что отрываю, но где комонь с детенышем?

– Да вот же они, – ткнул он пальцем в коней.

И радостный визг циркулярки развеял мои сомнения.

– Так они что – еще и оборотни?

– Ну да. – Идонгович просто светился от счастья. И быстро стал мне открывать озарившую его истину. – У Хушшар есть кони – гончаки. Устали не знают, в бою страшней любого зверя. И стоят баснословно. Конечно, Хушшар скрывают их происхождение.

– А тебе открылось?

– Конечно. Скрести комоня в конском обличье с кобылой – и получится гончак.

А тот, что побольше, уже совался храпом в ладони, норовил цапнуть за рукав. Зубки вот коня подводили.

– Покатать что ли хочет? – сообразил я. – Давай.

И пока Тивас раскрывал в очередной раз рот, по-пижонски вскинул себя на спину черного великана. И степь ринулась навстречу. Конь несся, как трассовый мотоцикл. Ровно, мощно и, что характерно, почти не трясло. Восторг переполнял меня. Я захохотал, и конь ответил мне восторженным визгом. А рядом заходил в экстазе малыш. Намного меньший, он ни на шаг не отстал от старшего, хотя видно было, что дается это ему с трудом. Великан весело сделал свечку, отчего я едва не свалился, и лишь ухватившись за перевитую мощными мышцами шею, удержался на спине. И бросился обратно.

Да за такого коня никаких денег не жалко.

Зверь остановился прямо перед Тивасом, забрызгав его соком из раздавленных тяжелыми копытами жирных стеблей трав и легким движением спинных мышц стряхнул меня на грешную землю. А поскольку мы консоме только ботфортом хлебаем, приземлился я на ноги. А комонь уже Тиваса дергает за рукав, и тому повторять приглашение не требуется, и прыгает он на спину чудовищу, как заправский казак, хотя временно исполняет обязанности Мага и Колдуна. Черным пламенем полыхнула мантия, смачно чавкнули по жирной земле мощные копыта, и уже стелется над высокой травой странное двухголовое чудище. Ох, и быстро стелется.

А мне в ногу тычутся. Уже маленький комонь тычет мордашкой в ногу, сердито разевая пасть.

– Ох, а чем тебя кормить-то, – всполошился я, поднимая детеныша на руки.

Но он мои сетования игнорирует и пытается прокусить кожу перчатки. Какой полезный зверь, этот огнистый змей. И достаю из кармана шинели галету, и ее легкая сладость по душе приходится страшному в будущем хищнику. А он с хрустом быстро смолачивает ее и смотрит мне в глаза весьма требовательно. Еще, мол, давай.

Но кормление приходится прервать. Прямо перед ногой стоит строй суровых черных ландскнехтов, и галету приходится делить надвое. Маленькому дурачку такая справедливость кажется надуманной, и он срывается с рук и шлепается прямо в пирующий отряд. Но какая высокая дисциплина. Часть подразделения шустро увлакивает расчлененную добычу, а другая ничтоже сумняшеся атакует дьяволенка, и он срывается во встречную атаку. До обидного неудачную, потому что предводитель черной молнией вцепляется в нос покусителя, и громкий обиженный визг разрывает тишину хрустального утра. Команенок бросается ко мне за защитой, а я подхватываю его и осторожно, чтобы, не дай бог, не повредить, снимаю с маленького носа свирепого агрессора. Тот ловко оседлывает палец, мечется туда сюда и вдруг останавливается, уставившись куда-то головой. На шкуру гиришу указывает он, и я, присев, опускаю руку, после чего маленький храбрец, одарив меня на прощание еще одной каплей, исчезает в густой траве.

А маленькому оборотню больно. Его в нос укусили. И я снимаю шлем, и кладу дитё к шее, и ласково прижимаю подбородком, и микроагрессор наконец успокаивается, цепляется коготками за волосы и успокаивается, давая мне время прибрать второй подарочек мурашей в заветный медальон.

Уже нарастал мягкий грохот копыт. Папочка услышал, что сыночка обижают. Увидел меня. В голове мелькнула паническая мысль: «Он же меня без шлема не видел. Звездец!». Не останавливаясь, стряхнул со спины Тиваса, кувыркнулся и уже угольно-черным кошмаром взвился в воздух. Я, что называется, каркнуть не успел, как меня опрокинуло и придавило страшной тяжестью. Яркое алое жерло глотки глянуло в глаза и захлопнулось. У меня на груди кто-то жалобно пискнул. Комонь приподнял лапу размером со среднюю кастрюлю, и из-под нее вылез детеныш и жалостливо заверещал что-то папаше. Тот слез с меня, удивленно глянул на дитё, на меня. Лизнул ребенка, отчего тот шлепнулся с меня в траву. Принюхался. Ткнулся мордой нежно так. Я сел. На вас никогда сейф не роняли? Тогда вам не понять моих ощущений. Как я шею об откинутый шлем не сломал, непонятно. Комонь меня лизнул. Дважды. В лицо. Отчего глаза мои стали непривычно огромны, а брови, наверное, перекрыли весь лоб.

Потом зверюга хитро улыбнулась мне. И хоть верьте, хоть не верьте, подмигнула. И исчезла. А маленький тут же пролез под рукой и устроился на коленях.

– Жив? – шумно опустил рядом со мной Тивас. – Все утро хотел тебе сказать, чтобы ты шлем не снимал. Да все забывал.

– Ты уж, пожалуйста, такое не забывай.

– Обошлось...

– Обошлось. Ладно, пойдем шкуру смотреть. Похоже, ее муравьи почистили.

– Кто?

– Да муравьи.

– А, мирники.

– Мирники так мирники.

А шкура гиришу была уже выделана на славу. Педантичные мирники сожрали и унесли все, что было им нужно для их мирнячьих дел. Только, что называется, кожа да кости.

Кости нам, предположим, нужны не были. А вот шкура... На глотке зияла страшная дыра, оставленная зубами комоня, а брюхо было попорчено зубами падалыщиков, что добрались до сладкой трубки. Но все остальное было в порядке. Зверье отожрало кожу там, где она была не укреплена костяными пластинами. Так что в целом трофей впечатлял.

– Ты иди лагерь собери. Потом коней приведешь. Я, пожалуй, здесь поколдую, – сказал он, доставая нож. – Шикарный черпак для коня может получиться. Нам сейчас любой внешний эффект полезен.

Подарок спрыгнул с меня и с рычанием вцепился в обкусанный мосол. Зверенок не переставал удивлять меня. С моих двух метров он слетел легко, как со ступеньки, а когда вцепился в кость, на которой виднелись следы зубов гораздо более крупных хищников, те, видно, оставили ее в связи с излишней неаппетитностью и крепкостью, то от мощной булдыги только щепки полетели. А детенок наслаждался.

* * *

Лагерь быстро собрать не удалось, потому что куда ни протянешь руку, она везде натыкалась на мокрый, холодный и при этом весьма любопытный нос. А за носом перемещалась масса килограмм в четыреста. Как всегда общаться с этой дружелюбной зверушкой было весело.

Но, как говорится, все хорошее заканчивается, и сбор лагеря я таки завершил. Больше всего намучился с заградительной полосой. Состояла она из весьма сыпкого материала, и при-

шло идти за консультацией к Сергею Идонговичу. Тот задумчиво кромсал ножом шкуру и на мой вопрос совет дал исчерпывающий:

– Да брось ты. Одноразовая она.

Духовный лидер регулярно забывал обучить меня разным полезным мелочам. Это тревожило.

Вторично я посетил Тиваса, когда он уже закончил свои скорняжные приготовления. Шкура была разрезана, обкорнана, разложена, и изнанка ее светилась тихим вечерним, скорее даже закатным солнцем, мумифицированная муравьиным соком.

– Подведи коня, – выдал указание Тивас. – Давай-ка его расседлаем.

Очень ему хотелось на животину новую шкуру натянуть.

Однако кони, почуяв запах гиришу, взволновались. Странно, комонь их своими ароматами совершенно не тревожил. Да, кстати.

– Тивас, хочешь хохму расскажу, – спросил я, железной рукой удерживая неуравновешенное животное.

Что значит Маг. Подошел. В ноздри всем дунул, кони и успокоились. Проговорил, задумчиво глядя то на шкуру, то на коня:

– Как думаешь, не большая будет?

– Давай примерим.

Зачарованный коняка стоял, не шевелясь, пока мы вскидывали на него тяжесть. Вскинули. Отошли, посмотрели. Впечатляет. Еще час мы возились, отпарывая и отрезая. Вы представляете, что будет, если когтистая лапа гиришу вдруг заедет жеребцу по его мужскому достоинству. Он расстроится.

Наконец управились. Комонь зарычал. Малявка тоже. Получилось.

– И кто на этом поедет?

– Ты воин. Ты внушать должен.

– Я на этом монстре не поеду. Тем более, костяшки мне задницу до затылка стешут. Это тебе видом внушать положено. А за нас пусть дела наши героические говорят.

– Ладно. На следующем привале седло приспособим. Придумаем что-нибудь. Да, что за хохму ты мне обещал рассказать?

– Древние русские коня называли комонь.

Тивас постоял с минутку. Потом сообщил в пространство:

– Да, чурка я нерусская, – подошел к коню, взлетел в седло. – Что думаешь, каяться буду, не дожدهшься. Поехали.

* * *

Этот день путешествия и описывать скучно. Мы гордо гарцевали в седлах, коняшки резво бежали. А бесчисленные стада живности торопились убраться с нашего пути. Потому что впереди, в густой траве, весело мелькали две угольно-черные спины. Одна побольше, вторая значительно меньше. Малыш явно решил, что я его утеранный в прошлом родственник. Причем абсолютно изголодавшийся. Потому что все время тащил добычу. Он мне приволок: двухметровую змею с ороговелой мордой, украшенной угрожающими зубами и по гребню треугольными наростами; какую-то крысу, с кошку величиной, с клыками, что мой большой палец (как они во рту помещались, непонятно); птицу, с индюка ростом, с мощными когтистыми лапами и хищно загнутым клювом; дикобраза с длинным хвостом, вооруженным костяным жалом, и массу всякой мелкой живности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.